

О. А. Курбатов Военная история русской Смуты начала XVII века

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О. А. Курбатов

Военная история
русской Смуты
начала XVII века

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство

КВАДРИГА

Сигизмунд III Ваза, король Польши (1587–1632),
главный внешнеполитический противник России в Смуту.
Гравюра XVII в.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О. А. Курбатов

Военная история
русской Смуты
начала XVII века

МОСКВА
Квадрига
2014

УДК 355.48(47)“16”

ББК 63.3(2)44-68

Т93

*Научный редактор
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра военной истории России
Института российской истории РАН
А. В. Малов*

Курбатов О. А.

Т 32 Военная история русской Смуты начала XVII века – М.: Квадрига, 2014. – 240 с. + илл. – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-146-5

Смутное время в Российском государстве начала XVII в. – глубокое потрясение основ государственной и общественной жизни великой многонациональной страны. Выйдя из этого кризиса, Россия заложила прочный фундамент развития на последующие три столетия. Память о Смуте стала элементом идеологии и народного самосознания. На слуху остались имена князя Пожарского и Козьмы Минина, а подвиги князя Скопина-Шуйского, Прокопия Лягунова, защитников Тихвина (1613) или Михайлова (1618) забылись.

Исследование Смутного времени – тема нескольких поколений ученых. Однако среди публикаций почти отсутствуют военно-исторические работы. Свести воедино результаты наиболее значимых исследований последних 20 лет – задача книги, посвященной исключительно ее военной стороне. В научно-популярное изложение автор включил результаты собственных изысканий.

Работа построена по хронологически-тематическому принципу. Разделы снабжены хронологией и ссылками, что придает изданию справочный характер. Обзоры состояния вооруженных сил, их тактики и боевых приемов рассредоточены по тексту и служат комментариями к основному тексту.

УДК 355.48(47)“16”

ББК 63.3(2)44-68

На первой сторонке переплета – портрет выдающегося полководца периода Смуты кн. М. В. Скопина-Шуйского. *Парсуна начала XVII в.*

ISBN 978-5-91791-146-5

© Курбатов О.А., 2014

© Тихонюк И.А., Шакиров Н.А., дизайн оформления, 2014

© Издательство «Квадрига», оформление, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Смутное время в Российском государстве начала XVII в. – это уникальное по своим масштабам и глубине потрясение основ государственной и общественной жизни огромной многонациональной страны. Справиться с кризисом Россия смогла только путем крайнего напряжения всех здоровых сил общества, его преодоление заложило фундамент могущества и процветания на последующие три столетия – до новых политических бурь XX столетия.

Память о «Московском разорении» на долгие годы стала существенным элементом российской государственной идеологии и народного самосознания, отразилась в календаре и молитвенных песнопениях Русской православной церкви, вдохновляет поколения поэтов, композиторов, художников. И все же к началу нынешнего века, благодаря усилиям советской цензуры – а более из-за утраты народом своей исторической памяти, – в ней сохранились лишь немногие фрагменты того выдающегося эпического полотна. На слуху имена князя Пожарского и Козьмы Минина, но уже мало кто знает о князе Скопине-Шуйском или Прокопии Ляпунове; известно, главным образом из учебников, о героических защитниках Троице-Сергиева монастыря и Смоленска, но почти забыта оборона Тихвина (1613) и уж тем более стойкость жителей Михайлова (1618). Напомнить имена забытых героев и страницы ратной летописи Смуты – основная задача этой книги.

Изучение любого общества в период кризиса, крушения привычной для него жизни, в условиях смертельной борьбы за выживание всегда дает историкам богатый материал для исследований, помогает понять многие моменты социальной истории, малозаметные в эпоху стабильности. Именно поэтому исследование Смутного времени – одна из центральных тем нескольких поколений российских и советских ученых, а также заметное направление в зарубежной русистике. Изданы сотни научных и научно-популярных книг и публикаций документов, написаны тысячи статей. Интерес к Московской Смуте не ослабевает – он чрезвычайно оживился с конца 1980-х гг., когда с

историков был снят пресс идеологической цензуры. Свести воедино результаты наиболее значимых исследований 1990-х и 2000-х гг. – пусть даже лишь в одном, военно-историческом аспекте – еще одна важная задача, которую ставит перед собой автор работы.

События Смутного времени – большей частью войны, походы, сражения, осады, вооруженные восстания и грандиозные разбои. Однако в историографии Смуты доля специальных военно-исторических работ ничтожно мала. Многие авторы – Р. Г. Скрынников, А. Л. Станиславский, И. О. Тюменцев – львиную долю своих монографий и публикаций посвятили детальному освящению ряда военных аспектов, однако только в качестве необходимого основы для более широких исторических построений. Настоящая работа, посвященная исключительно ратной истории Смуты, не претендует на глубину и новизну сугубо научной монографии. В основном своем объеме это научно-популярное повествование сводного характера, призванное обобщить на современном уровне достижения историков по военно-исторической тематике Смутного времени. В то же время автор включил в нее результаты собственных научных изысканий и подробно откомментировал ряд моментов, вызывающих дискуссии в современной историографии.

Научно-популярная направленность работы диктует особые требования к форме подачи материала. С одной стороны, весь текст снабжен ссылками, что характерно для научной монографии. С другой стороны, автор отказался от «линейной» подачи материала, рассредоточив очерки о состоянии вооруженных сил, различных аспектах тактики и боевых приемах, об истории подразделений и т. п. по всему тексту книги: они служат скорее комментариями или «текстовыми иллюстрациями» к тем событиям Смуты, о которых повествуется в основном тексте и хронологических таблицах.

За основу формирования текста выбран хронологическо-тематический принцип, то есть каждый раздел, повествующий об отдельной войне, кампании, осаде, снабжен подробной хронологической таблицей. Источники для каждой таблицы отдельно не указываются – это результат обобщения материала, изложенного в основном тексте, помещенном под тем же заголовком. Таким образом, по замыслу автора издание должно приобрести справочный характер – хронологические таблицы позволяют уточнить время и последовательность событий Смутного времени и призваны, таким образом, стать важным подспорьем преподавателям и студентам вузов и всем читателям, которые глубоко интересуются историей России.

Глава 1

ПРЕДПОСЫЛКИ СМУТЫ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

1.1. Русь накануне Смуты

На исходе XVI столетия Россия являлась огромным по территории государством, которое продолжало стремительно расширяться в южном и восточном направлениях. Вместе с тем плотность населения страны была крайне низкой, а его численность сильно уступала, например, могучему соседу – Речи Посполитой.

Россия представляла собой конгломерат земель, значительно различавшихся между собой по экономическому, социальному и национальному признакам¹. Поморье и вятские земли населялись в основном «черносошными» – свободными крестьянами, объединенными в крепкие общины – «миры». Хозяйство их, как и могучих вотчинников – Соловецкого, Кирилло-Белозерского и иных монастырей, было не столько земледельческим, сколько промысловым. Поволжье представляло собой район активной земледельческой колонизации. Характерными отличительными чертами этой области – «Низовой земли» или «Низа» – являлись богатые торговые города (Ярославль, Кострома, Нижний Новгород), расположенные на путях в Персию, а также преобладание в сельской местности так называемых «инородцев»: татар, мордвы, чувашей и т.п. Легендарный поход Ермака за «Камень» (Урал) открыл дорогу к освоению Сибири, и вскоре ее несметные сокровища, прежде всего в виде пушного «ясака» от покоренных племен, хлынули в Москву.

Разительный контраст представляли собой области Центральной и Северо-Западной России. Ливонская война, а еще больше – опричная политика Ивана Грозного нанесли страшный удар

¹ Обзор хозяйственных особенностей территорий см.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 3–91.

по хозяйству дворян и детей боярских – основных помещиков на этих землях. Крестьяне, не в силах нести бремя обеспечения служилого человека, охотно уходили к экономически благополучным крупным вотчинникам – монастырям и боярам. Да и ратные люди, несмотря на все запреты, старались к концу жизни заложить земли «за помин души» в монастырь, а разорившись, поступали в боевые холопы московской знати. В итоге помещичья земля запустела, а благосостояние деревень богатых соседей создало основу для недовольства массы служилых людей «по отечеству».

Активное возведение боевых оборонительных линий вдоль границы с «Подем» (так называемых «засечных черт»), продвижение передовых рубежей все дальше в степь сказалось на структуре населения южной окраины Московского государства – «Украинных», «Польских», «Северских» и иных подобных городов. В первую очередь здесь необходимо было наполнить гарнизоны многочисленных городов-крепостей, из-за чего большую часть населения составили служилые люди «по отечеству» и «по прибору» (стрельцы, казаки и т.д.) со своими семьями. При «верстании» (приеме на службу) власти мало интересовались прошлым переселенцев, почему юг стал надежным прибежищем для беглых холопов, всякого рода «гулящих» людей и даже преступников: «Егда кто от злодействующих осужден будет к смерти, и аще убежит в те города польския и северския, то тамо да избудет смерти своя»². Причем последнее отчасти происходило по инициативе самого правительства: еще в 1582 г. царь с боярами приговорили «писати в казаки в украинные города» осужденных за лжесвидетельство и иные «крамолы»³. Все эти люди уходили из коренных областей России с обидой на существующие порядки, что исподволь создавало почву для будущих мятежей.

Однако Русская земля конца XVI столетия не обрывалась Диким полем. На просторах южных степей, по берегам рек Дона, Волги, Яика и Терека жили вольные казаки – особое сообщество людей, исповавших православную веру и в силу этого считавших себя подданными русского царя, – хотя никаким законам государства они не подчинялись и, фактически, частью его не являлись. Казаки

² Палицын А. Сказание Авраамия Палицына / Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 107.

³ Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: Опыт государственного строительства. М., 2008. С. 105.

в это время пополнялись в основном за счетвыходцев из России: родственников служилых людей южнорусских городов, свободных людей других областей, а также сбежавших от своих господ или преследуемых по каким-то иным причинам людей; самыми боеспособными из последних были боевые холопы дворян⁴. Живя разбоем и лихими набегами, казаки не теряли окончательно связей с Русью и стали активными участниками ее внутренней Смуты.

Таким образом, разлад экономической жизни страны, недовольство различных слоев населения – и в первую очередь служилого военного люда, слабость и раздоры в правящей элите и враждебное внешнее окружение – все создавало предпосылки для внутреннего взрыва. Наблюдательный англичанин Флетчер, покидая Россию около 1590 г., уже тогда не сомневался, что ее ждет восстание «военных», то есть служилых людей⁵. Однако прогноз опередил события на 15 лет, и связано это с фактором уже не материального, а духовного порядка – а именно с бытующим на Руси комплексом представлений о царской власти. Не за отмену каких-то законов и не за созыв Земских соборов с готовностью шли на смерть русские люди в период Смутного времени: спор шел о личности их самодержавного царя, в которой, как в идеале, концентрировались все их надежды, чаяния и понятия о справедливости.

В сознании русского человека того времени не было в этом мире фигуры важнее, чем царь⁶. Подобно императору Византии, он мыслился государем, вдохновленным и хранимым Богом, Его образом на земле, предстоящим перед Ним за все свое царство. Именно «государевым счастьем» одерживались победы, достигалось благоденствие страны, торжество православной веры. Подобные качества человек приобретал в силу своего «помазания на царство», но существовал еще один очень важный признак законности его власти – принадлежность к избранному царскому роду. События начала XVII в. ясно показали, что такое понимание легитимности царской власти не осталось достоянием дипломатических споров или публицистики Ивана Грозного, но глубоко укоренилось и в

⁴ Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009.

⁵ Флетчер Д. О государстве Русском или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским). СПб., 1906. С. 31, 32.

⁶ Подробнее: Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.

народном сознании. Добавим, что идеальный образ праведного и благочестивого государя не был единым для всех слоев общества и сильно разнился в зависимости от сословных представлений о том, как царь должен жаловать и судить своих подданных.

Безграничность земной власти самодержца и само поведение его на виду у простого народа, напоминавшее бесконечную чинную церковную службу, вызывало почти мистический благоговейный трепет перед его величием. Большая же часть населения огромной страны знала понаслышке даже об этой чисто внешней стороне государевой жизни и деятельности, и народные представления о них носили легендарный, сказочный характер. Это впоследствии создало благодатную почву для самых разных самозванцев – обычно выходцев из низов общества: ведь им достаточно было вести себя просто в соответствии с народными представлениями о царе. Без осознания всей серьезности этих моментов, которые историки XX столетия порою высокомерно именовали «царистскими иллюзиями», не понять основных идейных мотивов гражданской войны в России начала XVII в.

1.2. Царствование Федора Иоанновича (1584–1598)

1584 г., 18 марта – 1598 г., 7 января – царствование Федора Иоанновича; правление царицы Ирины и боярина Б. Ф. Годунова (с 1587 г.).

1589 г., 23 января – учреждение патриаршества на Руси и избрание патриарха Иова.

1591 г., 15 мая – гибель царевича Дмитрия Иоанновича в Угличе.

1590–1593 гг. – Русско-шведская война.

1591 г., 4 июля – сражение под Москвой. Отражение набега крымского хана Казы-Гирея.

1594 г. – поход на Тарки терского воеводы кн. И. Д. Хворостинина.

1595 г., 18 мая – Тязинский мир со Швецией.

Кризисные явления в социально-экономической жизни России, которые обычно считаются основными причинами Смуты, были в действительности гораздо острее в конце правления Ивана IV. Однако царствование последнего из династии Рюриковичей – царя Федора Иоанновича – прошло под знаком стабилизации внутренней жизни общества и новых внешнеполитических успехов России. Основная заслуга в их проведении принадлежит боярину

Царь Федор Иоаннович. Гравюра конца XVI в.

Борису Федоровичу Годунову, брату царицы Ирины, пришедшему к власти при малоспособном к государственным делам царе.

Во второй половине 1580-х гг. Россия твердо укрепилась в Сибири. Развивая успех казаков атамана Ермака Тимофеевича, царские воеводы и головы основали города Тюмень и Тобольск (1587), а также ряд острожков, неприступных для окружающих племен⁷. Остроги стали прибежищем для ратных и вольных людей, которые покоряли «немирные» племена, обеспечивали безопасность «ясачных» – то есть уже присягнувших («шертовавших») царю – и сами занимались «охочим промыслом». Отсюда в столицу ежегодно направлялся «ясак» – меха ценнейших пород, обогащая опустошенную войнами казну государства.

Утверждение патриаршества – успех, достигнутый на этот раз дипломатическими усилиями Годунова, – ликвидировало неполноправное положение Москвы по отношению к древним центрам православия, находившимся в то время под властью Османской империи. Оно укрепило престиж русской церкви – церкви единственного в мире независимого православного государства.

На западе основной задачей оставалась ликвидация последствий поражения в Ливонской войне. Наиболее болезненным было лишение выхода в Балтийское море, и главный вектор дипломатических и военных усилий Годунов направил в сторону Швеции. Дождавшись, когда ее главный союзник – Речь Посполитая – увязнет в войне с Турцией, он нанес военный удар.

В январе 1590 г. в поход выступила рать во главе с самим царем, которого сопровождала его супруга. Талантливый воевода кн. И. Хворостинин с Передовым полком разгромил полевые войска шведов – кстати, в его отряде служил воеводой пленный сибирский царевич Маметкул, присланный к царю Ермаком. После этого началась осада Нарвы, которую лично возглавил сам Б. Годунов. Однако, не имея боевого опыта, боярин просчитался: мощнейшая осадная артиллерия пробила бреши в стене, а башни остались невредимыми. И когда 19 февраля пятитысячная колонна стрельцов, казаков и иных ратных людей пошла на приступ, осажденные расстреляли ее перекрестным огнем из башен и сбили со стены. Погибли воеводы кн. Ю. И. Токмаков и И. И. Сабуров, многие стрелецкие головы и сотники, не говоря уж о рядовых.

⁷ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 265–267.

Правда, и противник был обескровлен (говорили, что в строю у него осталось всего 80 человек) и запросил мира. По перемирию 25 февраля шведы были вынуждены уступить Ивангород, Копорье, Ям и все морское побережье между реками Нарвой и Невой.

В следующем, 1591 г. противник сделал попытку реванша: сосредоточив крупные силы на русской границе, шведы рассчитывали на то, что набег крымского хана на Москву оттянет основные силы русских из Новгородской земли и облегчит контрудар. Послы от короля Речи Посполитой Сигизмунда III потребовали прекратить войну со Швецией (Сигизмунд был сыном шведского короля Юхана), и перемирие, подписанное с ними сроком на 12 лет, включало обязательство со стороны России не воевать со Швецией один год.

Между тем поход хана Казы-Гирея окончился неудачей. Русские войска укрылись в «гуляй-городе», заранее устроенном возле Даниловского монастыря южнее Москвы, и встретили передовые татарские отряды огнем пушек и пищалей и контратаками – «травлей» – дворянских сотен. Ночью неожиданная канонада из полевых укреплений и со стен Москвы, а также обманные известия о подходе сильных подкреплений из Пскова и Новгорода посеяли панику в крымском стане и вызвали стремительное бегство противника.

Наступление шведских войск в 1591 г., несмотря на татарский набег, было остановлено под стенами Ивангорода и Гдова, а через год русские рати «повоевали» (то есть разорили) Финляндию у Выборга и Або: условия перемирия с Речью Посполитой не позволяли им поступить так же с окрестностями Нарвы.

Кончина шведского короля в ноябре 1592 г. изменила политическую ситуацию. Сигизмунд Ваза, ставший королем и Польши, и Швеции, был вынужден покинуть последнюю из-за недовольства своих протестантских подданных и с тех пор мало интересовался ее делами. Его дядя, герцог Карл Зюдерманландский, оставшись в качестве правителя, занялся подготовкой переворота в свою пользу и не хотел продолжения войны. В деревне Тязвина под Ивангородом был заключен «вечный мир». Согласно его условиям, России возвращались утраченные было земли с городами Ивангород, Ям, Копорье и Корела. Однако морская торговля оставалась под полным шведским контролем, и России запрещалось иметь свои гавани на Балтике. Таким образом, главная цель войны – возоб-

новление «нарвского мореплавания» – не была достигнута. Узнав о серьезных противоречиях между недавними союзниками – Речью Посполитой и Швецией, царь Федор отказался ратифицировать Тявзинский мир: последнее произошло только в 1609 г., уже в совершенно иных условиях.

В Поле на активизацию татарских набегов правительство ответило строительством новых городов. Города шагнули за Передовую засечную черту: были выстроены Воронеж (1585), Ливны (1586), Елец (1592), Белгород, Оскол и Курск (1596). Все они образовали группу так называемых «городов от Поля», главной функцией которых было обеспечение действий полевых войск по отражению татарских набегов и несение сторожевой службы. Население их состояло из служилых людей с семьями, новобранных или переведенных из внутренних областей государства; в Воронеже, Белгороде и Осколе основу гарнизона составили принятые на службу станицы вольных казаков во главе со своими атаманами. Вплоть до окончания Смутного времени большинство из польских городов не имело даже уезда в традиционном смысле этого слова: ратные люди жили исключительно в городе и никаких сел и деревень не заводили⁸.

Новый всплеск борьбы на Кавказе был связан прежде всего с религиозными мотивами в политике. Послы кахетинского царя Александра в 1586 г. били челом царю Федору со всем народом, чтобы православный царь спас их жизнь и душу, приняв в свое подданство: Грузия в это время стала ареной жестокой борьбы между Османской империей и Персией. Русский царь оказал ей некоторую богослужебную и военную помощь, но велел не ссориться с могущественными турками. Получив известие о присяге Кахетии, он с 1588 г. принимает титул «государя Иверской земли и грузинских царей». Принятие им же титула «государя Кабардинской земли, черкесских и горских князей» связано с возобновлением в том же году русской крепости на реке Терек (Терского городка) и подчинением ряда горских народов. Однако поход на шамхала Тарковского, правителя Дагестана и главной угрозы для Кахетии, окончился неудачей. Воевода Хворостинин должен был способствовать захвату этого города зятем царя Александра, Крым-Шевкалом, и утверждению последнего

⁸ *Зенченко М. Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: С. 74–81, 196.

на местном престоле. Выступив из Терского городка, воевода основал острог на реке Койсу, обеспечив себе связь с тылом, и взял штурмом Тарки. Однако кахетинские подкрепления с Крым-Шевкалом так и не подошли, а горцы осадили в городе русский отряд, что вынудило его отступить и с большими потерями прорываться к Тереку⁹.

Тем не менее в целом, с точки зрения внешней политики, царствование Федора Иоанновича оказалось успешным для России. Пределы государства расширились в восточном и южном направлениях; на западе удалось вернуть захваченные шведами во время Ливонской войны земли. Однако тогда же создались условия для нового кризиса – на этот раз династического. Болезненный сын Иоанна Васильевича не имел детей, а наследник престола – царевич Дмитрий Иоаннович – погиб при загадочных обстоятельствах, вызвавших толки о причастности к трагедии Бориса Годунова. Пресечение рода, ведшего себя от Августа кесаря и правившего Русью более 700 лет, стало настоящей трагедией, психологическим рубежом, пожалуй, для всех русских людей. Недаром писатели Смуты с неизменной теплотой отзывались о царствовании последнего Рюриковича: «И той убо, не радя о земном царствии мимоходящем, но всегда ища непременного. Его же видя, Око, зрящее от превышних небес, дает по того изволению немятежно земли Русстей пребывание и всех благих преизобилование»¹⁰. Государя, сменявшие один другого в последующие годы, вряд ли могли удостоиться подобной похвалы.

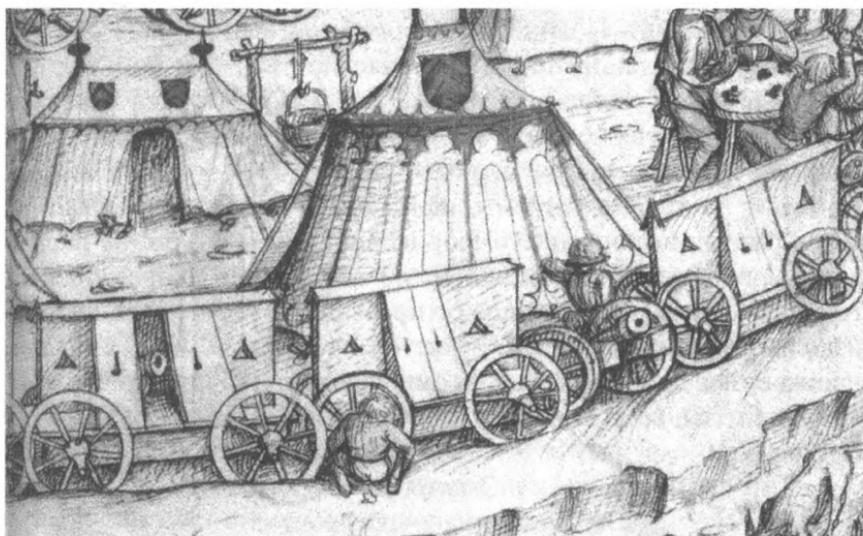
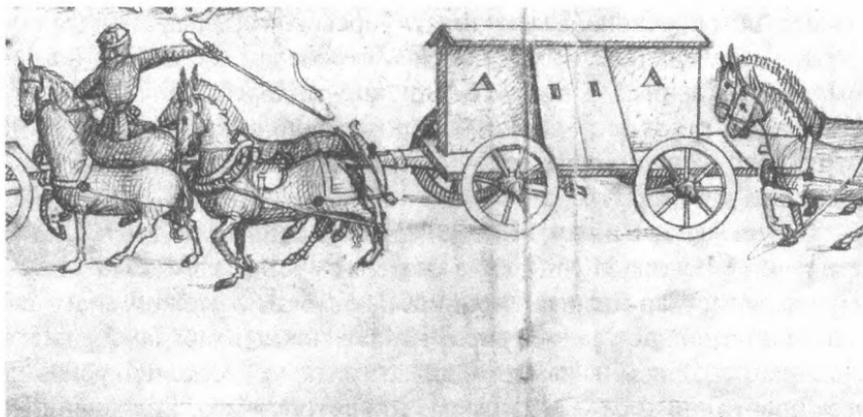
Экскурс 1.

*«Гуляй-город», или «обоз»,
в русском военном деле конца XVI – начала XVII в.*

«Гуляй-город» как укрепление, призванное прикрывать огнестрельный «наряд» русского войска – пищальников, пушкарей, позже – стрельцов со своими орудиями, известен с 1530 г. По всей видимости, он был привнесен в русскую военную практику европейскими артиллеристами и инженерами, трудившимися над усовершенствованием осадного парка во времена великих князей

⁹ Потто В. А. Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. (Репринт: Ставрополь, 1991). Т. 1. С. 45–58.

¹⁰ Сказание Авраамия Палицына / Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 101.

Гуляй-город – западноевропейский вагенбург.
Немецкая гравюра конца XV в.

Ивана III и Василия III. Само же слово «гуляй-город» представляется остроумным переводом немецкого «Wagenburg» – подвижно укрепленного из повозок, гарнизон которого составляли стрелки из огнестрельного оружия. Впрочем, в отечественной практике понятие города «гуляя» могло охватывать не только собственно вагенбург, но и осадные башни, а позже и подвижные заграждения из «испанских рогаток».

Долгое время московские «гуляй-города» использовались только как прикрытие осадной артиллерии при взятии крепостей. Новую жизнь им придал боярин кн. М. И. Воротынский, когда готовился в 1572 г. отразить грандиозный поход крымского хана. В мае 1571 г. неожиданный прорыв основных татарских сил через Оку вызвал беспорядочное отступление царских «береговых полков» под прикрытие московских стен и бегство Ивана Грозного к Ярославлю. Не надеясь уже остановить кочевников на берегу Оки, кн. Воротынский устроил подвижное укрепление, способное и двигаться в нужном направлении, и укрывать за своими стенами всю «береговую рать». Маневр полностью удался: в чистом поле у погоста Молоди все царское войско нашло надежное укрытие в лице своего «гуляй-города», отразило отчаянные татарские приступы и вышло победителем в смертельно опасной для всего Русского государства схватке. Командование сделало выводы из столь удачного боевого опыта, и к 1591 г. мы находим, что сборные части «гуляя» – в первую очередь деревянные щиты с амбразурами – хранятся не только в береговых городах¹¹ (как в 1571 г.), но и под самой Москвой; в случае сооружения этой крепости назначался особый «гулёвый воевода», который отвечал за перевозку и установку укрепления и имел даже собственный отряд конницы для разведки¹².

Заблаговременное устройство «обоза, а по древнему названию – “гуляя”»¹³ под Москвой в 1591 г. было вызвано напряженной военно-стратегической ситуацией. Значительная часть детей боярских еще не съехалась из поместий или находилась в Новгороде против шведов, и недостаток конницы приходилось компен-

¹¹ По некоторым данным, «гуляй-город» хранился в Коломне (*Лаврентьев А. В.* Царевич – Царь – Цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 127).

¹² *Флетчер Д.* О государстве Русском... С. 66, 69.

¹³ Временник Ивана Тимофеева. М., 1951. С. 37–40, 202–204.

сировать за счет более эффективного применения пехоты и мощной столичной артиллерии.

Согласно описанию очевидца событий – дьяка Ивана Тимофеева, «обоз» представлял собой стену из щитов в сажень высотой и 3 локтя шириной (2,16 на 1,5 м), с амбразурами, сколоченную из тонких досок, – то есть предусматривалась защита только от легких татарских стрел, а не от огнестрельного оружия. Между собой щиты скреплялись железными цепями и были поставлены на колеса. Изнутри к ним припрягались лошади (по Тимофееву – «ослы»), с помощью которых все сооружение могло медленно передвигаться по полю. Протяженность «гуляй-города» по фронту достигала 2, а в глубину – 1 км, так что внутри укрывалась вся конная рать. При необходимости щиты могли расцепляться в определенном месте и пропускать отряд конницы, что позволяло наносить неожиданные удары и снова укрываться за стеной. Несомненно, что вся конструкция предполагала противодействие легким татарским отрядам, не имевшим ни пехоты, ни пушек.

Однако русские ратники надеялись не только на эти стены, пищажи и иные «многие бранные хитрости»: внутри «гуляй-города» была установлена полотняная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского. Благочестивый царь повелел поставить в ней чудотворную Донскую икону Богородицы, с которой накануне патриарх Иов обошел с крестным ходом стены Москвы. Все это должно было еще и напомнить об избавлении древней столицы «от агарян» в прошлом – от полчищ Мамаю и Тамерлана. Пожалуй, перед нами уникальный случай превращения привычного полевого укрепления в своеобразный город-защитник Москвы от нашествия. После успешного отражения татарского набега на месте «обоза» (и, видимо, походной церкви) был построен Донской монастырь, имевший каменные уже стены.

Со временем, к периоду Смуты, полевой «обоз» русского войска претерпел некоторые изменения. С одной стороны, зачастую уже не было времени и средств для изготовления особых сооружений; с другой – приходилось иметь дело с армиями, располагавшими артиллерией и пехотой. Уже в конце Ливонской войны на западном направлении царскую рать стал сопровождать обоз, хорошо снаряженный разного рода инженерными и артиллерийскими припасами, способный противостоять войскам Стефана Ба-

тория¹⁴. В Смуту «обозы» нередко составляли наспех из подручных средств: так, например, поступили стрельцы при Добрыничах (20 января 1605 г.), когда «сложили шанцы из саней, набитых сеном, и залегли за ними»¹⁵. В то же время учащается применение его в маневренном полевом бою – даже для прорыва сквозь ряды противника. Так, по описанию Маскевича, весной 1611 г. казачий отряд Просовецкого из Первого ополчения шел «гуляй-городом, то есть подвижною оградю из огромных саней, на которых стояли ворота с несколькими отверстиями для стрельняния из самопалов. При каждых санях находилось по 10 стрельцов: они и сани двигали, и, останавливаясь, стреляли из них, как из-за каменной стены. Окружая город со всех сторон: спереди, с тыла, с боков, эта ограда препятствовала нашим копейщикам добраться до русских...». В это время в обиход вошло еще одно обозначение для обоза – «таборы», пришедшее из Польши. Там эти подвижные полевые укрепления, подобные знаменитым таборам чешских гуситов, с успехом применялись в боях с татарами и турками.

Заранее укрыв свою конницу в гуляй-городе, воеводы получали ряд тактических преимуществ, совершая вылазки в неожиданных местах и свежими силами. Это позволяло непрерывно тревожить, «травить» неприятеля, а при случае и нанести решительный удар¹⁶. Кроме того, уже в первом эпизоде его применения царские воеводы во главе с кн. М. И. Воротыньским удачно использовали такую воинскую хитрость, как огненная засада: когда обманным бегством противник наводился на «гуляй-город» с пушками и стрельцами. 27 июня 1572 г. ратники Передового полка ударили с тылу на сторожевой полк татарского войска, спешившего к Москве, и «домчали» его до крымского «царева полку». Девлет-Гирей выдвинул 12 тыс. крымских и ногайских татар, которые, в свою очередь, «Передовой государев полк мчали до Большо́во полку до гуляя города, а как про-

¹⁴ Флетчер Д. О государстве Русском... С. 66, 69; польский «тушинец» Н. Мархоцкий в своих записках различает московский «обоз» под Болховом и на Ходынке (1608) и собственно «гуляй-город» во 2-й битве на Ходынке (1609) (Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000. С. 35–36, 42, 52–53).

¹⁵ О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей. М., 1997. С. 76.

¹⁶ Один из ярких случаев подобного хода битвы – сражение при Верховичах между осажденным русским войском кн. С. А. Урусова и полками гетмана Павла Сапеги (Курбатов О. А. «Чудо архангела Михаила». Документы похода Новгородского полка на Брест и битвы при Верховичах 17 ноября 1655 г. // Исторический архив. 2005. № 3. С. 176).

бежали гуляй город вправо, и в те поры князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи велели стрелять по татарским полком из всего наряду. И на том бою многих татар побили»¹⁷. Не менее удачным оказался подобный маневр и в бою с польскими гусарами и казаками первого Самозванца при Добрыничах (1605): обратившийся в бегство полк Правой руки навел их на обоз, где за возами укрылось несколько тысяч стрельцов с пушками. Внезапный залп из всех орудий и ружей смешал противника и в конечном итоге переломил ход битвы¹⁸. Не исключено, что московские ратники сами научились этому приему у ливонских немцев во время сражений 1501–1502 гг.¹⁹ и у поляков в битве под Оршей (1514); первые опыты его использования против татар встречаются при описании Казанского взятия (1552)²⁰.

1.3. Царствование Бориса Федоровича Годунова (1598–1605)

1598 г., 17 февраля – 1605 г., 13 апреля – царствование Бориса Федоровича Годунова.

1598 г., май–июнь – Серпуховский поход царя против крымского хана.

1600 г. – строительство г. Царев-Борисов. Ужесточение отношения к донским казакам («заповедь» Годунова). Дело Бельского.

1601 г., август – перемирие с Речью Посполитой на 20 лет.

1603 г. – восстание Хлопка.

1604 г. – Шевкальский поход. Гибель окольничего и воеводы И. М. Бутурлина с казанской и астраханской ратью на отходе от Тарков.

Еще в начале царствования Феодора Иоанновича фактическим правителем государства стал боярин Борис Федорович Годунов. Проявляя чудеса изворотливости, Годуновы, поднятые к вершинам власти во время опричнины, смогли удержаться при дворе и в последующий период. Более того, они успешно сосватали за царевича Федора свою племянницу Ирину Годунову – сестру Бориса. Жестоко расправляясь со своими врагами, Годунов снискал репутацию хитрого и лукавого царедворца, хотя инициированные

¹⁷ Буганов В. И. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // Исторический архив. 1959. № 4. С. 180.

¹⁸ О начале войн и Смут в Московии. М., 1997. С. 76, 77.

¹⁹ Базилович К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952. С. 425, 442–444.

²⁰ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 13. С. 212.

им государственные мероприятия поднимали его авторитет как правителя. Записки очевидцев изобилуют подробностями, отчасти вымышленными, о хитрых уловках бывшего опричника по утверждению своего влияния и устранению неугодных. Так, уже вскоре после гибели царевича Дмитрия на юге России распространился слух о том, что Борис нарочно навел на Москву крымских татар, «боясь народа из-за убийства царевича Дмитрия» – соответственно, и виновником гибели последнего уже тогда считался Годунов.

Восшествие его на престол сопровождалось рядом различных интриг, политических комбинаций, а также событий, символических для общественного мнения. Прежде всего, это история с посохом Федора Иоанновича. По легенде, глубоко укоренившейся в народном сознании и известной современникам – иностранцам, умирающий царь вручил знак своей державной власти – скипетр, или «посох», – ближайшему родственнику, двоюродному брату Федору Никитичу Романову, но Годунов, вопреки этому, завладел престолом. Это образно, по-народному передает обстановку, сложившуюся перед избранием нового царя. Федор и Александр Романовы, а также князь Федор Иванович Мстиславский являлись более родовитыми боярами, чем Годунов, и знать не могла добровольно пойти на признание царем последнего. Для преодоления ее сопротивления было недостаточно ни Земского собора, наспех собранного сторонниками правителя, ни поддержки служилого люда и низов московского посада: в ответ выдвигались альтернативные проекты боярского правления или избрания на престол князя Симеона Бекбулатовича, бывшего при Грозном в течение года номинальным царем России.

В этих условиях было объявлено об угрозе нового татарского вторжения, хотя в действительности хан в это время готовил поход в Венгрию, против австрийского императора. Годунов объявил о своем государевом походе и общем сборе войск под Серпуховом. Разрядная роспись, составлявшаяся в подобных случаях, должна была включать всех бояр и иных думных чинов. Выступив в поход и обращаясь за разрешением возникавших местнических споров к Годунову, они неминуемо признавали его царский авторитет. Ратные люди, собравшиеся в огромном лагере на берегах Оки, были щедро обласканы знаками царского внимания: от государева имени их «спросили о здоровьи», потчевали за царским столом и наградили денежным жалованьем. Серпуховский поход

стал и новым успехом российской дипломатии: крымские послы, грозно встреченные огромным войском, явились к Борису с предложением мира и признали за ним царский титул. Многоходовая «предвыборная кампания» триумфально завершилась 3 сентября 1598 г. венчанием Бориса на царство в Успенском соборе Кремля.

Современники ставили в вину новому государю, что «аще и разумен бысть Борис в царских правлениях, но писаниа Божественаго не навик и того ради в братолюбии блажен бываша». Иностранцы понимали подобные суждения как указание на безграмотность бывшего боярина, однако это неверно. Дело в том, что царь в своей внутренней политике так и не смог повести себя действительно по-царски, поднявшись над боярскими склоками и оставив дешевый популизм по отношению к народу, – и в этом, несомненно, сказалась недооценка им церковной, сакральной составляющей царской власти в России.

Вначале царь расправился со своими знатными противниками. Первой его жертвой пал старый опричник, боярин Богдан Яковлевич Бельский. Летом 1599 г. Борис послал его во главе трехтысячного отряда возводить один из важнейших форпостов на степной «украине» – крепость Царев-Борисов. «Богдан же, человек богатый, пошел на строительство города с великим богатством и всякого запаса взял с собой много, и пришел на то городище, и град начал делать сперва своим двором, и сделал своими людьми башню и стены и укрепил великой крепостью. Потом же по тому образцу повелел и всей рати делать, и вскоре сделали весь град и укрепили его всякой крепостью. Ратных же людей поил и кормил каждый день, и бедным давал деньги, и платья и запасы»²¹. Все это сделало его популярным на Москве, и, забыв об осторожности, боярин без всякого уважения стал отзываться о царе: «Пусть Борис Федорович царствует на Москве, а я теперь царь в Цареве-Борисове». Впрочем, не только это стало вскоре причиной опалы боярина: как глава Аптекарского приказа, он был заподозрен по доносу иноземца-аптекаря в попытке «извести» своим лечением царя Бориса. Бельского предали позорной казни, лишили думного чина и отправили в ссылку в нижегородское имение²².

Уже при восшествии на престол Бориса постиг тяжелый недуг, и все последующие шесть лет он провел «не царствуя, но всегда

²¹ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 291.

²² Скрынников П. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 34–36, 75.

болезнью». Возможно, что слухи о близкой кончине ненавистного выскочки и заставили повести себя столь дерзко и Бельского, и Романовых, которые осенью 1600 г. собрали в Москве большое количество своих слуг и сторонников. Однако Борис опередил возможно готовящийся удар: в ночь на 26 октября несколько сот стрельцов с горящими факелами выступили из Кремля и, открыв пальбу, атаковали подворье Романовых. Никитичи и их родственники были арестованы по обвинению «известить» царскую семью колдовством. Как и в случае с Бельским, остальные бояре лишь способствовали судилищу, радуясь падению соперников. Ложное обвинение было сфабриковано с помощью холопских доносов, которые поощрялись сторонниками Бориса. «И от тех наветов в царстве была великая смута, друг на друга доносили, и попы, и чернецы, и пономари, и просвирницы. Да не только эти люди, но и жены на мужей доносили, а дети на отцов, от такого ужаса мужья от жен своих таились. И в тех окаянных доносах много крови пролилось неповинной: многие от пыток померли, иных казнили, иных по темницам рассылали, дома разоряли; ни при каком государе таких бед никто не видел»²³.

Федора Романова насильно постригли в монахи и заточили в монастырь, лишив таким образом возможности стать царем даже в будущем, а его младшие братья и многие племянники погибли в ссылке (за исключением Ивана Никитича, вскоре возвращенного в Москву). Все это немедленно породило слухи об их убийстве по приказу царя.

Понимая всю непрочность своего положения, Борис сделал несколько попыток породниться с «природным государем» иной земли. В 1599 г. он пригласил в Москву скитавшегося по Европе и достигшего Риги принца Густава, сына свергнутого шведского короля Эрика XIV, надеясь выдать за него свою дочь Ксению. Однако тот отказался принять православие, и брак не состоялся. В 1602 г. царь сосватал ее за герцога Ганса Датского – но накануне свадьбы, уже в Москве, жених внезапно скончался от неизвестной врачам болезни. Итак, обе попытки окончились неудачей, а слишком радужное отношение к «немцам», которых Борис всячески жаловал, только повредило его авторитету среди подданных.

Во внешних делах начало нового царствования было ознаменовано победами за Уралом. Воеводы Тарского городка разгромили

²³ Новый летописец. С. 291.

в степи становища хана Кучума, захватив в плен его семью и слуг (1598). Остатки Сибирского ханства были уничтожены, и русские люди стремительно продвинулись с берегов Иртыша и Оби к устью Енисея. Уже в 1600 г. в Москву был прислан первый ясак с Мангазейской земли²⁴.

На западе Борис продолжил усилия по возвращению России на Балтику. Для этой цели применялись самые разные средства. Так, уже упоминавшегося принца Густава, прибывшего в Москву в 1599 г., планировалось использовать в борьбе за Прибалтику – возможно, вспомнился опыт с королем Магнусом в период Ливонской войны. Однако принц отказался воевать за престол против соотечественников, после чего был отправлен в почетную ссылку в Углич, где и кончил свои дни уже в 1607 г.

В это время возле северо-западных границ России разразилась война между Речью Посполитой и Швецией. После бегства Сигизмунда шведский сейм пригласил на престол его сына, малолетнего королевича Владислава, в то время как герцог Карл с войском восстановил шведский контроль над Кальмаром, смутившейся Финляндией и Эстляндией. В ответ поляки вторглись в Прибалтику, что положило начало долгой изнурительной войне 1600–1611 гг., с осадами многочисленных замков и полевыми сражениями. В 1604 г. сейм в Норчепинге объявил герцога королем Карлом IX (коронован в 1607 г.), а Сигизмунд был лишен наследственных прав на престол.

Годунов постарался извлечь максимальную выгоду из сложившейся ситуации. В начале конфликта он предоставил шведским войскам свободный проход в Эстляндию через Ижорскую землю, помог им продовольствием. В 1601 г. Карл, надеясь вовлечь Россию в борьбу на своей стороне (как раз истекло 12-летнее перемирие с Речью Посполитой 1590 г.), прислал посольство в Москву. Тогда же в столицу прибыл и польский посол – канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега. Стратегической целью правящих кругов его страны было «вечное соединение» (военно-политический союз) двух государств. Годунов попытался в обмен на помощь добиться от шведов уступок в Эстляндии (и прежде всего Нарвы), но, ничего не получив, торжественно продлил перемирие с Речью Посполитой на 20 лет.

²⁴ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 272–278.

Итак, дипломатические интриги Годунова, несмотря на ряд благоприятных обстоятельств, не привели к сколь-нибудь заметным результатам: зная о непрочном положении его династии, соседи России не спешили ни идти на уступки, ни отказываться от своих притязаний. Но если на западе в целом им была продолжена прежняя политическая линия, на юге она сильно изменилась – и с серьезными негативными последствиями для России.

Около этого времени донские казаки основали в устье Северского Дона свою столицу – Раздоры. Уже упоминавшееся возведение мощной крепости Царев-Борисов в сотнях верст от старых рубежей государства стало настоящим вызовом нового государя всему вольному казачеству, шагом в направлении контроля над его исконной территорией. Была прекращена отправка государева жалованья казакам, а также запрещена любая торговля с Тихим Доном. Нарушившие «заповедь» подвергались жестоким преследованиям, а всех появлявшихся в царских городах казаков было велено хватать и сажать в тюрьмы²⁵. Таким образом, Борис повел себя не как православный государь по отношению к своим подданным, а как боярин-крепостник – к бежавшим холопам, отождествляя казаков-воинов с обычными разбойниками. Понятно, что крамола находила благодатную почву именно в их лихих сообществах, однако подобные меры восстановили против нового царя не только казачество, но и значительную часть связанного с ним населения России, особенно на юге страны.

1.3.1. Шевкальский поход 1604 г.

Настоящим символом бесплодности и обреченности внешнеполитических усилий годуновской России и предвестником грядущих катастроф стал бедственный Шевкальский поход 1604 г.

Посольство из Кахетии, прибывшее поздравить Бориса с восшествием на престол, было встречено упреками за неблагоприятную роль царя Александра в неудачном походе Хворостинина 1594 г. Послы И. Нащокин и И. Леонтьев, в 1602 г. отправленные в Кахетию, своим мздоимством и лживыми отписками чуть было окончательно не поссорили царя с грузинами. Лишь усилия местного архимандрита Кирилла, разоблачившего их злоупотребления перед Борисом, исправили положение. Тем временем посольство

²⁵ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». С. 106–108.

в Персию, требовавшее у шаха покорства шамхала Тарковско-го, вернулось ни с чем: шах, не получив от России помощи против Турции, отказался признавать Кахетию в подданстве России. И хотя на помощь от грузин надежды было мало, поход на Тарки был решен. Но прежде произошел эпизод, ярко характеризующий авторитет России за Кавказским хребтом²⁶.

В августе 1604 г. посольство думного дворянина Михаила Татищева и дьяка Андрея Иванова прибыло в Кахетию, чтобы условиться о военных действиях. Две сотни стрельцов составляли его охрану. В это время царь Александр с лучшей частью своих войск находился в походе в составе армии шаха, а на Грузию надвинулись союзники турок – кумыки и отряд из Шемахи во главе с Султан-Мутотом – сыном шамхала Тарковского. Их целью был Загем – стратегически важная грузинская крепость. По просьбе царевича Юрия Татищев дал ему всего сорок стрельцов с сотником Михаилом Семовским. 7 октября в одном переходе от Загема стрельцы встретили отряд шамхала огнем из пищалей, «и турецкие люди, узнав русских людей, побежали». Преследуемые местным ополчением, они бросили захваченный полон и потеряли четыре знамени. На следующий день стрельцы уже противостояли кумыкам, однако те, узнав о появлении русского отряда, отступили без боя. «И стало то в Грузинской земле в великую славу и государеву имени в честь».

Между тем начался грандиозный для тех мест Шевкальский поход: только на его осуществление казна отпустила 100 тыс. рублей²⁷. Весной 1604 г. прославленный воевода окольный И. Н. Бутурлин с детьми боярскими и стрельцами из Свияжска, Казани и Астрахани двинулся в Терской городок. Там войско было усилено местным гарнизоном и вольными казаками. Напрасно прождав некоторое время кахетинскую рать, Бутурлин начал действовать. Поначалу легкие отряды овладели Кумыкским плоскогорьем и основали еще один острожек – в Акташе. Вслед за этим войско подступило к Таркам и решительным штурмом овладело крепостью. Это был его последний успех.

Предстоящая голодная зимовка вынудила воеводу отпустить часть своих сил в Астрахань. Правда, уходящий отряд с трудом пробился сквозь ополчения всего Дагестана во главе с Султан-

²⁶ *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Т. I. С. 59–61.

²⁷ Подробнее см.: Там же. С. 62–66.

Мутот, сменившим престарелого отца на шамхальском престоле. Вслед за этим горцы обрушились на острожки в Койсу и Акташе. Немногочисленным ратным людям пришлось их оставить, и войско Бутурлина оказалось отрезанным от Терского городка. После этого дагестанцы осадили Тарки, подкопом взорвали одну из башен, однако потерпели неудачу во время штурма.

Обескровленные стороны заключили перемирие, согласно которому шамхал предоставил русскому войску свободный путь к отступлению. В подтверждение этого Султан-Мут согласился отдать в «аманаты» (заложники) своего сына. Однако на следующую ночь после выхода отряда из города горцы вероломно напали на русских ратников на привале. Таким образом, превосходство «огненного боя» стрельцов было сведено на нет, и бой превратился в резню. Бутурлин лично изрубил аманата, однако тот оказался вовсе не сыном шамхала, а неким осужденным на смерть преступником. В страшном бою погибли воеводы Бутурлин и Плещеев со своими сыновьями, разделив участь большей части воинов: спастись смогли только доброконные дети боярские и казаки. Князь Кольцов-Масальский, собрав остатки ратников, пробился в Терской городок. Вследствие возмущения в связи с походом Лжедмитрия, докатившегося и до Астрахани, воеводы уже не могли ничего предпринять, а вскоре гражданская война сделала непримиримыми врагами недавних соратников... Связь судеб православной Грузии и России проявилась и в несчастье: царевич Константин принял ислам и 12 марта 1605 г. предательски убил своего отца Александра и брата Юрия, совершив переворот в пользу персидского шаха. А посол Татищев повез весть о потере Кахетии уже новому царю...

Вооруженная и дипломатическая борьба, которую вела Россия на Кавказе в конце XVI – начале XVII в., не имела даже минимального экономического или иного материального смысла, обычного для других направлений (сибирского, западного и т.д.). Это была часть обязанностей государства, принявшего на себя миссию Третьего Рима – последнего православного царства, а значит, в определенной мере и защитника единоверцев в окружающем мире. Несмотря на все трудности, Россия несла этот крест, пока сама не рухнула от внутренней смуты.

*Экскурс 2.**Вооруженные силы России на рубеже XVI–XVII вв.*

Вооруженные силы Российского государства в конце XVI – на-чале XVII в. составляли следующие группы ратных людей:

- служилые люди «по отечеству» (дворяне, дети боярские, служилые иноземцы, мурзы и татары);
- служилые люди «по прибору» (стрельцы, казаки, «пушкарский чин»);
- собиравшиеся на время войны даточные («посошная рать»), слуги крупных помещиков и монастырей).

По оценкам С. М. Середонина и А. В. Чернова, общая численность ратных людей могла достигать 100 тыс. человек, не считая даточных. Представляется, что цифра эта сильно завышена; кроме того, самая крупная по численности рать эпохи Смутного времени – армия кн. Мстиславского зимой 1604/1605 г. – насчитывала чуть более 20 тыс. бойцов, включая и конных даточных людей; прочие армии в более поздние кампании Смуты не могли достичь и этой численности.

Общее руководство операциями, а также контроль за передвижением служилых людей «по отечеству» по службам и чинам осуществлял Разрядный приказ. Дворянское землевладение ведалось самым крупным по числу служащих учреждением – Поместным приказом.

Высшая знать составляла Государев двор, включавший в себя **думных чинов** (бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки) и **московских чинов**. Верхушка московских чинов – это стольники, стряпчие и дворяне московские. Самые родовитые помещики из уездов служили особым списком «выборных дворян», а преимущественно из их детей набирался отряд жильцов – «живших» в царских покоях при особе государя. Всех московских чинов в 1604 г. насчитывалось около 1,5 тыс., но к 1613 г. их численность сократилась до 600 человек²⁸. В войске они служили в основном на командных должностях – воевод и разного рода «голов», а если выходили в отставку или несли административную службу, то выставляли вместо себя вооруженных **даточных людей**. В случае, если в поход шел сам царь (**Государев поход**), создавался особый Государев полк для охраны царя, в который все оставшиеся без назначений московские чины поступали рядовыми. Иногда они дополнительно выставляли сотни «боярских лю-

²⁸ Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 308–309.

дей» из своих боевых холопов: конных в случае полевой кампании или пеших с огнестрельным оружием, если предстояла осада.

Основную массу служилых людей конной службы составляли **городовые дворяне и дети боярские**. Они различались по принадлежности к уездам, где были записаны в служилые списки – десяти – и по преимуществу имели поместья. Большая часть бойцов поместной конницы состояла из самих детей боярских, поскольку средств для вооружения холопов у них не было. Те помещики, что не могли выступить с двумя боевыми конями и обозным слугой в дальний поход, переводились в разряд «пищальников»: то есть служили с ружьем на одном коне, а в бою усиливали огнестрельную пехоту. Таких бедняков было много в южных уездах за Окой и в Северной земле.

В уездных корпорациях служилых людей «по отечеству» («городах») существовала своя довольно сложная иерархия. Помещики делились на выборных дворян, дворовых и городских детей боярских, а также невёрстанных и «новики». Внутри первых трех названных «списков» служилые люди различались величиной поместного (в «четвертях – четьях») и денежного (в рублях) окладов, имевших не только буквальное, но и иерархическое значение. Продвижение по службе проводилось «по родству и за службы» и выражалось в «пожаловании» в иной список (из городского – в дворовые, из выборного – в жилецкий и т.п.) и/или в прибавке к окладу внутри списка.

Но, даже формально находясь на одной ступени этой лестницы, служилые люди различались между собой в силу принадлежности к разным по «честности» родам: «только по породе своей одни за другими неровны». Это «место» рода зависело от давности его службы московскому великому князю и положения его представителей в официальных документах – «разрядах» на эту службу, фиксировавших назначение воевод и иных чинов из года в год. Списки с них имелись во всех знатных семьях и пускались в дело в местнических спорах: дворянин был просто обязан перед своими сородичами бить челом государю при малейшей угрозе «порухи» его «чести» при новом назначении.

Служилые люди «по прибору» служили большей частью в рядах пехоты – «пеших людей с вогненным боем» – или в составе «пушкарского» чина. Они набирались из нетяглых и гулящих людей по особым боярским приговорам и государеву указу, уста-

навливавшему численность и вид того или иного чина в каждом городе. В мирное время поддержание оговоренного числа, к примеру, стрельцов (100, 300 и более человек в городе) шло преимущественно за счет «верстания» их детей и племянников, что постепенно делало службу наследственной. Однако при формировании нового гарнизона или срочном восполнении потерь вновь «кликали биричем по торгам» людей со стороны.

Наиболее боеспособную, отборную пехоту со времен царя Ивана Грозного представляли **стрельцы – московские и городовые**. Они делились на единообразные отряды – приказы по 500 человек во главе с головами из дворян и сотни по 100 человек во главе с сотниками. Стрельцы жили при крепостях особыми слободами, получали денежное и хлебное жалованье, казенные ружья, цветное сукно на кафтаны, регулярно участвуя в учениях. Городовые стрельцы несли большей частью гарнизонную службу; к дальним походам призывались в основном московские, а также приказы из Новгорода, Смоленска, Астрахани. В Низовых (поволжских) городах в случае опасности мог проводиться срочный сбор временных, сводных стрелецких приказов из определенной доли гарнизона многочисленных острогов (таких, как Царицын, Санчурск, Царево-Кокшайск и т. д.). Иногда стрельцы могли выступать в поход в конном строю или на стругах – речных судах.

В XVI в. среди русских людей, особенно с окраин, получил распространение особый промысел – казачий, который состоял в походах «за зипуном» – грабительских набегах на богатые иноземные области и купеческие караваны. Правительство поначалу принимало станицы этих вольных людей, во главе с их выборными атаманами и есаулами, для несения сторожевой службы и вообще сбора разведывательных данных о кочевниках, а во времена Ивана Грозного стало селить их слободами или наделять поместьями в южнорусских городах. Так возник разряд **городовых казаков**, призванных либо к несению сторожевой службы (**сторожевые казаки**), либо к полковой службе на правах «пищальников», ездящей пехоты (**полковые казаки**). Последние с точки зрения организации испытали на себе влияние стрельцов, подразделяясь на сотни и десятки, а иногда и целые «приказы» или «приборы» по 5 сотен; как и стрельцы, они делились на конных и пеших. Английский путешественник конца XVI в. Христофор Бэрроу хорошо уловил отличие городовых казаков от стрельцов: «Астрахан-

ский воевода содержит своих солдат в полном порядке и готовности; их всего 2000 стрельцов и казаков, из них 1000 стрельцов, которые считаются настоящими солдатами; как солдат, всегда охраняющих крепость, их не употребляют ни на какие иные работы, кроме упражнений во владении своим оружием, караулов и т.п. Казаки также учатся владеть своим оружием; они сторожат город, и обычно им поручают всякого рода работы»²⁹.

Ведались эти ратные люди в Стрелецком и территориальных приказах (Казанского дворца, Новгородской чети и т.д.). Службу они несли либо с денежного жалованья, либо с корму, либо с земли, которую выделяли на весь отряд, как на общину. Последний вид обеспечения службы был повсеместно распространен на южных окраинах, причем наряду со своей землей ратник должен был обрабатывать здесь и «государеву десятинную пашню». Вообще, на юге грань между стрельцами и казаками, с одной стороны, и украинными детьми боярскими, с другой, была довольно зыбкой: последние могли верстаться и из служилых казаков, и из бывших холопов.

Перед походом набирались т.н. даточные люди. С северных уездов, где не было служилого землевладения, а также с иных земель выставлялась «посошная рать» – определенное число крестьян с каждой «сохи» (единицы налогового обложения). Выступая в поход с подводами или на лошадях, они использовались для вспомогательных целей: перевозки артиллерии, боеприпасов, продовольствия, для инженерных и осадных работ. С монастырских, церковных и боярских вотчин брали даточных другого рода: конных, вооруженных саблями, «саадаками» и пищальями, способных к боевой службе.

Необходимо отметить наличие сильных «инородческих» контингентов, набравшихся и по обычным нормам, «с сохи» или «с дыму» (черемисы, бургасы, мордва и др.), и в виде отдельных отрядов. Кроме того, в крупных войнах обязательно участвовали **вольные казаки**, которых приглашали через Посольский приказ. Они составляли станицы (по несколько десятков человек) во главе с атаманами и есаулами. По месту проживания казаки объединялись в Донское, Яицкое и Терское войска, а по образу действий представляли собой пехоту с огнестрельным оружием, способную передвигаться в судах или верхом на лошадях.

²⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 266.

Артиллерия, или наряд. В ведении Пушкарского приказа состояли пушечные дворы (мануфактуры) в Москве, Новгороде, Устюжне и других городах, а также орудия и пушечные запасы на всей территории страны³⁰. Приказ ведал и людьми «пушкарского чина»: **пушкарями, затинщиками** (стрелками из крепостных ружей), **воротниками** (сторожами городских ворот) и разного рода артиллерийскими мастерами. Все они так же, как и стрельцы, делились на **московских** (элитных) и **городовых**³¹. В Пушкарском, а частично в Иноземском приказах ведались иноземные специалисты – инженеры («розмыслы»), подкопщики, петардщики и пр. При подготовке осады тяжелая артиллерия выступала под началом особых воевод «у Большого Наряду», в подчинение которым, помимо пушек, пушкарей, иноземцев и рабочих («посошных людей»), поступал отряд детей боярских в качестве охраны. Пушки сводились в своеобразные батареи во главе с «головами» из выборных дворян. Полевая артиллерия называлась «нарядом у Разрядного шатра» и подчинялась воеводе Большого полка и выборному дворянину, выполнявшему должность «голова у наряду».

Осадные орудия по общеевропейской моде отливались каждый раз со своим декором и носили разные звонкие названия: «Барс», «Волк», «Инрог» и др. Кроме того, уже в 1550-х гг. началось производство мортир различного размера и калибра, для стрельбы начиненными порохом бомбами. Средние медные пищали, годные к использованию и в осадах, и в полевых боях, назывались «**полковыми полуторными**» и с 1562 по 1648 г. отливались в Москве по единому образцу, 6-фунтового калибра³². В городах производились железные фальконеты («волоконейки», «волконейки») и полуторные пищали, с разлетом калибров от доли фунта до 8 фунтов. Они годились в основном для обороны крепостей, а в поход брались редко. В целом мощности Московского литейного двора хва-

³⁰ *Богоявленский С. К.* О Пушкарском приказе // Сб. в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 361–385.

³¹ *Левыкин А. К.* Пушечный наряд и пушкари во 2-й половине XVII в. в России (по материалам южнорусских городов): Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1985.

³² *Лобин А. Н.* Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) // Исследования по истории средневековой Руси: Сб. ст. в честь 80-летия Ю. Г. Алексеева. СПб.; М., 2006. С. 383–397.

тало, чтобы снабдить главную армию единообразными полевыми и мощными осадными орудиями³³.

Полковая организация царского войска. На сборном пункте войско получало полковую, боевую организацию. Во времена Годунова и Шуйского еще сохранялась традиция делить каждое крупное войско либо «по большому разряду» (полки Большой, Передовой, Сторожевой, Правой илевой руки), либо «по малому» (три первых полка). Во главе таких «титульных» полков стояло по два воеводы («первый» и «второй») и дьяку, причем каждый из «товарищей» – воевод имел в подчинении свою часть ратных людей (свой воеводский полк). Для руководства артиллерией, посохой, «гуляй-городом», обозными делами, сторожевой и дозорной службой назначались отдельные головы («по наряду», «у кошей», «сторожи ставить» и т.д.) из знатных дворян, а из «добрых» детей боярских – «заведовчики» (адъютанты), «ясаулы» (вестовые) и «головаы у Государева знамени».

Большую часть конницы составляли дворяне и дети боярские, которых при мобилизации усиливали даточные и боярские люди, монастырские слуги (чиновники монастырской администрации), а также служилые татары. Все они подразделялись на однотипные конные «сотни» по 50–100 бойцов, во главе с «сотенными» или «письменными головами» из знатных дворян.

Особую роль играли роты служилых «иноземцев» – иностранцев, которые перешли на царскую службу, но сохранили привычный для себя способ боя. Большой частью это были литовцы, но существовал и отряд «немцев» – выходцев из Западной Европы и Ливонии, которые сражались как рейтары (в линейном строю с пистолетами и аркебузами). Вообще, все иноземцы делились на роты, сходные по типу снаряжения и тактики (отдельно немецкие, литовские и «греческая» (выходцы с Балкан)).

Стрельцы, пешие «пищальники» из наиболее бедных украинских детей боярских, а также конные и пешие казаки приходили на сборный пункт уже в составе сформированных подразделений – «приказов» или «приборов» (от 300 до 500 человек) и «сотен» (100 человек). В головы и сотники этих отрядов шли заурядные дети боярские, поскольку подобная служба не считалась «честной». Особые головы, скорее посредники и предста-

³³ Лобин А. Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в.: Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. СПб., 2004.

вители командования, чем реальные начальники, назначались при ротах служилых иноземцев, во главе с ротмистрами, при станицах вольных казаков, во главе с атаманами, а также при улусах юртовских, едисанских и других татар, во главе с их князьями и мурзами.

Если не принимать во внимание иноземцев, ни конница, ни пехота не делились, как на Западе, по виду вооружения (на легкую и тяжелую, кирасиров или пикинеров). Сын боярский, татарин или конный даточный в равной степени были вооружены саблями, иногда копьями, «саадаком» (луком и стрелами) или огнестрельным оружием (т.н. «завесной пищалью»). Наиболее состоятельные имели доспехи восточного, в основном персидского типа – шлем и кольчатый панцырь. Впрочем, к концу Смутного времени лук все чаще стали заменять ружьем, а доспехи почти вышли из употребления.

Стрельцы, казаки и пищальники «бились вогненным боем» – то есть, были поголовно вооружены пищальями (по западноевропейской терминологии, являлись «аркебузирами»³⁴). Рогатины и бердыши дополняли их арсенал. Пехота и пушки в бою располагались под прикрытием полевого укрепления – «обоза» или засеки, откуда огнем поддерживали свою конницу. Посошные до 1609–1610 гг. не проходили военного обучения и не обязаны были иметь оружие.

В целом в начале Смуты «титულный» полк царской рати мог насчитывать от 2–3 до 8–10 тыс. человек – в зависимости от ранга или от значимости похода. Так, средний по численности (из пяти полков) Передовой полк боярина кн. В. В. Голицына (армия кн. Мстиславского, осень 1604 г.)³⁵ включал в себя: 1511 человек дворян и детей боярских и 513 человек конных даточных у первого воеводы; 1010 человек «по отечеству» и 187 человек даточных – у его товарища, боярина Н. Г. Салтыкова, а также 324 татарина, 190 конных казаков и 250 стрельцов в обозе (всего – 4005 человек).

³⁴ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 144, 151.

³⁵ Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. / Сост. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. М., 1979. Ч. 2. С. 35–69.

Глава 2 ПОБЕДА И ПРАВЛЕНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ I

2.1. Авантюра Лжедмитрия I (1602–1605)

- 1602 г.** – появление «царевича Дмитрия» в Речи Посполитой.
- 1603 г.** – донское и запорожское казачество поддерживают самозванца.
- 1604–1605 гг.** – война царя Бориса Годунова с Лжедмитрием I.
- 1604 г., январь–октябрь** – создание войска «царевича Дмитрия».
- 1604 г., осень** – сбор войск царя Бориса Годунова.
- 1604 г., 13 октября** – вступление отряда самозванца на территорию России.
- 11 ноября – 22 декабря** – неудачная осада им г. Новгород-Северского; начало перехода городов Поля на сторону «Дмитрия Ивановича».
- 21 декабря** – бой под Новгород-Северским в долине р. Узруй; поражение войска боярина и воеводы кн. Ф. И. Мстиславского.
- 1604 г., декабрь – 1605 г., май** – неудачная осада царскими войсками г. Кром.
- 1605 г., 21 января** – сражение под Добрыничами; разгром войск Лжедмитрия объединенной ратью бояр кн. В. И. Шуйского и кн. Ф. И. Мстиславского.
- 13 апреля** – кончина царя Бориса Годунова.
- 14 апреля – 1 июня** – царь Федор Борисович Годунов.
- 7 мая** – измена П. Басманова и переход царского войска под Кромами на сторону «Дмитрия».
- 1 июня** – свержение царя Федора Борисовича сторонниками «Дмитрия».
- 10 июня** – убийство в Москве царя Федора и царицы Марии (вдовы Бориса Годунова).

Слухи о спасении царевича Дмитрия были впервые документально зафиксированы уже в период боярской борьбы за власть после смерти царя Федора. Тогда же круги, близкие к Романовым, обвинили Годунова в подготовке Лжедмитрия, чтобы править его именем, а также и в убийстве обоих сыновей Грозного (Дмитрия и Федора). Мысль о самозванце просто носилась в воздухе, пока не появился человек, достаточно отчаянный для того, чтобы вопло-

тить ее в жизнь. Им стал сын стрелецкого сотника, сын боярский Юрий Богданович Отрепьев¹.

Рано оставшись без отца, Юрий выучился грамоте и каллиграфическому письму и поступил на службу сначала во «двор» Михаила Никитича Романова, а затем – его родственника князя Бориса Черкасского. Однако в ноябре 1600 г. дворы Романовых и близких им людей были разгромлены, сами они осуждены на ссылку, а их свиты распущены и стали подвергаться преследованиям. Спасаясь от казни, 20-летний Отрепьев постригся в монахи под именем Григория и был вынужден скитаться – «бегать» – по монастырям. Правда, вскоре он добился перевода в столичный Чудов монастырь, а после, благодаря своим необыкновенным способностям, оказался в свите самого патриарха. Но и этого показалось мало вынужденному иноку: в феврале 1602 г. он, в сопровождении двух других монахов, уезжает из голодной Москвы на юг и далее за границу – чтобы вернуться оттуда царевичем!

Уже в Киеве Григорий попытался выдать себя за скрывающегося царевича Дмитрия: сначала игумену Печерского монастыря (неудачно), а затем запорожским и украинским казакам. Последние уже в 1602–1603 гг. готовили поход в московские пределы, и самозванцу удалось найти с ними общий язык. Вскоре о своей поддержке спасшегося царевича заявили и донские казаки: он стал их знаменем в готовящейся войне против ненавистного Бориса.

Одновременно интерес к интриге стали проявлять правящие круги Речи Посполитой. Самозванный «царевич» объявил о себе князю Адаму Вишневецкому, а последний доложил о нем королю. Несмотря на всю неубедительность показаний Отрепьева, ему стали покровительствовать такие магнаты, как канцлер Лев Сапега и Юрий Мнишек. Последний приютил его у себя в Самборе. В ответ на поддержку «Дмитрий» заключил тайный договор с Сигизмундом, в котором обещал ему, после своего воцарения, Чернигово-Северскую землю. Мнишекам же после свадьбы с их дочерью Мариной были обещаны Новгород и Псков. Картину измены завершал тайный переход Расстриги в католичество, что обеспечивало ему поддержку Рима и могущественных иезуитов. Правда, под давлением противившегося этой интриге гетмана Яна Замойского Сигизмунд не решился открыто поддержать самозванца, и тот так и не получил каких-либо значительных польских

¹ Подробнее: *Скрынников Р. Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». С. 79–103.

войск. Рассчитывать приходилось только на поддержку недовольных правлением Годунова, и в первую очередь на казаков.

Здесь обстановка благоприятствовала Лжедмитрию. Страшный голод, свирепствовавший в России с 1601 по 1603 г., привел не только к гибели огромного числа ее жителей, но и к резкому усилению разбойничьих шаек, в первую очередь за счет беглых или отпущенных господами на волю холопов. Однако среди разбойников, искавших зачастую простого пропитания, были и крестьяне и даже знатные дворяне: в боярском списке 1603–1604 гг. с пометами «в тюрьме в розбое» записаны владимирец Ю. К. Окинфов и кашинец В. М. Свиблов². Беспрецедентное увеличение числа «разбоев» вынудило регулярно посылать в ряд уездов Центральной России особо назначенных дворян – сыщиков, которые должны были возглавлять создававшиеся на местах отряды для борьбы с грабителями.

В 1603 г. защиту Москвы от обнаглевших шаек поручили воеводе И. М. Бутурлину, а всю столицу в мае разделили на двенадцать оборонительных секторов, каждый во главе с боярином или окольным. В сентябре (между 9 и 15) окольный Иван Федорович Басманов выступил против отряда главного предводителя этих холопов Хлопка Косолапа. По словам И. Массы, царь послал с ним «примерно сотню лучших своих стрельцов, чтобы захватить тех воров, но те вору скоро проведали о том и подстерегли его на узкой дороге посреди леса, окружили и перестреляли» многих из них, включая самого воеводу³. Как пишет «Новый летописец», «разбойники же с ними бились, не щадя голов своих»: царь явно недооценил силы, ожесточение и мастерство повстанцев. Правда, они все же были разбиты, а Хлопок – схвачен и повешен. Тем не менее уцелевшие вору уходили на южные окраины государства и дальше в степь – к вольным казакам.

На эту-то кипящую ненавистью окраину и стали проникать тайные посланцы «чудесно спасшегося царевича Дмитрия Иоанновича». В своих «прелестных письмах» он подробно рассказывал о своих страданиях и о преступлениях Годунова. 8 тыс. донских казаков послали своих представителей, чтобы проверить эти слухи. Те подтвердили известие о Дмитрии, после чего Донское войско объявило о своей поддержке царевича.

² Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. Ч. I. С. 197, 212.

³ О начале войн и смут в Московии. С. 62.

Первый отряд своих сторонников Дмитрий собрал уже в Лубнах в январе 1604 г. Наиболее боеспособную его часть составили несколько сотен польских гусар, однако гораздо больше набиралось казаков и «московских людей», откликнувшихся на призывы самозванца. Потеряв надежду на помощь короля, Дмитрий в октябре 1604 г. очертя голову ринулся в поход на Русь. В Киеве его отряд был усилен до 3,5–4 тыс. человек украинскими казаками. С ними Дмитрий переправился на левый берег Днепра и вторгся в пределы Московского государства.

Его расчет не столько на военную силу, сколько на само имя Дмитрия оправдался сразу же и полностью. Служилое население северских городов восставало при его появлении, выдавало своих воевод и радостно присягало царевичу, как долгожданному избавителю от всех тех немыслимых бедствий, обрушившихся на страну с воцарением Годунова. Первым сдался Моравск, затем Чернигов, где к нему присоединился крупный отряд донских казаков. Поддержку самозванцу оказали и жители богатой Комарицкой волости Северской земли.

Годунов немедленно объявил сбор ратных людей и выслал вперед имеющиеся под рукой отряды. Так, стольник А. Р. Плещеев с жильцами, дворцовыми конюхами и псарями ринулся в Комарицкую волость, а Ф. И. Шереметев отправился в Орел для сбора дополнительной рати. Спешно сколоченный отряд окольного Петра Федоровича Басманова выступил к Чернигову, но не успел его занять раньше самозванца и засел в Новгороде-Северском. Все приступы повстанцев к городу были отбиты, попытки сдать его жителями подавлены, и осада надолго сковала небольшую действующую армию Лжедмитрия.

Однако вовсе не в ней крылась в то время главная опасность для царя Бориса. Всеобщая «шатость» охватила полки полевой армии и южные окраины России. В течение ноября 1604 – весны 1605 г. жители Рыльска, Севска, Царева-Борисова, Белгорода, Оскола, Валук, Курска, Кром, Ливен «целовали крест» Дмитрию⁴. Воевода кн. В. М. Рубец-Мосальский сдал ему Путивль – единственную каменную крепость на самой границе со степью. На следующие 5–6 лет город стал одним из основных оплотов восставшей окраины. Страшные казни и мучения, которым подвергли дворяне и

⁴ *Зенченко М. Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. С. 103–104.

татары авангарда царского войска крестьян Комарицкой волости, только усилили их симпатии к Дмитрию-избавителю.

Между тем правительство пребывало в растерянности. Войско выступило в поход против самозванца в октябре 1604 г., а жителям государства было официально объявлено о «расстриге» только в январе 1605 г. Гражданская война, когда в открытый бой между собой вступили русские «московские» люди, стала страшным испытанием для ратников и воевод царского войска прежде всего в моральном смысле. Измена поселилась в нем с самого начала похода, а любой город мог внезапно оказаться вражеским и закрыть для него ворота.

Видимо, подобное состояние духа и привело более чем 20-тысячное войско князя Федора Ивановича Мстиславского к поражению в долине реки Узруй под Новгородом-Северским 21 декабря 1604 г. По словам Маржерета, «казалось, что у русских не было рук, чтобы биться». Лихими атаками опрокинув полк Правой руки на Большой полк, Дмитрий принудил царское войско к поспешному отступлению – хотя тот же Маржерет охарактеризовал бой как «стычку... без особых потерь»⁵. Мстиславский, попытавшийся лично спасти положение, был изранен в рукопашной схватке. Царская армия откатилась на 15 верст и расположилась в лесу, укрепившись земляным валом.

Вскоре к самозванцу подошли сильные подкрепления: 8 тыс. конных и 4 тыс. пеших украинских и запорожских казаков с 12 исправными пушками. Однако в то же время поляки его войска взбунтовались и в подавляющем большинстве ушли от него. Потеряв свои лучшие отряды, Дмитрий был вынужден снять осаду с Новгород-Северского и отступить. Отстоявший город воевода Басманов и его ратные люди были щедро награждены царем.

Вскоре на подкрепление к Мстиславскому подошла свежая рать кн. В. И. Шуйского – «чины московские», стрельцы и 14 орудий. Объединенное войско направилось к Севску и в ночь на 21 января 1605 г. расположилось у укрепленного острога при деревне Добрыничи. На рассвете Дмитрий снова напал на превосходящие его силы царя Бориса. Царская армия, «которая была как замороженная и не трогалась, словно потеряв всякую чувствительность»⁶, вначале почти не оказывала сопротивления его войскам, для отличия надевшим белые рубахи поверх доспехов. Воевода Сторожевого полка околь-

⁵ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи.

⁶ Там же. С. 163.

ничий И. И. Годунов при виде лавины конницы «воскресшего» царевича «сидел на лошади, оцепенев от страха, и ничего не видел и не мог двинуться ни взад, ни вперед, так что его можно было одним пальцем столкнуть с лошади»⁷. Его полк бежал, а кавалеристы самозванца устремились к деревне на обоз. Однако здесь неожиданный залп орудий и нескольких тысяч укрывшихся за возами стрельцов в одночасье переломил ход битвы: атакующие смешались, поле заволкло дымом, и массы свежей царской конницы наконец перешли в наступление. Второй конный отряд самозванца, не вступая в бой, также обратился в бегство. Преследующие натолкнулись на пехоту запорожцев, бездарно брошенную «Дмитрием» в тылу со своими орудиями, изрубили до 500 человек и захватили 13 пушек. Казалось, это был полный разгром повстанцев.

Однако царская рать была предназначена для полевых боев и не имела средств для осады изменивших крепостей. Вместе с тем ее многочисленной коннице необходимо было огромное количество фуража и продовольствия. Этим был вызван отход от осажденного было Рыльска к Кромам и дальнейшее падение морального духа войска.

В этот момент Кромы обеспечивали для восставших единственный путь из Северской земли на Болхов и далее на Москву. Вначале их осадил подошедшая из-под Орла запасная рать боярина Ф. И. Шереметева, а в начале марта – и основные силы царя Бориса. Однако буквально накануне 3–4-тысячный отряд донских казаков атамана Корелы под прикрытием «гуляй-города» из саней с сеном прорвался в крепость и усилил ее гарнизон. Под обгоревшими стенами этого малоизвестного города и решилась судьба династии Годуновых.

Разложение царского войска усиливалось день ото дня. И под Рыльском, и под Кромами обозы сторонников Дмитрия без препятствий проходили через его лагерь. Воевода М. Г. Салтыков, почти взявший Кромы штурмом, без видимых причин отвел войска на исходные позиции. Видно, «прелестные письма» самозванца уже заставили серьезно задуматься и царских воевод.

13 апреля скончался Борис Федорович Годунов. Царем был объявлен его 16-летний сын Федор. Произошли перемещения и в военном руководстве. Проявивших нерешительность князей Мстиславского и Шуйских отозвали в Москву, а фактическим

⁷ О начале войн и смут в Московии. С. 75.

главнокомандующим назначили П. Ф. Басманова, верного правящей династии. Обычные при таких перестановках местнические тяжбы оказались роковыми в этих условиях: Басманов, второй воевода Большого полка, был оскорблен тем, что оказался «ниже» кн. А. А. Телятевского (первого воеводы Сторожевого полка) и вступил в сговор со сторонниками «Дмитрия». Среди его приверженцев оказались и ряд служилых «городов» (Рязань, Тула, Кашира, Алексин), которых отговорил от присяги Федору рязанский дворянин Прокопий Ляпунов. 7 мая заговорщики связали воеводу И. И. Годунова и открыто объединились с воинами самозванца. Остальная часть рати в этой невероятной доселе ситуации обратилась в паническое бегство, бросив обозы и «наряд».

Одержав бескровную победу, Дмитрий триумфально двинулся из Путивля к Москве, почти не встречая сопротивления, и подошел к ней в конце мая. К этому времени его сторонники спровоцировали восстание в столице, уже давно ожидавшей «царевича», ворвались во дворец и умертвили еще не венчанного на царство Федора Борисовича и его мать. Холоп опальных бояр и чернец-расстрига Григорий Отрепьев въехал в Москву царевичем Дмитрием Иоанновичем.

Экскурс 3.

Тактика стрельцов при Добрыничах

Начиная с некоторых дореволюционных авторов в военно-историческую литературу вошло утверждение о рождении под Добрыничами линейной тактики; в советской науке оно стало практически аксиомой – ведь это обеспечивало приоритет в данном вопросе над Западом чуть ли не на полвека!

С. Л. Марголин, плотно изучавший различные аспекты существования и деятельности стрелецкого войска, пожалуй, первым усомнился в данном тезисе: «Ведь линейная тактика определялась не только стремлением к максимальному использованию ружейного огня, но и особенностью состава воинских частей, необходимостью строгого присмотра за воином во время сражения; русское войско, не состоявшее из наемников, не нуждалось в таком наблюдении»⁸. С другой стороны, по сравнению с образом действий огнестрель-

⁸ Марголин С. Л. Рец. на книгу: А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII век. М., 1954 // ВИ. 1955. № 4. С. 154–157.

ной пехоты Восточной Европы (а другой пехоты здесь и не было) под Добрыничами не произошло ничего нового. Все та же пальба под прикрытием «гуляй-города», для которой стрельцам, несомненно, пришлось рассредоточиться вдоль возов. О построении в правильные батальоны и других элементах линейного строя источники не говорят, хотя бойцы могли расположиться в несколько шеренг – для достижения непрерывности стрельбы. Главное, что поразило западных очевидцев, – это внезапность и одновременность массивной пальбы, своего рода огневая засада (И. Масса говорит о том, что пехота залегла за возами)⁹. И Самозванец, и Мстиславский воздействовали прежде всего на боевой дух противника: первый побеждал своим именем, а второй противопоставил ему шок пикального залпа. Эти приемы были рассчитаны на свободных прирожденных воинов (как правило, конных), ответственных за свое поведение в битве; европейский солдат конца XVII в., равнодушный ко всему, кроме своевременного жалования и палки капрала, в корне менял характер тактики, делая ее более рациональной и механической – о чем здесь еще не могло быть и речи.

2.2. Правление Лжедмитрия I («царя Дмитрия Иоанновича») (1605–1606)

1605 г., 30 июня – 1606 г., 17 мая – царь Дмитрий Иоаннович (Лжедмитрий I).

1606 г., март – подготовка похода на Азов; сбор походного войска под Москвой; провозглашение «царевича Петра Федоровича» терскими казаками; его поход на Царицын и далее вверх по Волге.

1606 г., апрель – начало похода вниз по Волге воевод боярина Ф. И. Шереметева (в Астрахань) и И. М. Салтыкова (в Терской городок).

1606 г., 17 мая – свержение и убийство Лжедмитрия I в результате заговора в Москве.

Политика нового царя, как внешняя, так и внутренняя, не позволяет считать Дмитрия Иоанновича марионеткой в руках иезуитов или польского правительства. Он не начал войну против Швеции, вопреки опасениям последней, и ничем не помог воевавшим в Прибалтике войскам Сигизмунда¹⁰ – ведь и от короля самозванец в свое

⁹ О начале войн и смут в Московии. С. 76.

¹⁰ Лаврентьев А. В. Собирался ли Лжедмитрий I воевать с Карлом IX? (Внеш-

время не получил обещанной поддержки. Не собирался он выполнять и статьи тайных соглашений о передаче кому-либо русских городов и областей.

Зато новый царь, именовавший себя отныне «великим государем цесарем» или «императором и великим князем всея Руси», попытался всерьез и на равных вступить в коалицию христианских государств, воевавших в это время с Османской империей (Австрией, Речью Посполитой, Венецией и др.). Началась широкомасштабная подготовка похода всей русской рати в Дикое поле и далее на Азов или Перекоп; в Елец стали свозиться запасы поместного ополчения, плавные и переправочные средства, осадная артиллерия; там же был назначен главный пункт сбора ратных людей¹¹.

Были проведены первые в XVII столетии «верстанья» служилых людей «по отечеству» – наделение окладами «новиков», пересмотр установленных окладов и выплата жалованья. Указ от 1 февраля 1606 г. освобождал от возврата прежним владельцам крестьян, бежавших от них в предшествующие голодные годы. Он явно был выгоден в первую очередь «украинным» помещикам, решительно поддержавшим Самозванца.

Не позднее апреля 1606 г. начался первый (и последний) поход войск царя Дмитрия Иоанновича: на Астрахань и в Терской городок вниз по Волге двинулась «низовая рать» боярина Ф. И. Шереметева и стольника И. М. Салтыкова¹². Основной их задачей, по словам очевидца – поляка Немоевского, был поход «против крымского царя»: присоединив к себе мощный корпус из астраханских стрельцов и вассальных татар, боярин должен был, по всей видимости, двигаться оттуда к Азову степью и Доном¹³. Кроме того, необходимо было укрепить оборону дальней русской окраины после катастрофы под Тарками.

неполитические планы Самозванца и Швеция. 1605–1606 гг.) // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: Архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 72–79.

¹¹ Подробнее: *Он же*. Царевич–Царь–Цесарь. С. 116–138; *Козляков В. Н.* Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 159, 160.

¹² *Антонов А. В.* К начальной истории Нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 199–200; *Лаврентьев А. В.* Царевич–Царь–Цесарь. С. 128, 146.

¹³ Позднее, в 1646 г., этот маневр осуществил окольный кн. С. Р. Пожарский (*Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 379–386).

Навстречу царскому войску, вверх по Волге, в то же время двинулась казачья рать нового самозванца – мнимого «Петра Федоровича» (Лжепетра). Терской казак, в недавнем прошлом – холоп и «гулящий человек» Илейка Коровин («Муромец») был объявлен сыном царя Федора Иоанновича, спасшимся от Годунова, по постановлению «круга» вольных терских казаков весной 1606 г., когда они решали вопрос: идти ли им по приказу «Дмитрия Ивановича» на Куру против турок или поискать царского жалованья на Москве. Терцы были так обижены на «лихих бояр», которые не прислали им обычного жалованья для похода, что хотели даже уйти на службу к персидскому шаху, но предпочли выбрать у себя самозванца, чтобы под предлогом его сопровождения к царю беспрепятственно миновать поволжские крепости и добиться своего на Москве¹⁴. Лишь по настойчивой мольбе терского воеводы они оставили для обороны от горцев половину войска, а остальные (400 человек) двинулись в поход на Русь.

По позднейшим показаниям Илейки, казаки спокойно миновали Астрахань и прочие «низовые» города, а в Самаре встретили дворянина Т. Юрлова с грамотой от Дмитрия, где содержался приказ их войску «идти наспех» с «племянником» к Москве. По пути к Казани они мирно разминулись с войском Ф. И. Шереметева¹⁵, но буквально через несколько дней, около 25 июня 1606 г., обе рати настигло известие, сделавшее их непримиримыми врагами: весть о гибели Лжедмитрия от руки заговорщиков и о воцарении Василия Шуйского.

¹⁴ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 130; Потто В. А. Два века Терского казачества (1577–1801). Т. I. С. 68–71.

¹⁵ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. С. 133.

Глава 3 ВОССТАНИЕ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И КАЗАКОВ ПРОТИВ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО (1606–1607)

3.1. Поход повстанцев Болотникова и Пашкова на Москву (1606)

1606 г., 19 июня – 1610, 17 июля – царствование Василия Иоанновича Шуйского.

1606–1607 гг. – восстание Болотникова.

1606 г., середина июня – появление нового самозванца в Самборе; кн. Г. П. Шаховской объявляет о спасении Дмитрия; восстание в Путивле и во всей Северной земле, где от имени Дмитрия собираются войска И. И. Болотникова и Ф. И. Пашкова.

Июнь–сентябрь – отряд атамана Ф. Бодырина и Лжепетра поднимает мятежи в Цареве-Борисове, Белгороде и Старом Осколе.

Июнь–июль – ряд южных городов и помещики их уездов отказываются целовать крест царю Василию; центром их сопротивления становится Елец.

Июль–август – главные силы царских войск под началом боярина кн. И. М. Воротынского осаждают г. Елец, а рать боярина кн. Ю. Н. Трубецкого – Кромы.

Конец августа – общее восстание «всех северских, полевых и зарецких городов» против Шуйского; после неудачного боя с Болотниковым кн. Трубецкой отступает из-под Кром, а кн. Воротынский – из-под Ельца к Москве; распад царской рати.

Сентябрь – продвижение войск Болотникова через Орел на Калугу, а Пашкова – через Елец на Тулу и Серпухов.

23 сентября – бой на р. Угре; поражение Болотникова от войск боярина кн. И. И. Шуйского и уход его на Алексин и Серпухов; Калуга «целует крест» Дмитрию.

Начало октября – бой на р. Пахре; отряд стольника кн. М. В. Скопина-Шуйского останавливает наступление войск И. Пашкова.

Середина октября – Г. Ф. Сумбулов и П. П. Ляпунов с отрядом рязанцев присоединяются к войску Пашкова; осада и взятие повстанцами Коломны.

Ок. 25 октября – сражение при с. Троицкое-Лобаново; разгром царской рати кн. Ф. И. Мстиславского и кн. М. В. Скопина-Шуйского войсками И. Пашкова.

На рассвете 17 мая 1606 г. отряды заговорщиков во главе с князьями Шуйскими ворвались в Кремль и убили самозванца. Интересно, что основную их массу составили новгородские дворяне, которые и прежде остались в стороне от событий, связанных с воцарением Дмитрия Иоанновича. В то же время толпы вооруженных московских жителей разгромили дворы, в которых поселились поляки, в массе съехавшиеся на свадьбу царя и Марины Мнишек. Через два дня на Красной площади в цари «выкрикнули» организатора этого заговора – боярина кн. Василия Ивановича Шуйского. Древность его рода – рода князей Суздальских – давала ему довольно бесспорное право на занятие престола Рюриковичей, почему, в отличие от Годунова, и не было необходимости в особом Соборном приговоре. Венчаясь на царство, Василий торжественно и клятвенно пообещал справедливый суд всем своим подданным только по совету с боярами.

Воцарение Шуйского снова внесло раскол в русское общество. Дворяне и дети боярские Рязани, Путивля, Чернигова и других южных уездов, собравшиеся в Москве перед походом, уехали из столицы и отказались целовать крест «этому Шубнику» – авторитет бывшего боярина среди них был невелик. Новые надежды всколыхнула весть о втором чудесном спасении Дмитрия – на этот раз от рук убийц-Шуйских.

Роль нового самозванца на некоторое время принял на себя фаворит первого Лжедмитрия Михаил Молчанов, сбежавший из-под стражи сначала в Путивль, а затем в Литву. Уже на пути он начал распространять слухи о спасении царя и призывы к восстанию против узурпатора престола, в чем ему способствовала украденная печать Дмитрия. Всем этим воспользовался дворянин Григорий Петрович Шаховской, прежде пожалованный Отрепьевым в чин «боярина и слуги», а ныне опрометчиво сосланный царем Василием на воеводство в Путивль. Здесь он объявил горожанам о спасении их истинного государя, а вскоре Молчанов прислал из Самбора «большого воеводу»

царя Дмитрия – бывшего казачьего атамана Ивана Исаевича Болотникова.

Тот возвращался на родину из турецкого плена, откуда был освобожден венецианцами. Узнав, что казак никогда не видел Дмитрия Ивановича, Молчанов смело выдал себя за последнего и предложил этому опытному воину служить истинному государю. Получив согласие, он сказал: «Я не могу сейчас много дать тебе, вот тебе 30 дукатов, сабля и бурка. Довольствуйся на этот раз малым» – а как иначе мог повести себя, в казачьем представлении, обманом изгнанный со своего престола государь! Снабженный грамотами с печатью Дмитрия, Болотников отправился в Путивль и возглавил формирувавшиеся там войска.

Начавшееся движение одни историки называли «авантюрой Шаховского», а другие – «восстанием Болотникова». Однако все это не раскрывает важнейшие – идейные мотивы повстанцев, их протест против незаконных, по мнению давних сторонников Дмитрия Иоанновича, действий Шуйского по захвату трона и стремление восстановить «добротого царя» на московском престоле, «побив лихих бояр». Впрочем, согласно предположению М. Ю. Зенченко, этой идеей были охвачены ратные люди Путивля и прочих северских городов, непосредственно связанных с кн. Шаховским. В Ельце же заперлись украинные помещики, возмущенные убийством «истинного» царя и избранием нового государя без их ведома, заговором узкого круга придворных. Этим можно объяснить и разный характер действий правительственных войск: если в Северной земле они решительно атаковали мятежников и подвергли новому разорению край, то под Ельцом два месяца пытались переговорами убедить повстанцев добровольно «принести вину» государю и присягнуть ему на верность¹. Как бы то ни было, уникальность новой войны заключалась в том, что на этот раз идеал повстанцев – царь Дмитрий – даже не был «материализован» в конкретной фигуре самозванца, а абстрактно находился где-то в Литве.

В это время Речь Посполитая сама стояла на пороге гражданской войны: в начале 1606 г. краковский воевода Миколай Зебжидовский поднял рокош (вооруженное восстание шляхты) против короля. Его поддержали как противники абсолютистских устрем-

¹ Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. С. 122–144.

лений Сигизмунда, так и протестантские круги, возмущенные католической реакцией. В этих условиях польские власти не пропустили в Россию даже небольшие отряды наемников. Сигизмунд III после переговоров в Москве заявил о своей полной лояльности к режиму Шуйского: ему не нужна была еще и угроза с востока. Наконец, от активной поддержки движения отказалась и значительная часть Донского казачьего войска, после того как в июне–июле 1606 г. туда отправились дворяне, чтобы отвести казакам жалованье и «привести их к кресту» царю Василию.

Зато значительную помощь новому войску «царя Дмитрия» оказали дворцовые крестьяне Комарицкой волости, издавна несшие боевую службу на пограничье, а также слишком преданные первому самозванцу стрельцы, которых царь Василий выслал из Москвы. И все же костяк этой рати составили дети боярские и служилые люди «по прибору» южных уездов, целыми «городами» стекавшиеся вновь под знамена Дмитрия. Одну часть войска, еще до приезда Болотникова, возглавил сын боярский Истома Пашков. Он был сотником епифанских детей боярских, верстанных из казаков, – то есть в иерархии должностей дворянской конницы занимал одну из низших ступеней. Помощником же самого «большого воеводы» стал Юрий Беззубцев, сотник «самопальников» Путивля – еще одной незнатной группы украинских помещиков. Важной особенностью нового войска стало то, что командные посты в нем занимали не более знатные дворяне, а назначенные «Дмитрием» и его воеводами командиры. К примеру, на запад от Москвы продвинулся «ис Калуги атаман Солома Казак да Васька Шестаков, холоп Андрея Клешнина, а с ними многие дворяне, и дети боярские, и казаки».

Продовольственную базу составили изобильные южные уезды Московского государства, «так как это – плодородная страна и за два этих года опять сильно разбогатела, так что они могли иметь большой успех, нежели их противники с севера»². На пике движения – при подходе рати к Москве – ее численность могла достигать 20 тыс. человек.

В начале боевых действий, в июле 1606 г., отобилизованные еще весной войска царя Василия имели успех: они осадили Елец и Кромы и легко отбили первые попытки восставших оказать этим городам помощь извне. Однако при своем вступлении на престол Шуйский, вопреки обычаю, не вознаграждал ратных людей, сослав-

² О начале войн и смут в Московии. С. 130.

шись на разграбление казны «Расстригой». Это не только не прибавило популярности новому царю, но и лишило ратных людей денежных средств. Видны на урожай снова были плохие, и скоро начались затруднения с продовольствием. Осада же крепостей не могла иметь успеха, поскольку именно в Ельце и оказались доставленные туда еще зимой тяжелая артиллерия и помещичьи запасы. Когда же при вести о спасении Дмитрия «появилась шатость» в украинских людях и города один за другим стали вновь восставать против Шуйского, ратные люди начали покидать полки. Нужен был только повод к бегству – и им стало незначительное поражение полка кн. Ю. Н. Трубецкого под Кромами. Сначала смутились и разъехались по домам «ратные люди дальних городов» этого отряда, а затем, «слышаху же под Ельцом бояре, что под Кромами смутилось, отоидоша от Ельца прочь и поидоша все к Москве»³. Отложение Тулы, помещики которой тоже поцеловали крест Дмитрию, открыло повстанцам путь к столице и обеспечило их первоклассной крепостью.

В течение сентября повстанцы стремительно развивали наступление, усиливаясь день ото дня за счет дворян, детей боярских и иных ратников из лежавших на пути войска уездов. Только в конце месяца небольшим полкам кн. И. И. Шуйского и кн. М. В. Скопина-Шуйского удалось в тяжелых боях остановить противника на рубежах рек Угра и Пахра. Однако у гражданской войны своя логика, и военное искусство воевод оказалось напрасным: сторонникам Дмитрия сдалась Калуга, а вскоре отряд рязанцев Сумбулова и Прокопия Ляпунова (40 детей боярских, не считая холопов) присоединился к Пашкову и с помощью измены стрельцов и местного воеводы захватил Коломну.

Василий бросил в бой свой последний резерв – Государев двор (стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов) и служителей московских приказов, во главе с самим боярином кн. Ф. И. Мстиславским и другими знатными воеводами. В битве под селом Троицкое–Лобаново это войско было разгромлено частями Пашкова, причем московских дворян скорее просто разогнали, а наиболее знатных взяли в плен и отослали в Путивль. Казалось, больше ничто не может спасти Шуйского.

³ Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14. Ч. I. С. 71.

Экскурс 4.

«Вольное казачество» в период Смуты

Оставшиеся на Руси казачьи станицы пополнялись холопами, крестьянами, посадскими и служилыми людьми, выбитыми Смутой из семей и общин. Они сами стали организовываться по казачьему образцу: выбирать из среды наиболее опытных бойцов атаманов и есаулов, из грамотных – «войсковых писарей» или «дьячков», приобретали опыт жизни по законам вольных сообществ. Вступая в ряды «станицы», казак приносил присягу, что знаменовало собой переход в новое сословное состояние.

Данные о социальном происхождении казаков войска М. М. Баловнева (1615) хорошо отображают разнообразие источников их пополнения⁴. Больше всего – беглых холопов (35%), среди которых много боевых: не случайно, что именно из их среды произошли многие самозванцы и видные атаманы повстанческого движения Смутного времени. Следом идут крестьяне (25%) – но многие из них взяты в «станицы» насильно и занимают подчиненное положение «чуров». Третья по численности группа – это... служилые люди «по отечеству» – 12%! Одних взяли насильно, а другие стали казаками от бедности и помещного разорения. Немало попадало в «станицы» и посадских людей (10%), и служилых «по прибору» (8%); вихрем гражданской войны туда заносило и монастырских слуг, и служилых иноземцев и татар... да, пожалуй, и вообще представителей всех слоев и сословий России.

Люди, воспитанные в традиционном обществе, порывая с вековым укладом жизни предков, начинали столь же свято соблюдать принесенные с Дона традиции своих новых семей – казачьих «станиц». Невыдачу любого, записавшегося в казаки, человека; отказ от обработки земли и жизнь за счет грабежа, «приставств»-«кормлений», жалованья того или иного государя или, в крайнем случае, ремесла и рыбной ловли; выборность атаманов и непрерываемость их власти в походе; четкое деление на «старшину», рядовых казаков и их «чуров» – бесправных учеников, часто взятых в станицы насильно; отказ от семейной жизни; самоуправление на казачьем круге.

⁴ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 147.

Зародилось новое сословие русского общества, все четче осознававшее свои интересы и идеалы. Стоило развеяться мифу об очередном самозванце, а полякам оказаться в Кремле, и не нашлось в стране более принципиальных противников любого иноземного владычества, чем казаки! Полтора года они теснили врага в Москве, а после победы почти сразу двинулись на Смоленск и Новгород. Еще много раз казачьи отряды начинали бунтовать, перебегая от претендента на трон к претенденту, превращались в огромные банды разбойников... Казак боролся за доброго царя, требовал от него справедливого «полного» жалованья, ненавидел коварных бояр и богатых помещиков... каялся в проступках, делал вклады в монастыри и готов был честно сложить голову за Царя и веру Православную. Именно последнее дало возможность правительству Романова на исходе Смуты договориться с казачеством и превратить это стихийное бедствие в опытные и верные гарнизоны десятков крепостей или отряды помещиков. Не отказывая самому сословию в праве на существование и сохранение основ уклада их жизни, правительство перевело его в один из разрядов «служилых людей по прибору», включило в структуру государственной военной службы.

Как уже говорилось, образцом для организации казачьих «станец» и «войск» послужили отряды «старых», или «природных», казаков Дона, Терека и т.п. Станица могла насчитывать от нескольких десятков до 100–150 человек: большим числом было уже трудно руководить. Во главе ее стояли атаман и есаул, для письменных дел иногда имелся «дьячок»; станица должна была иметь особое знамя. Несколько станиц иногда объединялись в «великое войско» (обычно 500 человек) или полк, правда, без единого выборного атамана: общие вопросы решались на сходке («круге») станичных атаманов. Общая численность «вольного казачества» в период Смуты (примерно с 1606–1608 гг.) держалась на уровне 15–20 тыс. человек, рассеянных по всей стране.

3.2. Осада Москвы отрядами Пашкова и Болотникова

28 октября – отряд Пашкова занимает с. Коломенское.

Начало ноября – подход отрядов Болотникова в Котлы.

15 ноября – бой у Серпуховских ворот; переход рязанцев Ляпунова в правительственный лагерь.

Середина ноября – отряды из Москвы и Смоленска очищают от повстанцев Можайск и всю Смоленскую дорогу.

26 ноября – бой в с. Карачарове под Красным селом; Скопин-Шуйский успешно отражает повстанцев Пашкова.

30 ноября – 2 декабря – осада казачьего «гуляй-города» в Загорье войсками И. И. Шуйского.

2 декабря – переход войск Пашкова в правительственный лагерь; разгром в Коломенском отрядов Болотникова полками И. И. Шуйского и М. В. Скопина-Шуйского; захват острога в Загорье.

Начало декабря – расправа над пленными повстанцами и «разбор» казаков из Загорья.

К началу осады Москвы сторонникам Шуйского, терпевшим непрерывные поражения в боях с повстанцами, удалось одержать важную победу на другом – духовном, идеологическом фронте. С самого своего воцарения царь Василий приложил максимум усилий, чтобы повлиять на общественное мнение столицы. Еще 3 июня в Архангельском соборе Кремля были торжественно помещены мощи святого благоверного царевича Дмитрия Угличского; новый патриарх Гермоген, еще на посту казанского митрополита отличавшийся строгостью и ревностью в вере, энергично рассылал по городам грамоты, предававшие анафеме мятежников. О сторонниках Дмитрия принципиально объявляли в таких выражениях: «Собрались украинских городов воры – казаки, и стрельцы, и боярские холопы, и мужики, и побрали себе в головы таких же воров» – умалчивая о роли помещиков, составлявших ударную силу их войска. Посадских людей Москвы уверяли, что повстанцы не пощадят никого из ее жителей, почему «москвиты во второй раз присягнули царю в том, что будут стоять за него и сражаться за своих жен и детей, ибо хорошо знали, что мятежники поклялись истребить в Москве все живое»⁵. Церковь призвала русских людей к покаянию, с 14 по 19 октября в столице продолжался пост и не прекращалось богослужение.

⁵ О начале войн и смут в Московии. С. 131.

Москвичи «сели в осаду»: все способные носить оружие (не менее 10 тыс. человек) были «рописаны по стенам»; выбранные руководители посада в этих условиях приобрели достаточно широкие полномочия. Кроме того, в распоряжении Шуйского оставались отряды московских дворян, стрельцы, даточные и «охочие люди» из северных уездов государства.

Последние мыслились эффективным противовесом пешим казачьим станицам повстанцев, поголовно вооруженным «вогненным боем». Так, мощный именно в огневом плане отряд царских воевод Никиты Пушкина и Нелюба Огарева, занявший в эти дни гарнизоном Красное село (недалеко от Коломенского), включал в себя 1175 человек пехоты при 10 однофунтовых орудиях; половину отряда составляли московские стрельцы, а половину – «охочие люди» (200 человек) и пешие даточные с ружьями из Каргополя и Турчасова, Чаронды, северодвинских волостей и Выми⁶. По словам летописца, «двинские стрельцы и даточные люди великие ратницы и зело смелы к ратному делу, един человек воюет и биет за два, а ин и за три человеки»⁷.

Выйдя в конце октября к Коломенскому, отряды Пашкова и Болотникова были задержаны переговорами посадского «мира» Москвы о сдаче города. Тем временем полевые войска Василия укрепились в «гуляй-городе» перед Серпуховскими воротами Замоскворечья; смоленские дети боярские выбранного ими головы Г. Полтева с помощью отрядов из Москвы очистили от повстанцев уезды к западу от столицы и освободили Можайск. Переговоры в Коломенском внесли раскол в повстанческий лагерь. Ахиллесовой пятой болотниковцев стало отсутствие царя Дмитрия в их лагере и вообще где-либо, что само по себе вызывало подозрение. Столица стояла на грани капитуляции – но кому? Москвичи потребовали показать им Дмитрия, а затем стали тайно уверять Пашкова и Ляпунова в том, что Отрепьев был действительно убит.

К этому добавилась еще и личная вражда вождей восстания. Ляпунов был, видимо, недоволен своим подчиненным положением и вместе с рязанцами и стрельцами из Коломны первым перешел на

⁶ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. IV. М., 2008. С. 285 (№ 384); произошло это после 26 ноября, когда отряды северных уездов прибыли в Москву.

⁷ Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени // РИБ. Т. 13. СПб., 1909. С. 107.

сторону Шуйского. Истома Пашков, одержавший решающие победы на пути к столице и первый вступивший в Коломенское, по требованию «большого воеводы» Болотникова был вынужден оставить занятые было им царские хоромы и подчиниться последнему.

Дождавшись подхода подкреплений со стороны Смоленска, войска Василия перешли к решительным действиям и атаковали отряд казаков, укрывшийся в обозе у деревни Загорье. Через три дня здесь развернулось генеральное сражение, в разгар которого Пашков со своими отрядами перешел на сторону Шуйского. Болотников потерпел решающее поражение, следствием которого стало не только снятие осады Москвы, но и отпадение от «Дмитрия» большинства южных уездов. В руках повстанцев остались Тула и Калуга, куда отступили более 10 тыс. ратников «с вогненным боем». Царское войско сосредоточилось на осаде последнего города, в котором укрылся и сам Болотников.

3.3. Бои со сторонниками «Дмитрия» и лжецаревича Петра (1606 – начало 1607 г.)

1606 г., 20 декабря – 1607 г., ок. 3 мая – осада войск Болотникова в Калуге; успехи отрядов Шуйского по стране.

1606–1607 гг. – поход «царевича Петра».

1606 г., сентябрь–ноябрь – казачье войско Лжепетра с Волги приходит в Путивль; массовые казни знатных пленных и уход северских дворян от «мужицкого царя».

1607 г., январь – войско «царевича Петра», усиленное запорожцами, выступает к Калуге через Орел, Мценск и Одоев.

Ок. 23 февраля – битва на р. Вырке; отряд запорожцев под командой кн. В. Ф. Мосальского (из войск Лжепетра) уничтожен при попытке прорыва в Калугу полком боярина И. Н. Романова (из-под Калуги); войско Лжепетра спешно отходит в Тулу.

3 мая – битва на р. Пчельне; поражение отряда боярина кн. Б. П. Татеева от войск Лжепетра (под ком. боярина кн. А. А. Телятевского) и гибель царских воевод; при известии о поражении осадное войско бежит из-под Калуги к Боровску.

После поражения повстанцев Болотникова под Москвой характер войны стал резко меняться, приобретая черты жесточайшего противостояния дворянства и казачества. Дворянские «города» прекратили организованное сопротивление и перешли в стан царя

Василия. Противник, в свою очередь, получил серьезное пополнение в виде сторонников «царевича Петра», прибывших в сентябре–ноябре 1606 г. в Путивль с берегов Волги.

Войско мнимого сына царя Федора Иоанновича составляли терские, волжские и донские казаки, к которым присоединились несколько тысяч запорожцев и литовских наемников. По прибытии их в Путивль начались массовые зверские казни знатных дворян, взятых в плен воеводами «Дмитрия». При самозванце образовался свой «двор», в который вошли боярин кн. А. А. Телятевский (в 1604 г. – второй воевода Большого полка кн. Мстиславского), князя Г. П. Шаховской, В. Ф. и И. Л. Мосальские и другие, которых отныне стали ставить во главе отрядов повстанцев. Немедленно по получении известий о поражении под Москвой и осаде Калуги это свежее войско выдвинулось на помощь Болотникову⁸, создав угрозу тылам армии Шуйского.

Осада Калуги затянулась до мая 1607 г. Ратные люди снова истратили все запасы продовольствия, и поражение небольшого полка боярина кн. Б. П. Татеева привело к очередному распаду войска. Бросив тяжелый «наряд», оно поспешно отступило к Боровску и Серпухову. Однако и войска Лжепетра не имели сил для преследования.

3.4. Государев поход царя Василия Шуйского Осада и взятие Тулы (1607)

21 мая – выступление царя Василия в поход на Тулу.

5–7 июня – сражение на р. Восме; поражение отрядов Телятевского и Болотникова от войск боярина кн. А. В. Голицына.

12 июня – бой на р. Воронеж; боярин кн. М. В. Скопин-Шуйский разбивает повстанцев на пути к Туле.

14 июня – 10 октября – осада Тулы войсками царя Василия.

К весне 1607 г. положение правительства Шуйского укрепилось. С разгромом восставших под Москвой городские дворянские корпорации, в том числе и северские, покинули знамена самозванцев. Царю удалось увеличить им жалование; такие видные деятели уездного дворянства, как П. Ляпунов и Г. Полтев, полу-

⁸ *Зенченко М. Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. С. 151–152.

чили чины думных дворян. Одновременно ужесточились наказания помещиков «за нетство». Именной указ от 7 марта 1607 г. предписывал отказывать в иске дворянам, пытавшимся насильно закабалить своих добровольных холопов – в большинстве своем разоренных служилых людей, основы самозванческого и казачьего движения. Наконец, боярский приговор от 9 марта заявлял о необходимости возврата всех крестьян, бежавших после последнего описания земель 1592–1593 гг., прежним владельцам. Все это способствовало сплочению дворянства вокруг правительства Василия Иоанновича.

Не прошло и месяца после бегства его рати из-под Калуги, как начался грандиозный «государев поход» царя Василия. В жестких боях на реках Восьме и Воронеж дворянские отряды разгромили полевые силы восставших, а затем осадили их в Туле. Наличие большого количества посошных людей позволило командованию, по инициативе муромского сына боярского И. С. Кровкова, запрудить реку Упу и затопить город – прежде всего подвалы и погреба. Лишившись, в преддверии зимы, запасов продовольствия, осажденные капитулировали. «Целовав крест» царю Василию, они были помилованы и «отпущены по городам». Правда, вскоре по приговору суда казнили Илейку Муромца, а при приближении Лжедмитрия II к Москве был убит и Болотников.

С началом осады Тулы в замирение были приведены значительные территории южной Украины. В стан Шуйского перешли помещики Тулы, из Алексина прибыли северские дети боярские, покорность изъявили рязанские пригороды – Ряжск и Сапожок. Еще до падения оплота мятежников царские войска овладели Деделовом, Епифанью, Крапивной и Одоевом. Более того: их отряды вышли в Поле и «привели ко кресту» служилых людей Ельца, Воронежа, Оскола и Курска. В руках вольных казаков и повстанцев оставались лишь северские крепости и самые окраинные города «от Поля» – Царев-Борисов, Валуйки и Белгород⁹.

⁹ *Зенченко М. Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. С. 154–156.

Глава 4 ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ II (1607–1608)

4.1. Первый поход войск нового самозванца (1607)

1607 г. Лжедмитрий II (убит в 1610 г.).

1607 г., 12 июня – Стародуб присягает новому самозванцу; сбор войск.

1607 г., 10 сентября – выступление «Дмитрия» в поход на Брянск.

20 сентября – отряд «резвых людей» из Мещовска сжигает Брянск, присягнувший самозванцу.

8 октября – бой под Козельском; внезапным нападением войск Лжедмитрия разбит отряд кн. В. Ф. Литвинова-Мосальского.

16 октября – отступление Лжедмитрия из Болхова в Карачев и далее до Трубчевска при известии о падении Тулы; развал его войска.

В иных условиях падение Тулы стало бы закономерным финалом гражданской войны, но в октябре 1607 г. оно превратилось лишь в безрадостный и, по сути, бесплодный ее эпизод. И главной причиной этому стало появление на политической сцене нового самозванца, которого в историографии принято называть Лжедмитрием II.

После поражения под Москвой лидерам повстанцев стало ясно, что отсутствие фигуры «Дмитрия» сильно осложняет их положение¹. Где-то в феврале 1607 г. их представители при содействии белорусских православных шляхтичей, ветеранов похода Лжедмитрия I, приступили к подготовке нового самозванца. По всей видимости, им стал внешне похожий на Отрепьева школьный учитель из Шклова – по одним данным поповский сын, по другим – крещеный еврей, долгое время живший в России. Он был менее самостоятелен, чем Григорий Отрепьев. Однако его появление в Стародубе придало

¹ Подробнее: Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 147–160.

Лжедмитрий II. Гравюра XIX в.

новый импульс повстанческому движению на юге России. С самого начала реальную власть при самозванце и организацию нового войска взяли в свои руки казачий атаман Иван Мартынович Заруцкий и поляк Мацей Меховецкий, смещенный позже с поста гетмана другим поляком – Романом Ружинским. У всех их, судя по всему, не было никаких иллюзий в отношении личности «Дмитрия»: они использовали его как марионетку для личных авантюрных целей.

Первоначально «собралось к нему войско москвитян до трех тысяч – все же войско, хоть и не очень хорошее»². Многие приверженцы Дмитрия вели в это время боевые действия в войске Болотникова, а служилые люди «по отечеству» в большинстве своем уже перешли в лагерь царя Василия. Распоряжение Лжедмитрия, по которому поместья, жен и детей «изменивших» ему дворян и детей боярских было велено отдавать их холопам, только усилило взаимное ожесточение. Именно поэтому с самого начала основную ставку пришлось сделать на польских наемников.

Весть о долгожданном появлении царя Дмитрия всколыхнула еще сопротивлявшиеся «польские», «северские» и рязанские города. Восстание победило в Брянске, куда с имеющимся войском и выступил Лжедмитрий II. Правда, войска Василия Шуйского находились на пике своего успеха, и поход окончился неудачей: уже в самом начале отряд «резвых людей» (250 детей боярских) опередил самозванца и сжег Брянск. Освободив от осады Козельск и тульские пригороды, он получил весть о падении Тулы. Теперь армия Шуйского могла раздавить его слабые отряды, что заставило повстанцев повернуть назад и даже привело к бегству трусливого нового «Дмитрия» из своего взбунтовавшегося стана³.

Экскурс 5.

Армия Лжедмитрия II в 1608–1610 гг.

Вопреки опасениям, погони не последовало: царю пришлось распустить на время свои войска, и это дало самозванцу необходимую передышку. Еще одним обстоятельством, укрепившим его положение, стали события в соседней Речи Посполитой.

² Мархоцкий Н. История Московской войны. С. 28.

³ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 175–180.

Там долгое противостояние рокошан и короля вылилось наконец в открытое военное столкновение. В решающем сражении под Гузовом (6 июля 1607 г.) гетманы С. Жолкевский и Я. К. Ходкевич разгромили повстанцев, после чего Сенат заставил короля пойти на примирение. Войска были распущены, и значительная часть наемников, как из рокошанского, так и из королевского лагеря, осталась не у дел, зачастую без средств к существованию. Большинство из них, уже организованных в хорунги и полки, с готовностью откликнулось на призыв царя Дмитрия.

В октябре–ноябре 1607 г. Лжедмитрий, с преданными соратниками пробираясь к Путивлю, стал встречать ищущие его польские и казацкие отряды. Несмотря на эти подкрепления, ему все же пришлось отступить на зимовку в Орел: путь к Брянску надежно прикрывали царские отряды. К весне его войска были усилены 4 тыс. поляков Р. Ружинского, 3 тыс. запорожцев и 5 тыс. донских казаков И. Заруцкого, не считая мелких отрядов⁴. В целом их численность могла достигать 13–15 тыс. бойцов⁵, в основном прекрасно вооруженных и обученных: одних только гусарских хорунг (рот тяжелой копейной конницы) к маю насчитывалось 12. Отныне воеводам царя Василия противостояли не захудалые «самопальники» и казаки южных русских городов, а полноценный корпус войск Речи Посполитой, по боевым качествам не имевших себе равных в Восточной Ев-ропе конца XVI – начала XVII в. Не случайно в русских сочинениях о Смутном времени местной «сермяжной» рати часто противопоставляются поляки в блестящих доспехах.

4.2. Поход Лжедмитрия II на Москву и начало осады столицы (1608)

1607 г., декабрь – начало сбора рати боярина кн. Д. И. Шуйского в Алексине.

1608 г., январь – выдвижение рати в Болхов; Лжедмитрий II переходит в Орел, где к нему присоединяются запорожцы и ряд польско-литовских отрядов во главе с гетманом Ружинским.

1608 г., апрель–июнь – поход Лжедмитрия II на Москву.

⁴ Тюменцев И. О. Иноземные солдаты на службе Лжедмитрию II. 1607 – начало 1610 года // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 270–283.

⁵ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 216.

30 апреля – 1 мая – битва под Болховом; разгром повстанцами и наемниками войск кн. Д. И. Шуйского.

Май – войско кн. М. В. Скопина-Шуйского достигло р. Незнать за р. Окой (по Каширской дороге), но, выяснив, что Вор пошел другой дорогой, и из-за «шатости» среди воевод срочно вернулось к Москве.

25 мая – 1-я битва на Ходынке.

В декабре 1607 г. в Алексин стали съезжаться и служилые люди воеводы кн. Д. И. Шуйского. Вскоре рать выдвинулась к Болхову; ее численность вряд ли достигала 20 тыс. человек: в отличие от войска кн. Мстиславского (1604) ее расписали не на пять, а только на три полка. Однако самым слабым местом в ней являлся главнокомандующий, что ярко проявилось в решающей битве. Это столкновение произошло 30 апреля и 1 мая в 10 верстах южнее Болхова, у деревни Каменка.

В первый день битвы, когда авангард Лжедмитрия атаковал на марше Передовой полк кн. Голицына, лишь стойкость кн. И. С. Куракина со Сторожевым полком помогла избежать поражения. На следующий день обоз гетмана Ружинского (на повозках были установлены хоругви, а пыль не позволяла увидеть, что это только обоз), направленный во фланг Шуйскому, уверил того в превосходстве противника и заставил начать отвод артиллерии и обоза еще до начала сражения⁶. Царские полки дрогнули и, преследуемые польской конницей, бежали, оставив обоз и «наряд» в руках неприятеля. Путь на Москву был открыт.

После Болхова войско Лжедмитрия разделилось. Большая его часть через верные самозванцу Козельск и Калугу, а затем через Можайск подошла к Москве с запада и разбила лагерь в селе Тушино, к северо-западу от столицы. Этот маневр позволил миновать встречи с полками кн. М. В. Скопина-Шуйского, высланными по Калужской дороге навстречу неприятелю. Второй отряд – донские казаки полковника Александра Лисовского – двинулся в дальний обход по окраинным рязанским городам.

4.3. Поход полковника Александра Лисовского к Москве (1608)

Апрель–июнь – поход А. Лисовского.

Апрель–май – выйдя из Болхова, занял Михайлов и Зарайск.

⁶ Мархоцкий Н. История Московской войны. С. 35–37.

Апрель – побоище под Зарайском; внезапным нападением отряд Лисовского разгромил численно превосходящую рязанскую рать кн. И. А. Хованского и З. П. Ляпунова, после чего захватил Коломну. В результате похода Лисовскому удалось собрать недобитые в 1607 г. отряды «воров» и сильно увеличить свое войско.

Июнь – бой у Медвежьего брода (на р. Москве между Москвой и Коломной); войско боярина кн. И. С. Куракина разбило отряд Лисовского, отбило его «наряд» и вернуло Коломну; остатки «лисовчиков» бежали в Тушино.

Путь этого стремительного военачальника лежал через Епифань, Михайлов, Зарайск с выходом на Коломенскую дорогу⁷. По дороге, проходя через рязанские пригороды, Лисовский собрал под знамя «царя Дмитрия» недобитые в 1607 г. остатки войск Болотникова и Лжепетра.

Вскоре к занятому полковником Зарайску приблизилась верная царю Василию рязанская рать «всех станов»⁸ под началом князя Ивана Андреевича Хованского и Захара Петровича Ляпунова (Прокопий незадолго до этого был ранен); на подмогу к ней подошли отборные ратники из Арзамаса (250 человек). Царские воеводы проявили беспечность в организации сторожевого охранения, и внезапной вылазкой из крепости их армия была разгромлена. Памятником зарайского побоища стал курган, насыпанный по приказу Лисовского над братской могилой рязанских и арзамасских ратников. Впоследствии, вплоть до XIX столетия, сохранялась традиция ежегодного крестного хода из Арзамаса в память о погибших родных и земляках⁹, а сама могила была заключена в церковную ограду возведенного здесь храма Благовещения Пресвятой Богородицы.

Таким же решительным натиском Лисовский сломил сопротивление жителей Коломны и взял крепость с большим количеством мощных орудий. Обремененный тяжелым обозом и артиллерией, он двинулся к Москве с юго-востока. Однако на перевозе через Москва-реку царская рать кн. И. С. Куракина нанесла ему поражение, отбив Коломну. Полковнику пришлось вернуться на границу

⁷ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 245–248.

⁸ Рязанский уезд по причине своей обширности делился на девять станов (районов), по этим же станам служили вместе и рязанские помещики.

⁹ Кияновский М. И. Русские военные памятники // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 340.

с Полем, после чего прорываться в Тушино, обходя Нижний Новгород, Владимир и Троице-Сергиев монастырь. По пути, на Волге, он присоединил к своим войскам казаков «царевича Ивана-Августа»; впрочем, этот лжецаревич был вскоре казнен как самозванец по указу Лжедмитрия II в Тушинском лагере¹⁰.

4.4. Тушинский лагерь Лжедмитрия II (1608–1610)

1608 г., июнь – 1610 г., март – Тушинский лагерь Лжедмитрия II. Осада Москвы

1608 г., сентябрь–октябрь – с подходом войска Я. П. Сапеги легкие отряды «тушинцев» отправляются на северо-восток от столицы, перерезают связь с поволжскими и поморскими городами и овладевают некоторыми из них.

1609 г., 25 июля – 2-я битва на Ходынке.

Ночь на 28 декабря – бегство Лжедмитрия II из Тушина в Калугу; начало развала Тушинского лагеря.

Конец января – начало февраля – бой в Тушине между донскими казаками и поляками; бунт казаков подавлен.

Ночь с 6 на 7 марта – Тушинский лагерь сожжен при приближении отрядов Скопина-Шуйского; одна часть «тушинцев» уходит к Волоку-Ламскому навстречу войскам короля, а другая – в Калугу к Лжедмитрию.

Позиция между реками Сходней и Москвой обеспечивала войскам Тушинского вора (как прозвали Лжедмитрия II) контроль над Тверской и Смоленской дорогами. Со временем знаменитый Тушинский лагерь приобрел довольно солидный вид: «Начали мы рыть землю и устроили себе земляные дома, в земле же вырыли печи (такие жилища были не во всем удобны, ибо в них угорали). Стойла для лошадей сплели из хвороста и покрыли соломой... Имея множество подданных, стали мы строиться основательно, рассчитывая на суровую зиму: в окрестных селениях брали дома и ставили в обозе. Некоторые имели по две-три избы, а прежние, земляные, превратили в погреба. Посреди обоза построили царю с царицей и воеводой достойное жилище, и стал наш обоз походить на застроенный город»¹¹.

Надежды сторонников «Дмитрия» на легкую победу не оправдались: Шуйский сумел тщательно подготовиться к обороне.

¹⁰ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 257.

¹¹ Мархонцкий Н. История Московской войны. С. 47.

В столице собралось множество ратных людей: почти вся дворянская конница, служилые татары и другие инородцы из Низовой земли, стрельцы и даже поступившие на службу царю Василию станицы «вольных казаков». Вначале разбитые под Болховом принесли известие о том, что войско «у вора» огромное: «Передние полки его уже вели сражение, а хвост был еще у Путивля». Гарнизон, оставленный Дмитрием Шуйским в Болхове, перешел на сторону Лжедмитрия, но, убедившись в малочисленности победителей, покинул его и явился в столице, объявив всем о слабости противника. Ожесточенный бой на реке Ходынке не принес победы ни одной из сторон, и стало ясно, что осада затянется надолго.

Между тем Василию приходилось предпринимать энергичные меры для того, чтобы удержаться у власти. В конце июля 1608 г. он заключил договор с послами Сигизмунда о перемирии на 3 года и 11 месяцев и о том, что в обмен на освобождение Мнишек и иных поляков, задержанных в России после переворота 1606 г., король отзовет из-под Москвы «тушинских» поляков¹². Вопреки ожиданиям, это не остановило приток наемников из Речи Посполитой и, кроме того, позволило разыграть спектакль «воссоединения» царя с плененной царицей: Марина Мнишек, перехваченная тушинцами, стала серьезной политической фигурой в лагере самозванца. Правда, по словам Мархоцкого, вначале персоны, знавшие Лжедмитрия I, «увидев нашего, не захотели его признавать, и скрыть это было невозможно»¹³. Но к тому времени не только для поляков и казаков, но для московской знати и ратных людей вопрос о подлинности и легитимности царя отошел на второй план. Они стали больше следить за своей выгодой – Шуйский не вызывал симпатий и потерял власть над многими регионами. Даже в ближайшем Подмосковье образовались волостные центры с вооруженными отрядами казачьего типа, присягнувшие по собственной инициативе на верность «царю Дмитрию». Спровоцировали их появление беспорядочные «сборы кормов» готовящихся к осаде ратных людей царя Василия, которые постоянно перерастали в грабежи дворцовых, патриарших и монастырских крестьян¹⁴. Их представите-

¹² Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 250–256.

¹³ Мархоцкий Н. История Московской войны. С. 45.

¹⁴ Тюменцев И. О. Жители Московского уезда и воры в 1608–1611 гг. (по материалам русского архива Яна Сапеги) // Памяти М. П. Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 323–345.

ли неоднократно обращались в Тушино с просьбой оборонить от «московских загонщиков», а летом 1609 г. отряды подмосковных «мужиков» сами стали перехватывать пути снабжения столицы из Коломны (хатунский отряд Салкова) и Владимира (вохонская застава на Клязьме). И в самой Москве в течение долгой осады (21 месяц) положение царя Василия было довольно шатким из-за волнений ратных людей и заговоров знати, и лишь решительная поддержка патриарха Гермогена помогала успокаивать мятежи.

С подходом к Лжедмитрию крупного войска гетмана Яна Петра Сапеги (7 тыс. человек) «воровские» отряды направились во все концы страны, особенно в ее богатые области. Некоторые города сами «целовали крест» Дмитрию, иные же вынужденно подчинялись его военной силе. Части Сапеги заняли Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Вологду, Тотьму, затем Кострому и Галич. Лисовский подчинил междуречье Клязьмы и Волги от Владимира и Суздаля до Балахны и Кинешмы. От царя Василия отложились Псков, часть Новгородской земли, Углич, Кашин, а в Поволжье – «многие понизовые люди, мордва и черемиса».

Вскоре в Тушинском лагере образовались свои органы власти. При самозванце собрался «двор», наиболее заметными фигурами в котором стали князья Д. Т. Трубецкой, Д. М. Черкасский, П. Г. Шаховской, а также М. Г. Салтыков и М. М. Бутурлин. Плененный при взятии Ростова митрополит Филарет (бывший боярин Федор Никитич Романов) стал «нареченным патриархом». В Тушине действовали основные приказы, «царь» щедро раздавал своим сторонникам поместья, отнятые «за измену» у дворян из лагеря Шуйского; в присягнувшие города назначались воеводы. Однако все это, в значительной степени, являлось лишь ширмой для действий реальных хозяев положения – польских и казацких вождей, таких как Заруцкий, Сапега, Ружинский. В центральном лагере диктаторскими полномочиями обладали «децимвиры» – члены комиссии из 10 шляхтичей; на местах при русских воеводах состояли боевые командиры «тушинских» отрядов, которые устанавливали размеры поборов в пользу своих подчиненных, взимали их и подавляли выступления недовольных¹⁵. Некоторые волости и города отдавались «в кормление» казачьим станицам. Грабежи, зверские насилия, убийства в неслыханных со времен татарских завоеваний масшта-

¹⁵ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 282–316, 366–372.

бах охватили всю Россию, причем, по признанию современников, русские «воры» проявляли порой больше жестокости и «усердия», чем польско-литовские наемники.

Гражданская война запылала по всей стране, принимая разнообразные, порой совершенно причудливые формы: где горожане боролись с «сильными людьми» своего посада, где инородцы осаждали в крепостях царских воевод, где дворянские «города» совершенно искренне сражались друг с другом, каждый за своего царя.

С наступлением осени, после поражения под Рахмановом разбежались из Москвы по домам помещики Замосковных и северо-западных уездов, так что самым надежным оплотом царя Василия оказались его недавние непримиримые противники – рязанские и северские дети боярские, чьи поместья остались в руках повстанцев, а семьи были вывезены в Москву. Многие служилые люди московской рати, спасая своих родных в ближних и дальних поместьях, а то и соблазнившись вольностями и разгульной жизнью лагеря самозванца, стали перебегать к последнему – таких метко окрестили «тушинскими перелетами».

Все происходящее стало восприниматься наиболее образованными и благочестивыми очевидцами как преддверие Конца Света, ведь уж слишком много признаков вызывали прямые ассоциации с библейскими символами и пророчествами: «И разделишася как чернь, так и благородные надвое: брат на Москве с царем Василием в осаде; а другой в Тушине с вором: еще же у многих отец на Москве, а сын в Тушине. И тако схождахуся на битву по вся дни, сын противу отца, и брат противу брата»¹⁶. Духовные писатели того времени стали уподоблять лжедмитриев и иных лжецарей лже-Христам, так как многие присягнувшие им, искренне или лицемерно, становились страшными гонителями соотечественников, разорителями родных храмов и городов. Несомненно, сильнейший импульс эсхатологическим ожиданиям придало покушение «тушинцев» на величайшую духовную святыню Русской земли – Троице-Сергиев монастырь.

¹⁶ *Наседка И.* Житие и подвиги преподобного отца нашего архимандрита Дионисия. [Б. м.], [б. г.]. С. 10.

Глава 5 НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ВОЙСКАМ ЛЖЕДМИТРИЯ II (1608–1610)

5.1. Оборона Троице-Сергиева монастыря (1608–1610)

1608 г., 23 сентября – 1610 г., 12 января – оборона Троице-Сергиева монастыря от войск Лжедмитрия II¹.

1608 г., 22 сентября – сражение при д. Рахманцевой; польский отряд Я. П. Сапеги наносит поражение войску кн. И. И. Шуйского и открывает себе дорогу к Троице-Сергиеву монастырю.

23 сентября – войска Сапеги и Лисовского располагаются лагерем на высотах возле обители.

1 октября – начало осадных работ «тушинцев» под стенами крепости.

2 октября – начало сооружения подземной минной галереи.

8–11 октября – первые вылазки защитников крепости.

24 и 26 октября, 4 ноября – удачные вылазки, в ходе которых защитники выясняют место и направление минной галереи «тушинцев».

Ночь на 1 ноября – первый неудачный штурм Троицы «тушинцами».

9–11 ноября – большие вылазки осажденных; захват ими 8–11 вражеских орудий, уничтожение ряда осадных батарей противника (9 ноября) и подрыв минной галереи (11 ноября).

1608 г., ноябрь – 1609 г., май – отказ «тушинцев» от осады и переход к тесной блокаде монастыря; гибель от цинги и голода большей части его гарнизона и иных обитателей.

1609 г., 13 и 14 января – разгром защитниками Троицы заставы пана Сумы и неудачная попытка прорыва из Москвы подкреплений в монастырь.

Ночь на 16 февраля – прорыв в крепость обоза с порохом из Москвы.

19–21 июня – неудачная попытка «тушинцев» отвести воду из монастыря.

Ночь на 29 июня и ночь на 28 июля – последние приступы «тушинцев» к крепости.

Ночь на 16 октября – прорыв в монастырь отряда воеводы Д. Жеребцова из войск М. В. Скопина-Шуйского и его бой с «тушинцами».

¹ Хронология осады капитальным образом исправлена и уточнена по сравнению с предыдущими авторами в работе: *Тюменцев И. О.* Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. М., 2007.

1610 г., ок. 1 января – подход отряда Г. Валуева (500 человек) от Александровой слободы к Троице и битва на Клементовском поле.

12 января – Сапега и Лисовский отступают от монастыря в результате блокады их отрядами из войск Скопина-Шуйского и Делагарди.

Обитель, основанная преподобным Сергием Радонежским, к началу XVII в. являлась крупнейшим и богатейшим монастырем Русского государства. Слава о монастыре, особенно о чудотворениях, совершаемых от мощей святых и почитаемых икон, ежегодно приводила сюда тысячи паломников, включая и русских царей, и подвигала самых разных людей делать денежные и земельные вклады – обычно «за помин души». В 1540–1550-х гг. монастырь обнесли каменными стенами с двенадцатью башнями, на которых была размещена почти сотня орудий.

С началом осады Москвы он стал важным стратегическим пунктом, обеспечивавшим связь столицы с богатыми поволжскими и поморскими областями, поэтому в монастырь был отправлен отряд воеводы кн. Г. Б. Долгорукого-Роши. Общее число осадных сидельцев, включая посадских людей, монастырских служек и монахов, достигало 2,5 тыс. человек, однако дополнительную «тесноту» им создавало множество укрывшихся за стенами окрестных жителей. Гетман Я. П. Сапега и полковник А. Лисовский имели в своих объединенных отрядах 12–13 тыс. человек и 63 орудия, но с продолжением боевых действий это число уменьшалось до нескольких тысяч или, наоборот, увеличивалось. «Литвой» и «русскими ворами» двигало скорее стремление к захвату богатейшей монастырской казны, чем чисто военные цели – особенно после признания «Дмитрия Ивановича» замосковными и многими северными городами.

Осада началась боем на поле перед воротами и сожжением окружающих монастырь слобод. Осажденные «укрепились от измены» крестным целованием у мощей прп. Сергия и решительно отвергли предложение о сдаче. Обстрел противником стены из ружей и легких полевых орудий, а также беспорядочный приступ к крепости не привели ни к каким результатам, и Сапега решил прибегнуть к подкопу под одну из башен – Пятницкую, расположенную в центре юго-восточной стены монастыря.

Но осажденные узнали от перебежчика и захваченных «языков», что ведется подкоп и что взрыв готовят вскоре после «Михайлова дня». Вzbешенные решимостью защитников обители, «тушинцы» открыли огонь по храмам монастыря из тяжелой пушки «Тещера»,

Польский полководец Лжедмитрия II Я. П. Сапега (1569–1611)
на фоне осаждаемой Троице-Сергиевой лавры.
Гравюра В. Гондиуса начала XVII в.

которую еще месяцем раньше доставили от самого Лжедмитрия из-под Москвы и установили на горе Волокуша. Ядра влетели внутрь Троицкого собора во время праздничной службы на память архистратига Божия Михаила (8 ноября), поразив клирика монастыря и старицу. Вражеские снаряды повредили иконы архангела Михаила и святителя Николая Чудотворца – следы обстрела можно и сейчас увидеть воочию в Троицком соборе. Ответным огнем со стен крепости троицкие пушки заставили замолчать орудие «тушинцев».

Ободренные явлениями преподобного Сергия и иными чудесами, защитники монастыря решили в ночь после праздника Собора архистратига Михаила (на 9 ноября) сделать общую вылазку. Воеводы, «урядивше полки вылазных людей, приидоша в церковь Святыя Живоначальные Троица, знаменовавшеся к чудотворным образом и к цельбоносным мощем преподобного отца нашего Сергия чудотворца»². Тогда, видно, и условились об общем для всех «ясаке» (боевом кличе – пароле), чтобы, выйдя ночью с разных сторон крепости, отличать своих («сергиевых») от врагов. Когда трижды ударили осадные колокола, все три отряда одновременно крикнули боевым кличем, «нарекше ясак Сергиево имя и вкупе нападаоша на литовских людей нагло и мужественно». Ободряя друг друга, ратники говорили: «Умрем, братие, за веру христианскую!» В бою под стенами обители совершалось настоящее чудо: многократно слабейшие «полчки градских людей» Троицы не раз возобновляли нападение, врывались в осадные батареи врага, захватили от 8 до 11 пушек, много знамен, пленных, воинских запасов, и все это «во град внесоша», а остальное «огню предаша». И везде над полем боя носился торжествующий боевой клич: «Сергиев!» Вспоминая впоследствии о таких вылазках, поляки говорили, что в них участвовали и многие монахи, которые бились конными и пешими и захватывали пленных и пушки, будучи «тяжелы и вельми сильны» – «да и то мы видели, и с нами многие панове: един мних ухватил нашу полуторную пищаль и на рамо свое возложил, в мур³ у нас унесе...» (по рассказу дворянина С. Языкова)⁴.

10 ноября защитники монастыря повторили попытку прорваться к подкопному рву «тушинцев», но потерпели неудачу и с большими потерями были вынуждены укрыться в крепости. Подкоп стремительно приближался к Пятницкой башне, и следовало то-

² Сказание Авраамия Палицына. С. 152.

³ Мур (*польск.*) – стена, в данном случае – стена крепости.

⁴ Сказание Авраамия Палицына. С. 197.

ропиться с его уничтожением. Учтя опыт предыдущих боев, осажденные хорошо подготовились к решающей вылазке на рассвете 11 ноября. Практически все наличные силы были разделены на три отряда, каждый со своей особой задачей; для уничтожения подкопа выделялась отдельная группа подрывников, действовавшая под прикрытием отряда сотенного головы Ивана Внукова-Тимофеева. Все отряды поначалу справились со своей задачей, и в устье подкопа был заложен заряд. Однако ратники Лисовского быстро оправались от неожиданного нападения и стремительно ринулись к Подольному монастырю, возле которого начиналась минная галерея. Когда первые из них вновь ворвались в подкоп, монастырские крестьяне села Клементьева Никон Шилов и Солота подорвали заряд, уничтожив минную галерею и нескольких вражеских воинов. В неравном бою погиб и командир отряда Иван Внуков, однако опасность подрыва монастырских стен была окончательно ликвидирована.

Но все же силы были слишком неравны, и осада продолжилась. А вскоре пришлось запретить вылазки: в городе началась цинга, унесшая жизнь большей части обитателей монастыря. Смертельно раненных и умирающих постригали в монахи, что прежде было обычаем лишь в отношении князей и другой знати. Наравне с воинами и простыми беженцами ужасы «осадного сидения» стойко переносили знатные женщины, принявшие иноческий образ, — «королева-инокиня» Марфа (княгиня Старицкая)⁵ и «царевна-инокиня» Ольга (Годунова)⁶. Страшную опасность представляли разногласия внутри гарнизона, когда воевода кн. Григорий Долгоруков попытался завладеть казной и запасами троицких монахов, обвинив в измене казначея монастыря Иосифа Деточкина. Однако второй воевода, Алексей Голохвастов, «королева-инокиня» и ар-

⁵ Мария (1560 – после 1611) – дочь князя Владимира Андреевича Старицкого, убитого по приказу Ивана Грозного в 1569 г. Была выдана замуж в 1570 г. за ливонского короля Магнуса, вассала Ивана Грозного, который перешел в подданство польского короля и умер в 1583 г. в Пильтене. Около 1586 г. Мария тайно бежала в Россию и в 1588 г. была пострижена под именем Марфа в Подсосенском монастыре (7 км от Троице-Сергиева монастыря). Пережила осаду Троицкого монастыря; умерла в Новодевичьем монастыре.

⁶ Ксения Борисовна Годунова (1582–1622) – дочь боярина, а затем царя Бориса Годунова. В 1605 г. была выдана самозванцу Лжедмитрию I, который, надругавшись над ней, постриг ее в монахини с именем Ольга. В 1606 г., после свержения Расстриги, поселилась в Подсосенском монастыре, пережила осаду Троицы и ужасы захвата и грабежа Новодевичьего монастыря казаками И. Заруцкого в 1611 г. Умерла в Успенском Княгининном монастыре во Владимире.

химандрит Иоасаф с помощью монастырской братии сумели защитить казначея от расправы, полностью оправдав его. Впрочем, это не внесло окончательного успокоения в ряды защитников.

Лишь немногие из них пережили зиму: похоронено, по словам Авраамия Палицына, за время осады было 2125 человек, «кроме женска полу и недорослей и маломощных и старых»⁷; к 15 мая в строю оставалось 102 сына боярских, около 20 стрельцов, 40 казаков, 40 престарелых монахов. Но и они были полны решимости стоять до конца, отвергая все новые предложения Сапеги о капитуляции. Более того, воеводы не могли совсем предотвратить вылазки: ратники отпрашивались за стену под разными предлогами: за водой, дровами, травами и кореньями, – и по два-три человека «порознь бродяще смерти искаху». Поляки, видя легкую добычу, бросались на них, и тогда все вышедшие собирались вместе и неизменно побеждали. Нам трудно понять дерзновение этих простых людей, такое их упование на помощь Божью и уверенность в покрове преподобного Сергия...

Летом 1609 г. враг предпринял еще два штурма, но и они окончились неудачей. Обстоятельства отражения последнего из них, в котором принял участие тушинский полковник Зборовский, наиболее поразительны не только для современников, но и для потомков. Менее 200 защитников монастыря приготовились 28 июля принять смерть в бою с 12 тыс. «тушинцев», однако бой для них даже не начался. В предутренней темноте разноязычные (польские и русские) штурмовые колонны, перепутав время выступления, вразнобой двинулись к монастырским стенам, но столкнулись между собой и приняли друг друга за врагов. Началась сумятица, в которой погибли многие «тушинцы», а приступ был сорван. Пораженные невероятной неудачей и грозными видениями, стан Сапеги покинули несколько атаманов со своими станицами.

Вместе с тем однажды «троицкие сидельцы» нашли осадный лагерь полностью оставленным: Сапеге на время пришлось увести свое войско против Скопина-Шуйского, шедшего на помощь Москве из Новгорода. А в октябре из полков князя Михаила привел в Троицу свежий отряд (ок. 300 человек) воевода Давыд Жеребцов. Авторитетный полководец навел свой порядок со снабжением ратников монастырскими запасами и активизировал вылазки из монастыря. Впрочем, поначалу его обученные «премудростям немецкого ратного строя» отборные воины испытали

⁷ Сказание Авраамия Палицына. С. 169.

Ясачное знамя с двуглавым орлом.
Фрагмент гравюры второй половины XVII в.

конфуз. На первой же вылазке они попытались показать свое ратное искусство, но были с позором опрокинуты «тушинцами» и спасены только помощью старых троицких защитников. Эти-то «простецы» и поведали Давиду Жеребцову свою воинскую науку: «Мы, государь боярин, прежде сего прося у чудотворца Сергия помощи, малоурядно исхаживали... Яко овцы исходихом, пастырь же наш сам промышляя и не погуби нас николи же»⁸.

Через несколько месяцев, в январе 1610 г., приблизились войска Скопина-Шуйского, и враг в панике бежал, так и не сумев сокрушить ни стен обители, ни тем паче духа ее защитников. Многими чудесами прославилась обитель во время этой бедственной осады, показав пример всей России и заронив надежду на преодоление Смуты.

Эккурс 6.

Ясаки – способы отличия в гражданской войне

Ситуация, когда обе стороны в войне состоят из соотечественников и единоверцев, не имеющих отличий во внешнем виде и образе боя, вынуждает искать новые способы опознавания «свой – чужой». В Смуту для этого не годились даже хоругви: и Лжедмитрий I, и законный царь давали своим подчиненным знамена с двуглавыми орлами, а, к примеру, полковой стяг князя Пожарского содержал тот же сюжет, что и одно из знамен гетмана Сапеги («Иисус Навин на коленях перед архангелом Михаилом»). Столкнувшись с такой проблемой в первых же боях, Лжедмитрий I накануне битвы при Добрыничах (1605) приказал своим всадникам из числа «москвитян» надеть поверх доспехов белые рубахи, для отличия от бойцов Годунова⁹. Однако такое свидетельство о боевом внешнем знаке отличия является единственным для всей эпохи Смуты.

Гораздо более распространенным в то время на Руси являлось отличие по звуковому сигналу – «ясаку»¹⁰, характерному для всего войска или отдельных его частей. В целом ясак – это система звуковых (как правило) сигналов, служащих для передачи каких-либо важных команд и сообщений. Накануне похода воеводы

⁸ Сказание Авраамия Палицына. С. 192.

⁹ Паерле Г. Описание путешествия Ганса Георга Паерле... // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 2. СПб., 1859. С. 164.

¹⁰ Кроме более известного перевода, как «дань» (с татарского языка), слово *jasak* в чагатайском (староузбекском) языке имеет значение «уложение, постановление», а в турецком – даже «запрет» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Изд. 2-е. М., 1987. Т. 4 (Т – Ящур). С. 564).

уговаривались об этих сигналах, отдававшихся посредством набатов и менее крупных барабанов, литавр, труб и сурн (духовой инструмент), а также стрельбой из пищали¹¹. Кроме того, многие сигналы подавались просто голосом. В последнем случае сигнал превращался в своего рода боевой клич, присущий всему войску или отдельным его подразделениям, который и помогал им ориентироваться, где свой, а где враг. Зачастую это было слово, отвечавшее на вопрос «Ты чей?» («Царёв», «Царёв-Государев», «Сергиев»). Таким образом, «ясачный крик», или, в просторечии XVII в., ясак, сочетал в себе свойства пароля и боевого клича, воодушевлявшего ратников. Нечто подобное тогда же существовало и на Западе – под обозначением «полевое (то есть боевое) слово».

Естественно, подобная система держалась в глубокой тайне, чтобы враг не смог подать ложный сигнал. Поэтому и уточнение ее происходило перед самым выступлением в поход, а ясачный крик, как и «полевое слово» на Западе, зачастую выбирали прямо накануне боя¹². Понятно, что к столь заветному слову, с которым воин шел на смерть, и отношение было трепетным – по этой же причине и историкам ясаки почти неизвестны. Однако по мере долгого употребления ясак, становясь известным противнику, мог превратиться в грозное предупреждение об атаке уже знакомого ему отряда и стать даже средством морального давления, воодушевляя своих и внося робость в сердца чужих воинов¹³.

Вероятно, обычным кличем царского войска был «Царёв!». Но в Смуту обе стороны воевали за царя – только за своего. Возможно, в связи с этим в битве при Добрыничах русские всадники царя Бориса предпочли кричать «полевое слово» служилых немцев своего войска – «Hilf Gott!»¹⁴. Когда под Кромами служилые люди подняли

¹¹ Флетчер Д. О государстве Русском или образ правления русского царя. С. 68–69; Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2 (1635–1659). С. 422–423 (Роспись ясакам Государева полка 1655 г.).

¹² Так, в 1501 г. московские полки из Пскова ушли в поход на ливонцев тайно, не взяв с собой псковичей, и перед самым выступлением «изьясачились» – условились о боевых сигналах (Псковские летописи / Ред. А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 86).

¹³ Подобный случай произошел в 1664 г., когда горсть стрельцов сорвала ночной штурм литовцами крепости Невль, закричав у них в тылу «розных полков ясаками» армии князя И. А. Хованского (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 271).

¹⁴ Буссов К. Московская хроника 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 102, 227; Бер М. Летопись Московская с 1584 года по 1612 // Сказание современников о Димитрии самозванце. СПб., 1859. Ч. 1. С. 40.

мятеж против царя Федора Годунова (7 мая 1605 г.), они стали восклицать «Да здравствует царь Дмитрий!». Мечась по лагерю, заговорщики собирались с возгласами «Да хранит Бог Дмитрия!», а их противники: «Да хранит Бог нашего Федора Борисовича!», или же просто: «Федор!» и «Дмитрий!»¹⁵. Имя «своего» царя становилось ясаком, боевым кличем в гражданской войне.

Особым образом эта проблема была решена при обороне Троице-Сергиева монастыря (1608–1610). Готовясь к решающей вылазке на лагерь «тушинцев», защитники условились взять за ясак «Сергиево имя» – называть себя по принадлежности к святому покровителю монастыря (ноябрь 1608 г.)¹⁶. Вылазка оказалась успешной, и пароль для ночного боя превратился в религиозный символ борьбы со лжецарями, которых церковные власти приравнивали к антихристам. После знаменитой обороны Троицы даже простые путники, назвавшие себя «Сергиевыми», пропускались по дорогам разбойными шайками невозбранно¹⁷. А на второй день московской битвы с Ходкевичем (1612) клич «Сергиев!» стал сигналом для общей атаки войск Первого и Второго ополчений – и дворянских сотен, и казачьих станиц – бывших «тушинцев», некогда осаждавших Троицу¹⁸. Случай этот стал широко известен на Руси по печатным книгам 1640-х гг., и ясак вновь зазвучал в походах царского войска 1650–1670-х гг.¹⁹

5.2. Действия «земских ополчений» на севере России

С признанием власти Лжедмитрия II в Верхнем Поволжье и в ряде других, более северных городов, гражданская война разразилась и здесь. Прежде, в 1604–1607 гг., участие посадских

¹⁵ По свидетельству Исаака Массы (О начале войн и смут в Московии. С. 86–87).

¹⁶ Сказание Авраамия Палицына. С. 152.

¹⁷ *Наседка И.* Житие и подвиги преподобного отца нашего архимандрита Дионисия. С. 11; *Скворцов Д. И.* Дионисий Зобнинский, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря (ныне Лавры). Тверь, 1890. С. 65.

¹⁸ *Азарьин С.* Книга о чудесах преподобного Сергия. СПб., 1888. С. 38, 39.

¹⁹ *Курбатов О. А.* «Не надейтесь на кесари, на сыны человеческия, в них же несть спасения» (Пс. 145): «Наука побеждать» Царя Алексея Михайловича // www.sedmitza.ru (публикация на сайте «Седмица» 1 февраля 2004 года); *Гордон П.* Дневник 1677–1678 / Патрик Гордон; пер. ст., примеч. Д. Г. Федосова; отв. ред. М. Р. Рыженков. М., 2005. С. 216, 217 (Прим. № 216).

и крестьянских «миров» этой области в борьбе с самозванцами выражалось в систематическом сборе и посылке в армию «посошных людей», использовавшихся для инженерных работ, а также небольших отрядов местных стрельцов и «охочих людей». Эти-то «земские рати», совершенно не предназначенные для участия в боях, но сильные своей крестьянской спайкой, и начали первыми очищать родную землю от «воров».

Восстанию предшествовала долгая переписка посадских «миров» между собой, в которой они обменивались информацией, сообщали о своей позиции и советовались или убеждали в своей правоте соседей. Первой в конце ноября сбросила власть «тушинцев» Вологда, а следом сильная галичская рать (даточные, дети боярские и двинские стрельцы) освободила Кострому и двинулась на Ярославль²⁰. Сапега оперативно отреагировал на столь болезненные для Лжедмитрия потери и послал на север полковника Лисовского с казаками, а также польские роты. Благодаря измене детей боярских галичская рать была рассеяна на подходе к Ярославлю²¹, после чего Лисовский вернул Кострому, а в начале января 1609 г. – и Галич. Одновременно «земская рать» жителей Устюжны Железнопольской и Белоозера (до 1 тыс. человек) выдвинулась против другого польского отряда. Не послушав московского воеводу, А. П. Ртищева, устюжане вступили в полевой бой с конницей противника при деревне Батнеевке (5 января 1609 г.) и были «посечены, как трава» – спастись удалось немногим²².

Поражения только заставили «черных людей» удвоить усилия по борьбе с общим врагом. Вологжане, ратные люди с Вычегды, Выми, Сысолы, Вятки, Камы, из Поморья, галичские и костромские «остальцы» преградили дальнейшие пути на север засеками и заставами, укрепили стены Вологды. Устюженцы всего за месяц соорудили острог вокруг своего неукрепленного города, наковали пушек и ядер, а Скопин-Шуйский прислал им из Новгорода порох и 100 ратников. Это позволило им отбить жестокие приступы «тушинцев» полковника Казаковского, атаковавших город 3 и 8 февраля. В конце концов последним пришлось уйти – как и Лисовскому, отозванному Сапегой под Владимир.

²⁰ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 440–447.

²¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 303.

²² Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 798.

9 февраля в Вологду прибыли каргопольская и белозерская рати с присланными от Скопина-Шуйского воеводами. Объединенные рати, следуя буквально по пятам за Лисовским, вновь отбили Кострому, 3 марта взяли Романов, а 8 апреля – богатый Ярославль. Лисовский вернулся в апреле, весь май безуспешно осаждал Ярославль²³, затем бросился на Кострому, сея везде страшные опустошения, но был отбит отовсюду²⁴. Присоединение земских ратей к войску М. В. Скопина-Шуйского победоносно завершило первое национально-освободительное восстание Смутного времени.

Экскурс 7.

Организация ратных людей из уездов Русского Севера

Традиционной военной обязанностью населения посадков и обширных уездов Поморья и Верхнего Поволжья являлась так называемая «посошная служба»²⁵: поставка вспомогательных сил для военных перевозок, осадных и иных инженерных работ. «Посошная рать», будучи довольно многочисленной, к началу XVII в. уже не предназначалась для участия в боях и обычно не имела оружия. Такими нашли посошных из-под Тихвина и из заонежских погостов шведы (в марте 1609 г.): на их взгляд, они были более пригодны «действовать плугом, чем носить пику, и в большинстве безоружны»²⁶.

Другой древней традицией была ратная служба «даточных людей» этих же уездов; впрочем, если в конце XV в. московские великие князья регулярно прибегали к их сбору, то через столетие подобная повинность почти прекратилась. Лишь с началом восстания против власти Лжедмитрия II (ноябрь–декабрь 1608 г.) характер «посошных» ратей городов Русского Севера и Верхнего Поволжья вновь обрел черты вооруженного ополчения. Земцы выступали теперь «со всем ратным оружием», и, судя по требуемым припасам (по 50 пудов «зелья пищального» и свинцу из одного Устюга), были

²³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 2: 1598–1613 / Ред. Н. Г. Устрялов. С. 208, 215, 220–225, 228–230.

²⁴ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 464–473.

²⁵ От «сохи» – единицы налогообложения, с которой, в частности, выставялось обусловленное число людей с подводами, шанцевым инструментом и, иногда, оружием.

²⁶ Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. М., 2000. С. 52.

поголовно обеспечены ручными пищалями и даже имели пушки. Теперь норму набора определял не государев указ, а городской совет из воеводы и выборных представителей посадских и крестьянских «миров», причем она менялась от «рати» к «рати». Так, самый активный Устюг выслал четыре посошных рати с ноября 1608 по январь 1609 г., с нормами сбора то в 5, то в 10 человек с «сошки» (всего в уезде около 180 сошек)²⁷, пятую в апреле «в 500 человек», а вместо шестой (в мае 1609 г.) – «приговорили всем миром» взять, «для поспешенья», из таможи 300 рублей, на которые «прибирати охочих вольных казаков, и денег им давати на оружие по рублю человеку». Для подмоги им собирали подводы, корма, «наемные деньги», которые посылались ежемесячно. Каждая рать, или «сила», состояла из сотен под началом голов, выбранных из «лутчих людей» – кроме посадских, это были подьячие, дети боярские и даже «вдовый поп». Сотни, в свою очередь, делились на десятки во главе с «десятскими». Всего ополчения выставили около 20 уездов, от нескольких сот (Пермь Великая) до нескольких тысяч человек в каждом, не считая «охочих людей», наемных отрядов «лутчих людей», сибирских казаков и «черемисы»²⁸.

Героическая борьба северных ополчений стала новой вехой в истории русского военного дела: впервые против профессиональных конных бойцов – польских шляхтичей, тушинских казаков и детей боярских – повели борьбу простые «мужики» из совершенно мирных областей государства. В открытом поле у них не было шансов победить, и основными тактическими приемами стала оборона в городах, полевых укреплениях, на заставах и на засеках, которые сооружались даже вокруг осажденных ополчением мест.

²⁷ Веселовский С. П. Сошное письмо. М., 1915. Т. 1. С. 66, 68, 200.

²⁸ Данные приводятся на основе анализа переписки городских советов в 1608–1609 гг., опубликованных: ААЭ. Т. 2. 1598–1613. СПб., 1836. С. 183–235.

Глава 6 ПОХОДЫ ЦАРСКОЙ АРМИИ ПРОТИВ «ТУШИНСКИХ» ВОЙСК (1608–1610)

6.1. Русско-шведский военный союз и начало похода князя М. В. Скопина-Шуйского (1608–1609)

1608 г., ноябрь – предварительное соглашение в Новгороде о найме шведского 5-тысячного контингента между Скопиным-Шуйским и шведским главнокомандующим в Лифляндии гр. Й. Ф. Мансфельдом.

Середина ноября – «тушинский» полковник Я. Кернозицкий, заняв Тверь и Торжок, осадил с 2-тысячным отрядом Новгород.

3–10 декабря – попытка псковской рати Ф. Плещеева, сторонников Самозванца, захватить изменой Новгород.

21 декабря – победа новгородцев и земских ратей Вологды, Белоозера и др. над «тушинцами» при Усть-реке.

1609 г., 11 января – снятие осады Новгорода при известии о подходе тихвинских ратников Степана Горихвостова и заонежских – Евсея Рязанова; Я. Кернозицкий отступает к Старой Руссе.

28 февраля – Выборгский договор о предоставлении правительству царя Василия шведской военной помощи в обмен на уступку г. Корелы с уездом, а также ратификации российской стороной Тявзинского мира.

Март – 8 мая – неудачная осада Порхова отрядом из войск Кернозицкого.

5 марта – Я. П. Делагарди прибывает в Выборг и принимает командование над шведским вспомогательным корпусом.

14–15 апреля – войско Делагарди подходит к Новгороду и соединяется с ратью Скопина-Шуйского.

15 мая – бой при селе Каменка (под Старой Руссой); «тушинцы» Кернозицкого наголову разбиты отрядами Ф. Чулкова и Э. Горна.

17 июня – сражение под Торжком; Э. Горн отбивает нападение войск А. Зборовского.

4 июля – прибытие в Торжок смоленской рати, взявшей по пути Дорогобуж и Вязьму.

10–13 июля – битва под Тверью.

5 августа – бунт в войске Делгарди и его уход к Торжку и далее; отряд ротмистра Х. Сомме присоединяется в Калязине монастыре к Скопину и начинает обучение его рати по «нидерландскому образцу».

18–19 августа – бой под Калязиным монастырем; русско-шведское войско отражает атаки «тушинцев».

В условиях, когда бои под Москвой не могли принести успеха ни одной из сторон, Шуйскому стало ясно, что изменить ситуацию может только надежная помощь извне. Единственное действующее вне столицы войско – полки боярина Ф. И. Шереметева – было недостаточно сильным и к тому же находилось слишком далеко (под Царицыном). Тогда пришлось обратиться к Швеции, король которой еще с 1604 г. безуспешно предлагал услуги своих войск для подавления Смуты – конечно, в обмен на территорию.

Для «сбора с немецкими людьми» выехал в Новгород ближний родственник царя князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Несмотря на свой юный возраст – всего 21 год, он успел отличиться в качестве полководца в боях с войсками И. Пашкова и Лжепетра. Летом 1608 г. он – уже воевода Большого полка. Теперь этому полководцу суждено было стать общей надеждой россиян – противников самозванца – на избавление от Смуты.

Однако вначале известие о приглашении «немецких людей» для спасения Шуйского в обмен на уступку Швеции православных земель вызвало бурю возмущения на северо-западе России, что выразилось в немедленном признании власти «Дмитрия Иоанновича» жителями Пскова (2 сентября 1608 г.) и ряда его пригородов, а также Ивангорода¹. Волнения в самом Новгороде даже заставили Скопина скрыться из города, но здесь сторонники Шуйского вскоре победили.

Первые несколько месяцев не дали особых результатов по сбору рати – разоренные и деморализованные дети боярские не спешили съезжаться в Новгород. Зато успех был достигнут в отношении «немецких людей». Уже в ноябре воевода заключил предварительный договор о найме 5-тысячного отряда с графом Й. Ф. Мансфельдом, возглавлявшим тогда шведские войска в Лифляндии². Долгие переговоры в Выборге стольника С. В. Го-

¹ Рабинович Я. Н. Малые города северо-запада России в Смутное время: Дис. на соиск. уч. степ. кан. ист. наук. Саратов, 2010. С. 59.

² Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 42, 46.

ловина и дьяка С. Васильева завершились подписанием союзного договора со Швецией. В обмен на поэтапную уступку (по мере прибытия союзного контингента) города Корелы с уездом, отказ царя от наследственных прав на Ливонию и фактическую ратификацию Тязвинского договора 1595 г., король направлял в помощь Василию Иоанновичу 3 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы, не считая наемных людей, «сколько возможно»³.

К этому времени корпус уже был фактически сформирован и назначен его командующий – граф Якоб Понтус Делагарди (по-русски «Яков Пунтусов»). Большую часть наемного войска составили солдаты, набор которых стал возможен благодаря перемирию, заключенному в 1606–1609 гг. между Нидерландами и Испанией⁴. В дальнюю Московию отправились наемники образцовой для того времени армии Европы, армии нового типа. Среди них были (кроме шведов и финнов) – французы, шотландцы, бельгийцы, немцы, голландцы и т.д. Сам Якоб «провел пять лет военнопленным в Польше, а потом доказал на деле свою доблесть князю Морицу Нассаускому» – то есть также прошел военную школу в Нидерландах. Для оплаты наемников договор устанавливал фантастическую сумму – 100 тыс. рублей в месяц, так что те формально всегда имели право уйти из России.

Само известие о найме такого войска повлекло серьезные политические и моральные последствия и для внешней, и для внутренней ситуации в России. Царь Василий мастерски использовал успех переговоров со шведами для моральной поддержки своих сторонников как в Москве, так и за ее пределами; в грамотах в города численность вспомогательных войск раздувалась до 15 643 человек (к маю 1609 г.)⁵. Впрочем, сами поляки не питали особых иллюзий в отношении реальной численности наемников.

³ В реальности, по словам полковника Пьера Делавиля, в Россию вступило еще меньше – всего 4 тыс. человек (*Делаویل де Ломбаль П.* Краткое рассуждение о том, что произошло в Московии со времени царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского // *Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов.* Саратов, 2008. С. 131, 132).

⁴ *Ten Raa F. J. H. en De Bas F.* Het staatsche leger 1568–1795. Deel II (1588–1609). Breda, 1918. В. 86, 87, 197, 198, 366–369; подробнее: *Курбатов О. А.* Наемный корпус Делагарди на службе царя Василия Шуйского: Опыт внедрения нидерландской военной системы в России в начале XVII века // *Цейхгауз.* 2002. № 19 (3/2002). С. 4–6.

⁵ ААЭ. Т. 2. С. 219, 226.

Гетман Ружинский из Тушина отправил в Новгородскую землю 2-тысячный отряд запорожцев полковника Я. Кернозицкого, который в середине ноября подошел к Новгороду и заставил Скопина «сесть в осаду». Здесь повторилась история северных ополчений: многие дети боярские сочли более выгодным «отъехать» в «воровской» стан, либо спасая свои поместья, либо сводя счеты с соседями-дворянами. Так, посланный Скопиным-Шуйским для защиты Старой Руссы отряд ивангородских казаков с головой Г. Н. Муравьевым осенью 1608 г. изменил и соединился с псковичами – «отъехал к вором на Мшагу». В декабре он с Федором Плещеевым из Пскова осаждал Новгород и собирался приступить к нему, в надежде на измену защитников⁶; войско этих повстанцев включало в себя, кроме ивангородских казаков, до 500 человек псковских помещиков и стрельцов из Копорья и Ям, а также некоторое число «подымных мужиков» (даточных крестьян) этих уездов.

В начале 1609 г. в село Грузино подошли на выручку Новгорода другие «уездные мужики»: крестьяне из-под Тихвина (1000 человек) и из заонежских погостов. Литовцы захватили пленных из этой рати и стали пытать их о численности подкреплений: «Они же люди простые, не знали счета, и сказали Кернозицкому, что пришло на Грузино ратных людей множество, а за ними идет большая сила»⁷. Известие вызвало снятие осады и отступление «тушинцев» (11 января 1609 г.). Соотношение сил изменилось, и власть Василия вновь признали Ладога, Орехов, Корела и Ивангород.

Кроме новгородских служилых людей и упомянутых «мужиков», Скопин-Шуйский имел у себя и несколько отрядов «вольных казаков» – в первую очередь, «прибор» атамана Тимофея Шарова. Будучи извещен о скором подходе «немецких людей», князь уже в январе отослал значительную часть своих ополченцев на помощь Вологде и Устюжне, так что у него осталось только 1200 человек.

Наконец, в середине апреля под Новгородом произошло соединение войск Скопина-Шуйского (около 1200 человек) и Деллагарди (до 5 тыс. человек), после чего начался поход. В авангарде «немцами» командовал ротмистр Эверт Горн, а русскими – сотенный голова Ф. Д. Чулков; при этом, согласно условиям договора, формальное главенство сохранял русский военачальник. Через ме-

⁶ О готовности открыть ворота в случае приступа сообщил Ф. Плещееву кн. Иван Кропоткин (АСЗ. Т. IV. М., 2008. С. 459–461 (№ 543)).

⁷ Новый летописец. С. 328.

сяц эти передовые войска освободили Старую Руссу, разгромили «тушинцев» Кернозицкого и «привели ко кресту» царю Василию Торопец и Торжок. Приближение столь внушительной силы заставило отложиться от самозванца помещиков и посадских людей Невеля, Старицы, Ржева, Зубцова и Холма⁸.

Станы «тушинцев» пришли в движение: воевода кн. Г. П. Шаховской и полковник Александр Зборовский с отрядом копейщиков (3–4 тыс. человек) немедленно выступили навстречу Скопину, атаковали Торжок, но были отбиты 2-тысячным передовым отрядом. Узнав о реальной численности противника, Зборовский отступил и укрепился в Твери, куда со всех сторон стали стекаться польские хорунги, так что войско увеличилось до 5 тыс. человек. К Скопину тоже подошло сильное подкрепление: 3 тыс. дворян, детей боярских и стрельцов из Смоленска во главе с кн. Я. П. Борятинским, которые по пути взяли Вязьму и Дорогобуж и присоединили к себе служилых людей этих уездов. Войско наконец разделили на традиционные полки – Большой (Скопин и Делагарди), Передовой (С. В. Головин и «немецкий ротмистр») и Сторожевой (кн. Я. П. Борятинский и «немецкий ротмистр»). Устроив войска, кн. Михаил выступил к Твери, переправившись через Волгу выше города.

6.1.1. Битва под Тверью

Разыгравшаяся на берегах Волги битва началась достаточно необычно для войн Смутного времени – обе стороны заранее построились в боевой порядок и чинно сблизились. Центр союзного войска, по нидерландскому обычаю, составили батальоны шведской и наемной пехоты; левое, ближнее к берегу крыло заняла французская конница, а правое – сам Делагарди с финскими кавалеристами⁹. Русские разместились на флангах и во второй линии. Зборовский имел втрое меньше людей, но это были в основном отборные войска: при подобном же соотношении сил гетман Ходкевич громил в Лифляндии шведов в 1604 и 1605 гг.

«За час до свету» передовые союзные части вошли в соприкосновение с вражеской «легкой конницей в панцырях с луками и короткими копьями», а в полумиле от Твери увидели и готовые к

⁸ Новый летописец. С. 333–334.

⁹ Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 70, 71.

бою главные силы «тушинцев». В это время неожиданно хлынул ливень, подмочивший порох в стволах, чем не замедлил воспользоваться Зборовский: «подняв крик», его гусарские и пятигорские хоругви нанесли сильнейший копейный удар по союзным порядкам. Французы первые не выдержали натиска отборной правофланговой конницы и бежали; русская конница тоже подалась назад, смешав резервные наемные отряды; многие воины стали в беспорядке отступать назад под защиту укреплений. Зато пехота, выставив во все стороны длинные пики, осталась неподвижной. Более того, воспользовавшись замешательством отбитых пикинерами «тушинцев», Делагарди с финнами храбро контратаковал «три главных хоругви»: по сведениям Мархоцкого, поляки «бежали с уже выигранной битвы и лишь через несколько миль опомнились и вернулись к войску»¹⁰.

Новый ливень и наступление вечера привели к прекращению битвы, окончившейся, таким образом, вничью. И все же большие потери понесли в этот день союзники: «Из тех, кто покинул позиции, последовал за бегущими, многие были перебиты, а из тех, кто, оставшись на месте, действовал, как подобало, копьями и саблями, никто не был и ранен»¹¹.

Войска разошлись по своим лагерям и весь следующий день, чрезвычайно дождливый, приводили себя в порядок. Поляки уверили себя в своей победе и неосторожно остались в передовых укреплениях у поля битвы. Узнав об этом, Скопин перед рассветом 13 июля вывел союзные части в поле, скрытно подошел к польскому острогу и всеми силами внезапно обрушился на беспечного противника. Не успев построиться, «тушинцы» были смяты и рассеяны, причем часть из них укрылась в Твери, а остальные бежали в главный лагерь. Обоз и потерянные было пушки и знамена стали добычей союзников¹².

Поляки отступили к Дмитрову, однако шведские наемники не получили достаточного удовлетворения в виде добычи; попытка добыть ее путем взятия Твери также не удалась. В лагере Делагарди начался бунт: Ю. Видекинд, рассуждая о его причинах, называет наглость от постоянных успехов, недостаток от добычи, страх перед бедствиями дальнейшего похода и, наконец, «отвращение

¹⁰ Мархоцкий Н. История Московской войны. С. 55.

¹¹ Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 71.

¹² Там же.

к войне из-за того, что до сих пор приходилось часто сражаться с неприятелем». Это загадочное на первый взгляд для воинов утверждение легко понять, если вспомнить о характере войны в Нидерландах: полевые сражения там были невероятной редкостью, а солдаты больше занимались осадными работами, маршами и контрмаршами, муштрой и только редкими стычками. Несколько серьезных битв с лихой и отчаянной восточноевропейской конницей убедили их в опасностях похода в места, «откуда они не смогут воротиться, не получая при том и обещанной платы»¹³. Действительно, власти ни разу не смогли выплатить им установленное жалование. В результате бунта большинство наемников повернуло назад и вообще покинуло пределы России: Делгарди смог остановить на Валдае всего 1200 человек¹⁴.

В этих условиях Скопин-Шуйский, проведая еще и о подходе на помощь к Зборовскому гетмана Сапеги, решился отступить за Волгу. Он двинулся вниз по левому берегу реки к Калязину монастырю, присоединяя к войску уже собранные земские рати северных городов. В итоге соотношение русских и «немецких» воинов в его подчинении совершенно изменилось: на 15 тыс. русских теперь приходился только небольшой отряд Христиера Сомме (300 человек).

Эккурс 8.

«Нидерландская тактика» войск Скопина-Шуйского

С этим последним, из тех старых опытных «ветеранов, давно, еще при короле Юхане, являвших пример доблести»¹⁵, кн. Михаил заключил отдельное соглашение о найме. Около 300 всадников и пехотинцев были нужны Скопину для невиданного доселе дела – обучения непривычных к военному делу, но рвущихся в бой «мушжиков»... нидерландскому способу боя!¹⁶

«У него там ни дня не проходило даром: московитских воинов, имевших хорошее вооружение, но пока необученных и неопытных, он в лагерной обстановке заставлял делать упражнения по бельгийскому способу: учил в походе и в строю соблюдать ряды

¹³ Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 72.

¹⁴ Там же. С. 80, 81.

¹⁵ Там же. С. 43.

¹⁶ Бибиков Г. Н. Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // Изз. Т. 19. М., 1946. С. 3–16.

Пикинер. *Голландский пехотный устав*
Якоба де Гейна 1608 г., гравюра.

на установленных равных расстояниях, направлять, как должно, копыя, действовать мечом, стрелять и беречься выстрелов; показывал, как надо подводить орудия и всходить на вал». Осенью ополченцы стали приходить из своих уездов уже с «надлежащим оружием». Так, «из Ярославля прибыло 1500 человек с хорошим вооружением: пешие имели длинные копыя, а конные – пики, как у поляков». То, что кавалеристы также обучались «немецкой ратной мудрости», можно заключить из рассказа А. Палицына о действиях конного отряда Д. Жеребцова в Троице-Сергиевом монастыре¹⁷. А еще в январе 1609 г. кн. Михаил послал в Устюжну Железнопольскую вместе с подкреплениями и порохом особое наставление о ратном деле. Талант этого полководца раскрывался теперь не на поле боя, а во всех областях организации и обучения войска.

Экскурс 8.1.

Русские пешие копейщики – тикинеры

Вместе с тем о реальном применении новой «немецкой мудрости» известно крайне мало. В боях под Калязином (18 и 19 августа 1609 г.) литовская конница напоролась на «штaketы», а при Александрове слободе (29 ноября) на «надолбы» – видимо, «испанские рогатки», – из-за которых немцы и русские спокойно отбивались¹⁸. Совершенно неясно, в чем заключалась упомянутая в Сказании Авраамия Палицына «немецкая ратная мудрость» воеводы Д. В. Жеребцова, который привел в октябре 1609 г. в Троице-Сергиев монастырь небольшой отряд «с вогненным боем»¹⁹. По крайней мере, по утверждению Авраамия, опыт применения «нового ратного строя» на вылазке из Троицы оказался неудачным²⁰.

Второй пример столь же безрадостен. Через полтора года после описываемых событий, когда к Москве двинулись рати почти всех областей государства, «черные люди» рязанской рати Прокопия Ляпунова в массовом порядке вооружились длинными пиками. Однако

¹⁷ Сказание Авраамия Палицына. С. 192.

¹⁸ Мархоцкий Н. История Московской войны. С. 56, 136; Новый летописец. С. 336.

¹⁹ В июне 1609 г. Д. Жеребцов защищал Кострому и осаждал Ипатьев монастырь, для чего получил в подкрепление от кн. С. И. Гагарина «голов со многими ратными людьми, с вогненным боем» (ААЭ. Т. 2. С. 231).

²⁰ Сказание Авраамия Палицына. С. 190–192.

20 марта 1611 г. на подступах к восставшему и объятому пожаром городу Передовой полк воеводы И. В. Плещеева был атакован польской конницей Струся и отступил, сбросив на поле щиты «гуляй-города» и много сот «копий пехотных немецкого образца»²¹.

Тогда же при сборе земской рати в Ярославле сделали 2 тыс. наконечников «пешим на долгие торчи... а иные делают, потому что преж сего в полках от того конным была защита»²². Это, пожалуй, единственное положительное упоминание об их применении (и последнее для Смутного времени). Отметим предназначение этих пик: защита конных пехотой – именно такой характер приобретало их использование и в шведской рати Делагарди, поскольку никакая конница не выдерживала лобового удара польских гусар. В Восточной Европе не было могучих испанских «терций» и вообще атакующей пиками пехоты, так что длинные пики неизбежно превращались в такую же защиту от кавалерии, как обоз – «гуляй-город», испанские рогатки, засеки и т.п. Однако, в сравнении с вышеперечисленными средствами, «долгие списы» оказались самым неудобным оружием – непривычным, громоздким, требующим особого транспорта (длина ок. 5 м!), тщательного обучения и дополнительного пехотного доспеха. Видимо, все эти трудности и определили малую востребованность подразделений пикинеров в армиях Восточной Европы XVII в. Другое дело – «острожки», нидерландские «блокгаузы», охотно перенятые Скопиным-Шуйским уже летом 1609 г.

Экскурс 8.2.

Тактика «острожков»

Одним из нововведений, которые Мориц Оранский почерпнул из древнеримских военных трактатов и успешно использовал в многолетней войне Нидерландов против испанцев, было регулярное возведение укрепленных лагерей. Высокооплачиваемые солдаты отучались от ложного стыда рыгтя окопов, что почти лишало противника шансов на победу: полевые сражения стали редкостью. Постройкой цепи небольших «блокгаузов» с мобильными отрядами внутри можно было надежно блокировать крепость или лагерь противника, прервав подвоз запасов и проход подкреплений. Для России, где войска располагали многочисленной рабочей силой в виде «посохи», отсут-

²¹ Бибиков Г. Н. Опыт военной реформы 1609–1610 гг. С. 10.

²² ААЭ. Т. 2. С. 322.

Мушкетер. Голландский пехотный устав
Якоба де Гейна 1608 г., гравюра.

ствовали традиции наемничества, зато жил давний обычай устройства полевых укреплений – обозов, тактика «блокгаузов» стала настоящей находкой: «удачным фортелем» Скопина-Шуйского назвал ее польский гетман Жолкевский. Подобно Оранскому, кн. Михаил «отличался осторожностью в планах, отлично умел укреплять лагерь и строить перед ним частоколы из острых кольев, которых для этого он возил с собой 2 тысячи»²³. «Этот Скопин, где только ему придется сражаться, везде строит, как нидерландцы, крепости», – писал другой польский автор²⁴: тактика блокгаузов-«острожков» стала настоящей «визитной карточкой» его армии и, в отличие от пикинеров-«посошных», надолго пережила своего русского основателя. Маленькие крепости блокировали «тушинцев» под Троицей, Дмитровом и Царевым Займищем в 1610 г., выходы из Кремля и Китай-города в 1611–1612 гг., подходы к осажденному Смоленску и дороги в Новгородской земле в 1613–1617 гг.

Эккурс 9.

«Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» дьяка Онисима Михайлова

Выражением практического интереса к «различным ратным хитростям в воинских делах», которые «изрядными и мудрыми и искусными людьми в розных странах строятся», стало поручение в 1606 г. царем Василием «пушкарских дел мастеру» и известному книгопечатнику Анисиму Михайловичу Родишевскому²⁵ написать книгу-компиляцию из всех доступных европейских военных трактатов того времени. Из этого поистине титанического труда явствует, что приоритетными для заимствования выделились вопросы пушкарского дела (более 500 статей из 663)²⁶ и устройства обоза, а уж

²³ Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 94.

²⁴ Цит. по: Каргалов В. В. Полководцы XVII века. М., 1994. С. 85.

²⁵ Подробности биографии и творчества см.: Сазонова Л. И., Гусева А. Н. Радишевский Анисим Михайлов // ТОДРЛ. Т. 45. СПб., 1994. С. 107–110; В. Д. Назаров высказал мнение, что поручение А. М. Родишевскому мог дать еще Лжедмитрий I в том же 1606 г., когда готовился к походу на Азов (Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М., 1969. С. 217).

²⁶ Устав до настоящего времени издавался всего один раз: Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1777–1781; подробный обзор содержания см.: Разин Е. А. История военного искусства. СПб., 1994. Т. 3. С. 267–274.

затем мало относящиеся к русским реалиям сведения об административном устройстве, построении войск и ведении полевого боя. Заказчик так и не увидел желанной книги, работу над которой дьяк, пройдя сквозь горнило русской Смуты, завершил только в 1621 г.

6.2. Боевые действия «низовой рати» боярина Ф. И. Шереметева в 1606–1610 гг.

1608 г., сентябрь – выступление Шереметева из Царицына на помощь царю Василию.

Ноябрь – прибывает в Казань, ведя бои с «тушинцами», и соединяется с присланным из Москвы отрядом боярина кн. И. В. Голицына.

1 декабря – крупный отряд из его войск пробивается в Нижний Новгород.

22 декабря – бой под Чебоксарами; победа над местными «тушинцами».

1608 г., декабрь – 1609 г., весна – Шереметев зимует в Чебоксарах, очищая округу от «тушинцев».

1609 г., конец мая – прибывает в Нижний Новгород.

28 июня – бой под Юрьевцом-Повольским; отряд из войск Шереметева (голова М. И. Соловцов) настигает на стругах и «берегом» отряд «тушинцев» И. Ф. Наумова и А. Лисовского, только что захвативший Юрьевец, и громит его при переправе через Волгу.

Начало августа – войско Шереметева овладевает Касимовом и приводит касимовских татар «к шерти» на имя царя Василия.

7 сентября – бой под Суздалем; достигнув Владимира, Шереметев пытается отбить Суздаль, но терпит поражение от А. Лисовского.

11 ноября – «низовая рать» Ф. И. Шереметева прибывает из Владимира в Александрову слободу и соединяется с войсками кн. М. В. Скопина-Шуйского.

1609 г., ноябрь – 1610 г., март – совместные действия обеих ратей по освобождению Москвы от осады «тушинцев».

«Низовой рати» боярина Ф. И. Шереметева, отправленной в далекий поход еще «царем Дмитрием Ивановичем» (Лжедмитрием I), пришлось вынести много бедствий и лишений²⁷. Под восставшей Астраханью ратники «сидели в осаде» целый год на острове Балчик (Балчуг); затем, двинувшись на помощь царю Василию, проходили «огнем и мечем» по местам, охваченным восстанием «инородцев», и боролись с местными сторонниками самозванца. Тем не менее боевые части этого войска уже в конце 1608 г. сумели подать помощь нижегородской рати воеводы А. С.

²⁷ Антонов А. В. К начальной истории Нижегородского ополчения. С. 196–240.

Алябьева. Достигнув Нижнего Новгорода, обстоятельный Шереметев не торопился к Москве: он разбил отряды Лисовского под Юрьевцом-Повольским, затем овладел Касимовом, усмирив касимовских татар, и, наконец, прибыл во Владимир, еще весной освобожденный нижегородцами. Правда, его попытка взять Суздаль, где засел Лисовский, окончилась серьезным поражением с потерей до 300 человек²⁸: сил для борьбы с главными тушинскими силами ему явно не хватало. Согласно данным гетмана П. Сапеги, в распоряжении Шереметева в июне 1609 г. имелось всего 3 тыс. стрельцов и 500 башкир²⁹. Тем не менее приход этого опытного войска, преданного царю Василию, серьезно изменил военно-политическую ситуацию в пользу последнего.

6.3. Борьба нижегородских ратных и посадских людей против сторонников самозванцев в 1606–1610 гг.

1606 г., август – середина декабря – осада Нижнего Новгорода сторонниками «Дмитрия Ивановича»; снята после поражения Болотникова под Москвой.

1608 г., 2 декабря – бой под Нижним Новгородом с «тушинцами» из Балахны и Суздаля; воевода А. С. Алябьев с помощью подкреплений от Ф. И. Шереметева разгромил их и взял Балахну.

5 декабря – новый разгром «тушинцев» под Нижним.

1609 г., 7 января – разгром «тушинского» воеводы кн. С. Вяземского; поход Алябьева на Муром и начало его осады.

18 марта – в Муроме в результате восстания власть переходит к сторонникам царя Василия, и город сдался.

27 марта – при приближении войск нижегородцев к Владимиру горожане свергли власть Лжедмитрия II и открыли ворота.

1610 г., апрель–май – осада Нижнего Новгорода «тушинцами» кн. Ф. Ф. Троекурова и др.; снята в результате вылазки.

Середина июня – взятие Арзамаса объединенной ратью нижегородцев (кн. А. М. Львова) и кн. В. Ф. Мосальского.

Нижний Новгород являлся одним из самых населенных и богатых городов Поволжья, с многолюдным посадом и обширными торговыми связями. В отличие от приграничных городов-крепостей в Смутное время здесь посад доминировал в общественной жизни над служилыми людьми: в Нижнем находился всего один

²⁸ Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 85.

²⁹ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 493.

приказ стрельцов, и с XVI в. проживало около 200 служилых иноземцев (в том числе около 40 поместных). Служилый «город» не имел в своем составе знатных людей, родственно связанных с московскими чинами, и был значительно ослаблен в плане численности потерями в Шамхальском походе 1604 г. (там погибло 17 человек), а затем посылкой отряда в Астрахань в составе армии Ф. И. Шереметева (1606)³⁰.

Впервые боевые действия в крае начались на исходе лета 1606 г., когда воззвания Болотникова вдохновили верхушку местного дворянства выступить против Шуйского³¹. Выборные дворяне Иван и Матвей Доможировы и кн. Иван Болховской возглавили отряды нижегородского, арзамасского и муромского дворянства, которые в соединении с мордвой, черемисами и русскими холопами и крестьянами осадили Нижний Новгород. Осада продолжалась до поражения Болотникова под Москвой и прекратилась с переходом Муром, Арзамаса, Свияжска на сторону царя Василия. Нижегородские помещики покинули стан самозванца и приняли участие в боях с повстанцами в 1607–1608 гг.

С началом осады Москвы Лжедмитрием II в Нижнем образовался свой совет в составе архимандрита Печерского монастыря и прочих духовных властей, воевод, представителей посадских и служилых людей. Они единодушно согласились «помереть» за крестное целование царю Василию и выступили против «тушинцев» – хотя часть служилых людей со временем оказалась в стане самозванца. Главой нижегородской рати назначили второго воеводу Андрея Семеновича Алябьева, который приступил к активным действиям с подходом подкреплений от Ф. И. Шереметева (из Казани). В двух сражениях в декабре 1608 г. он разгромил отряды местных повстанцев, привел к покорности окрестности, а затем отразил нападение отряда кн. С. Вяземского, подошедшего с «ворами» из самого Тушина. Так Нижний стал основным центром со-

³⁰ Анализ населения и общественных сил Нижнего Новгорода см.: Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 5–30.

³¹ О боевых действиях нижегородцев в Смуту 1606–1610 гг.: Антонов А. В. К начальной истории Нижегородского ополчения // РД. Вып. 6. М., 2000. С. 196–240; Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 31–46.

противления «тушинцам» в этом регионе; успехами своих, относительно немногочисленных, сил Алябьев вызвал переход на сторону Шуйского Муром и Владимира, однако угроза со стороны мятежников не была ликвидирована. Уже в 1610 г. Нижний вновь был подвергнут осаде; освободившись от нее, ратные люди взяли Арзамас – важный оплот повстанцев в крае – и срочно двинулись на помощь царю Василию после Клушинской битвы. Таким образом, еще до начала деятельности Козьмы Минина в 1611 г. Нижний Новгород со своим политически активным посадом стал играть видную роль в земском освободительном движении.

6.4. Поход войск кн. Скопина-Шуйского к Александровой слободе и снятие осады Москвы (1609–1610)

6 сентября – отряд из войск кн. Скопина-Шуйского освобождает Переславль-Залесский.

26 сентября – прибытие войск Делагарди в Калязин.

6 октября – вступление русско-шведского войска в Переславль.

11 ноября – присоединение «низовой рати» боярина Ф. И. Шереметева к войскам Скопина-Шуйского; подход подкреплений из Ярославля.

19–20 ноября – вступление войска в Александрову слободу, освобожденную авангардом еще около 9-го числа.

29 ноября – сражение под Александровой слободой; отражение атак объединенных сил «тушинцев».

1610 г., 12 января – «тушинцы» Сапеги отступают от Троице-Сергиева монастыря к Дмитрову в результате блокады их отрядами из войск Скопина-Шуйского и Делагарди.

11 февраля – сражение под Дмитровом; Сапега разбит под городом и загнан в крепость; приступ к острогу «тушинцев» отбит, но вскоре они вынуждены отступить к Волоку-Ламскому.

Ночь с 6 на 7 марта – Тушинский лагерь сожжен при приближении отрядов Скопина-Шуйского; часть «тушинцев» уходит к Волоку-Ламскому навстречу войскам короля, а другая часть – в Калугу к Лжедмитрию.

12 марта – торжественное вступление в Москву объединенной русско-шведской рати.

Уже после битвы под Торжком «произошла большая перемена в умах»³². Решающий же перелом начался, видимо, в конце августа – начале сентября, после поражения главных сил гетмана

³² Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 65.

Сапеги под Калязиним монастырем. В начале сентября авангард Скопина освободил Переславль. В конце сентября в Калязин наконец вернулся и Яков Пунтусов с остатками своей рати – менее тысячи человек (к январю подкрепления увеличили ее до 2230 человек)³³. После этого Скопин вступил в Переславль, где дождался «низовых ратников» Ф. И. Шереметева. Тем временем один его передовой отряд – Д. Жеребцова – усилил гарнизон Троицы, а другой – С. Головина и Х. Сомме (с 300 шведов) – занял Александрову слободу, куда вскоре выдвинулись и главные союзные силы. Этим маневром они отрезали Сапегу, осаждавшего Троице-Сергиев монастырь, от Лисовского в Суздале; блокада Москвы была прорвана, и в столицу немедленно пошли избыточные обозы с хлебом из волжских городов. Отсюда понятна ярость «тушинцев» Сапеги и Ружинского, атаковавших Скопина 29 ноября. Вновь натолкнувшись на полевые укрепления, они понесли серьезные потери и были вынуждены отступить ни с чем – «и с того времени охватил все польские и литовские полки страх и ужас».

Психологический перелом произошел в обоих противостоящих лагерях под Москвой: столицу охватило ликование по поводу побед кн. Михаила и при виде хлебных обозов, а Тушино погрузилось в уныние, в нем начались ссоры и разброд. В этот момент очередное посольство от польского короля предложило тушинским полякам перейти в его войско, осаждавшее Смоленск, – самозванца послы даже не поприветствовали. Испугавшись выдачи и измены своих сторонников, «Дмитрий» бежал в Калугу в ночь на 27 декабря 1609 г. Тушинский лагерь доживал свои последние дни.

Тем временем Скопин, следуя избранной тактике постепенного обложения противника, вынудил Сапегу отступить из-под Троицы в Дмитров, а затем окружил его «острожками» и в этом городе. Отряды конницы, а также русских и финских лыжников перерезали дороги, нападали на фуражиров и занимали небольшие селения; отдельные полки атаковали Ростов и Кашин (и далее Ржев, Старицу и Белую). Везде с полками русских воевод шли роты наемников. Поляк Н. Мархоцкий, пробираясь к Дмитрову по глубокому снегу, скрывался от разъездов французской конницы и отрядов финских и русских лыжников³⁴ – переворачивалась еще одна страница русского Апокалипсиса!

³³ Там же. С. 82, 83, 93, 94.

³⁴ *Мархоцкий Н.* История Московской войны. С. 63.

Последняя крупная битва с тушинцами – под Дмитровом – закончилась очередным поражением войск Сапеги³⁵. Не имея больше ни сил, ни морального духа для продолжения борьбы, гетман отвел остатки своих полков к Волоку-Ламскому, куда в ночь на 7 марта 1610 г., запалив лагерь в Тушине, ушли и части Ружинского³⁶. В Волоке поляки и казаки разделились: верные Дмитрию двинулись с Сапегой в сторону Калуги, а решившиеся присоединиться к польскому королю остались частью в Иосифо-Волоколамском монастыре («Осипове»), а в большинстве своем со Зборовским ушли к Вязьме. 12 марта 1610 г. князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский и граф Якоб Делагарди вступили в столицу, триумфально завершив свой освободительный поход. Теперь предстояла встреча с еще одним, не менее грозным противником – польско-литовским войском короля Сигизмунда, уже полгода деятельно осаждавшим Смоленск.

³⁵ Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 95, 96.

³⁶ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 512–520.

Глава 7
НАЧАЛО ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ
В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ
(1609–1611)

7.1. Начало русско-польской войны 1609–1618 гг.

Возможность открыто вмешаться в дела охваченной гражданской войной «Московии» стала обсуждаться в Польше на государственном уровне в 1606–1608 гг. Известия о непопулярности царя Василия, о слабости русского войска и его поражениях от повстанцев, а затем польских наемных отрядов укрепили мнение правящих кругов Речи Посполитой, что настал удобный момент для интервенции под предлогом «прекращения кровопролития» и Смуты. Этому способствовали сигналы из Москвы, от влиятельных бояр и прочих сановников, что они не прочь увидеть на царском троне сына короля Сигизмунда – королевича Владислава (1606–1608). Одновременно при королевском дворе стали обсуждаться проекты решения внутренних проблем Речи Посполитой за счет присоединения к ней России на условиях неравноправной унии и путем захвата ее земель по типу заморских колоний Испании и Португалии¹. В таком случае города объявлялись «вольными» и заселялись колонистами-горожанами из Польши (т.е. немцами, поляками и евреями), крепости занимались надежными гарнизонами, а поместья раздавались обезземеленной польско-литовской шляхте и верным русским дворянам (сочинение П. Пальчовского «*Koleđa moskiewska*» (1609) и речи на Сейме (1611). Столь воинственные замыслы оттеснили на второй план умеренные проекты конца XVI в. о постепенном «просвещении» и «цивилизации» русских путем воздействия на них в рамках государств, объеди-

¹ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 62–66, 78–80.

ненных личной унией. Впрочем, поступки С. Жолкевского в ходе кампании 1610 г. показывают, что гетман предпочитал действовать по «умеренному» сценарию и не верил в успех грубого завоевания страны.

Формальных поводов для начала войны набралось предостаточно, от освобождения поляков, «вероломно» захваченных в 1606 г. в Москве, до Выборгского союзного договора со Швецией, заключенного 4 февраля 1609 г.: поскольку Швеция и Речь Посполитая воевали уже 9 лет, пропуск шведских войск на территорию России расценивался как враждебный акт. Впрочем, о походе на Московию заговорили еще в декабре 1608 г., а король на январском сейме добился согласия сенаторов. Заявив, что на царский трон не имеют законного права ни царь Василий, ни Лжедмитрий II, сейм обозначил цель похода как подчинение всего Русского государства, а не только борьба за Смоленскую и Северскую земли. Заявление короля, предназначенное для русских, называло главными задачами успокоение Смуты, прекращение «тиранства» узурпаторов трона и соединение России с Речью Посполитой личной унией за счет признания царем королевича Владислава².

Для вторжения планировалось набрать 30-тысячное войско, в том числе 5 тыс. пехоты (нужной прежде всего для осад). Несмотря на предложения гетмана Жолкевского двигаться через слабо укрепленные городки Северной земли, король выбрал в качестве своей первой цели Смоленск, надеясь на добровольную сдачу города – он знал об уходе большинства его защитников на помощь Скопину-Шуйскому. Ввиду возможной победы последнего король очень спешил и начал поход, не дождавшись полного сбора войск, которым, к тому же, нечем было платить. «Были даны деньги только на четверть года, и раньше, чем мы под Смоленск пришли, эта четверть нам вышла»³. 9 сентября 1609 г. с ним выступило только 12 тыс. человек (5,5 тыс. пехоты, 3,5 тыс. конницы и до 3 тыс. казаков); впоследствии число конницы увеличилось до 12 тыс., а украинских казаков Олевченко (из Канева, Переяслава и Черкас) – до 10 тыс. Артиллерия первоначально насчитывала только 30 орудий.

² Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция. С. 83.

³ Слова солдата королевской армии С. Маскевича цит. по: Там же. С. 105.

7.2. Осада Смоленска (1609–1611)

1609–1611 гг. – оборона Смоленска от поляков. Начало открытой польско-литовской интервенции в России.

1609 г., 21 мая – выступление большей части смоленской рати в войско кн. М. В. Скопина-Шуйского.

19–21 сентября – польско-литовское войско короля Сигизмунда III осаждает Смоленск.

Ночь на 24 сентября – попытка взорвать ворота крепости петардами.

Октябрь 1609 г. – февраль 1610 г. – минная война.

1609 г., декабрь – 1610 г., май – успешное наступление войск польского короля на западных землях Русского государства.

1609 г., декабрь – сдача Дорогобужа полякам польскими «тушинцами».

1610 г., январь – сдача Вязьмы и Можайска полякам польскими «тушинцами».

5 марта – Ржева Володимерова и Зубцов «целуют крест» королевичу Владиславу и его отцу; вскоре к ним присоединяется и Старица.

3 апреля – сдача Белой полякам после полугодовой осады.

1610 г., март – начало мая – поход запорожских казаков и польских войск в Северскую землю.

Март – запорожцы и челядники коронного войска из-под Смоленска берут Масальск, но разбиты казаками Лжедмитрия II; казачьи полки при поддержке польских рот захватывают Стародуб-Северский, Чернигов, Почеп.

31 марта – сдача Новгорода-Северского польскому королю.

Апрель – начало мая – сдача польским войском Трубчевска, Брянска и Серпейска.

1610 г., 24 июня – битва под д. Клушино: неудача похода русско-шведской армии по деблокаде Смоленска.

11 июля – возобновление осадных работ под Смоленском.

19 и 24 июля, 11 августа – неудачные штурмы крепости.

1611 г., ночь на 3 июля – последний штурм и взятие крепости.

Смоленская крепость являлась грандиознейшим оборонительным сооружением не только на Руси, но и вообще в Восточной Европе: 6,5 км каменных стен, высотой 13–19 м, шириной 5–6 м, уходящими под землю более чем на 4 м; 38 башен, в том числе 9 воротных; «слухи» для обнаружения минных работ; 170 пушек и пищалей⁴. Созданная в 1586–1602 гг. под руководством зодчего Федора Коня и «городовой повинностью всей земли», она была главным щитом Москвы и всего государства на Западе.

⁴ Косточкин В. В. Крепость Смоленска. М., 2004. С. 11–18.

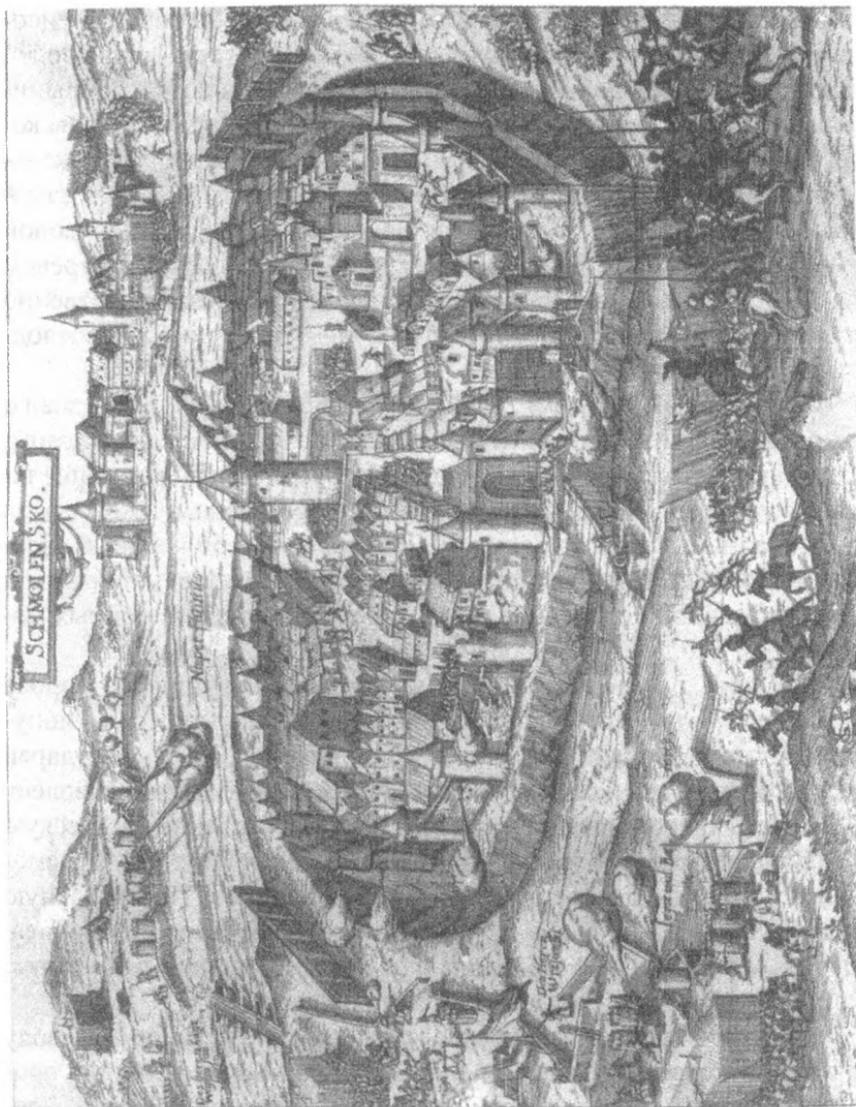
Воеводой Смоленска был в то время боярин Михаил Борисович Шеин. Этот довольно молодой – не более 30 лет – полководец буквально саблей добыл себе первый думный чин: при Добрыничах стольник Шеин спас от гибели самого боярина Мстиславского, за что был послан «с сеунчом» в Москву и пожалован в окольничие. Далее он защищал Новгород-Северский от Первого самозванца; сражался с повстанцами Пашкова на Пахре и, воеводой смоленской рати, – с Болотниковым под Москвой. В «государевом походе» 1607 г. Шеин уже в чине боярина был непосредственно с царем, который сразу после взятия Тулы отправил его на воеводство в Смоленск.

От надежных осведомителей Михаил Борисович заранее знал о готовящемся походе и успел сделать все возможное для обороны. С уезда собрал даточных людей «с сохи по 6 человек, с пищальми и с топоры»; выжег деревянный посад Смоленска и «расписал всех осадных людей по башням» (38 отрядов по 50 человек). Всего гарнизон насчитывал 600 дворян и детей боярских из Вязьмы и Дорогобужа, 500 стрельцов и пушкарей, 2 тыс. вооруженных посадских и 600 даточных людей «с пищальми и топорами»⁵.

При переходе поляками границы смоляне получили от короля заявление, что он идет не для войны, но для защиты России, гибнущей в огне междоусобицы и братоубийства, от вражды «государей не царского рода и не по Божию изволению, но собственной волею, насилием, хитростию и обманом». Однако вступление на Русскую землю давнего врага только уничтожило всякую «шатость» в смолянах и утвердило их решимость «всем помереть за Православную веру, за святые церкви, за царя и за царское крестное целование». Этому единодушному желанию они остались верны даже тогда, когда царя Василия уже давно не было на престоле.

Осмотрев крепость, польское командование пришло к выводу о слабости своей артиллерии для разрушения стен и решило прорваться сквозь ворота, разрушив их пороховыми зарядами – «петардами». Правда, подступы к ним смоляне защитили бревенчатыми срубами, заполненными землей, и для известия об успехе взрыва петардчики – кавалер Мальтийского ордена Б. Новодвор-

⁵ *Каргалов В. В.* Полководцы XVII в. С. 187–213; *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940. С. 225–228; *Медведев П. А.* Подготовка Смоленской обороны 1609 г. // *Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. научных трудов.* Л., 1990. С. 79, 82.

Осада Смоленска 1609–1611 гг. Гравюра В. Гондиуса, 1612 г.

ский и немецкий офицер Вайер – должны были взять с собой трубачей. Только кавалеру удалось пробраться под бойницами «подошвенного боя» и успешно выломать петардой Авраамиевские ворота... но подать сигнал об этом ему не удалось – трубачи не последовали за ним, и штурм так и не начался.

Недостаток пехоты и артиллерии привел к тому, что осада протекала очень вяло, с большими перерывами. Закономерно, что в таких условиях полякам пришлось прибегнуть к подкопным работам. Зимой развернулась настоящая минная война, причем поединки минеров-подкопщиков неизменно оканчивались в пользу смолян – как и первая в истории подземная схватка с применением пищалей (16 января 1610 г.). Польское войско, скованное Смоленском, несло потери от частых вылазок, партизанской войны, голода и холода; от износа и неравного поединка со смоленскими пушкарями пришла в негодность вся артиллерия.

В окрестностях Смоленска поляки имели ограниченный успех в основном на территориях, занятых сторонниками Тушинского вора. Причем если на московском направлении гарнизоны поляков Самозванца без боя очистили перед королевскими частями Дорогобуж, Вязьму и Можайск, то Северская земля стала ареной новых ожесточенных сражений. Положение повстанцев здесь осложнялось тем, что во имя своего «прирожденного государя» Дмитрия Ивановича им приходилось вести борьбу на несколько фронтов: с рязанцами Ляпунова и прочими сторонниками царя Василия, с поляками и запорожцами Сигизмунда и с крымскими татарами. Отчаянно сопротивляясь польским войскам, пали Стародуб и Почеп, сдались Чернигов, Новгород-Северский, затем Трубчевск, Брянск и Серпейск (март – начало мая 1610 г.)⁶.

С новой энергией попытки овладеть Смоленском начались в июле 1610 г., после победы Жолкевского под Клушином. Привезенные из Риги тяжелые орудия пробили брешу в стене, но за ней обнаружился такой же высоты земляной вал с глубоким рвом, сооруженный защитниками крепости. Отчаянные приступы пехоты и спешенной шляхты к этому валу, а запорожцев с лестницами – с другой стороны к стене и попытка Новодворского подвести петарду с третьей стороны были отражены с огромными потерями для поляков (более тысячи человек, по их данным).

⁶ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция. С. 141, 142.

После свержения Шуйского и утверждения в Москве присягнувшего Владиславу боярского правительства упорная оборона Смоленска приобретала уже новый смысл, для многих тогда мало понятный. Шеин не признавал Лжедмитрия или иного самозванца, но и отказывался выполнить указ бояр о присяге королевичу и сдаче города полякам: он сражался теперь не за государя, а защищал государство! Пример смолян вдохновлял ратников Первого и Земского ополчения, выступивших на «очищение» Московского государства весной 1611 г.: «А тем и утешаются, Божьим милосердием, что дал Бог за православную веру крепкого стоятеля Гермогена патриарха да премудрого боярина Михаила Шеина и всех православных крестьян, смоленских сидельцев, что, узнав они-то все оманки и ласкания, ничего не послушали и учинили смерть на память и на славу и на похвалу в роды и роды» (грамота ярославцев в Казань)⁷.

Новая зима 1610–1611 гг. привела к голоду, цинге и эпидемиям, отчего умерло большинство «осадных сидельцев». В строю оставалось только 200 ратников, которые физически не могли защищать все 6 верст доселе неприступных смоленских стен. В начале июня поляки усиленной бомбардировкой сумели разрушить Авраамиевские ворота, а в ночь на 3 (13) июля Новодворский взорвал стену у Крылошевских ворот, стоявшую на краю оползавшего оврага. С трех сторон многочисленные отряды шляхты, немецкой, венгерской и запорожской пехоты стали вливаться в город через бреши и по широким – на 5–6 человек одновременно – лестницам. Защитники крепости бились до последнего, взрывали пороховые погреба, и от одного из таких взрывов сильно пострадал Успенский собор, отчего погибли собравшиеся в нем смоляне. Самого Шеина, оборонявшегося в Коломенской башне с 15 ратниками и семьей, взяли в плен. В нарушение всех обычаев ведения войны король подверг его пытке, а затем, заковав, отправил в Литву. Весть о потере Смоленска стала страшным ударом для земского движения. В Польше же долгожданная победа была отмечена всеобщим триумфом и ликованием.

Однако в условиях Смуты крепость выполнила свое главное предназначение – сковала главные силы королевской армии и не позволила полякам утвердиться в Москве и каких-то иных областях государства. После овладения безлюдным и выгоревшим городом польское войско, нуждавшееся в отдыхе и жалованье,

⁷ Цит. по: *Каргалов В. В. Полководцы XVII в. С. 208.*

было выведено на родину – хотя, по утверждению Мархоцкого⁸, его появления под Москвой было бы достаточно для победы над разваливающимся земским ополчением... Платой же за сомнительную выгоду обладания сильнейшей крепостью и всем верхним течением Днепра станут три ответных похода русской осадной армии (1613–1617, 1632–1634 и 1654 гг.), сопровождавшиеся разорением значительной территории в самой Литве. Слабеющей Республике с каждым разом становилось все труднее защищать свою землю.

7.3. Поход царских войск для деблокады Смоленска и битва при Клушине (1610)

1610 г., середина марта – конец мая – поход войск кнн. И. А. Хованского, Я. П. Борятинского и Эверта Горна на Ржев и Белую.

Март – корпус Эверта Горна из Великого Новгорода освобождает от «тушинцев» Старую Руссу и Осташков.

Конец марта – соединение войск Горна и кнн. Хованского и Борятинского под Старицей.

Апрель – русско-шведские войска освобождают Ржеву Володимерову, Зубцов и Погорелое городище; часть наемных войск с полковником П. Делавилем соединяется с отрядом Г. Л. Валуева под Иосифо-Волоколамским монастырем, остальные атакуют и берут в осаду Белую.

Конец мая – приближение армии гетмана С. Жолкевского заставляет Горна снять осаду Белой и отойти на соединение с главными силами кн. Д. И. Шуйского под Можайск.

1610 г., апрель–июнь – поход на Волоколамск передового войска из Москвы воеводы Г. Л. Валуева.

Апрель – выступление отряда Валуева из Москвы, начало осады «тушинцев» в Иосифо-Волоколамском монастыре; подход из-под Ржева отряда наемников П. Делавиля.

1610 г., 23 апреля – смерть в Москве кн. М. В. Скопина-Шуйского.

11 мая – передовой отряд русской рати воеводы Г. Л. Валуева и наемники П. Делавиля выбивают «тушинских» казаков и поляков полковника Ручкого из Иосифо-Волоколамского монастыря; последние с большими потерями отходят к тушинскому полковнику А. Зборовскому в д. Шуйск под Царевым Займищем.

Вторая половина мая – Валуев получает подкрепления, и вместе с кн. Ф. А. Елецким (но без наемников) занимает Царево Займище, где ставит «острожек». П. Делаویل занимает Погорелое городище.

⁸ *Мархоцкий Н.* История Московской войны. С. 93.

23 мая – выступление гетмана С. Жолкевского с армией на Белую и далее против русско-шведских войск.

14 июня – бой под Царевым Займищем; Жолкевский заставляет Валуева сесть в осаду в «острожке»; Зборовский с «тушинцами» присоединяется к королевскому войску.

1610 г., июнь – поход русско-шведской армии кн. Д. И. Шуйского на деблокаду Смоленска и Клушинская битва.

Июнь – войско кн. Д. И. Шуйского и Я. П. Делагарди выступает из Москвы; под Можайском к нему присоединяются отряды кнн. Хованского и Борятинского и Эверта Горна.

24 июня – битва под д. Клушино; русская рать кн. Д. И. Шуйского обращена в бегство, а наемники Делагарди капитулируют.

После освобождения столицы от блокады поход на Смоленск стал для московского правительства первой задачей, отодвинув на второй план угрозу со стороны Лжедмитрия II. Началась обычная подготовка нового похода. Однако эта кампания оказалась проигранной, даже не успев начаться, и виной тому стала смерть кн. Скопина-Шуйского.

Во время долгого осадного сидения в Москве авторитет царя Василия упал окончательно, власть его держалась только за счет поддержки патриарха Гермогена и северских и рязанских дворян во главе с Прокопием Ляпуновым. Василий не имел сыновей, и наследником престола должен был стать его родной брат кн. Дмитрий либо Михаил Скопин... Конечно, Дмитрий Иванович, отличившийся на войне только грандиозными неудачами, полностью проигрывал в общественном мнении юному полководцу, к которому последние полтора года были обращены все надежды. Уже во время похода кн. Михаила к Москве воины между собой называли его царем; в Александровой слободе открыто «поздравил его царем» через своих послов рязанский воевода П. Ляпунов. Это вызвало недоверие и ненависть к Скопину со стороны братьев, особенно Дмитрия, что не укрылось даже от Делагарди: «Яков Пунтусов» стал настойчиво уговаривать своего боевого товарища скорее покинуть Москву и с войском идти к Смоленску. Скоропостижная кончина юного полководца (29 апреля) повергла его победоносные войска в страшное уныние – «лишила его сердца», как говорили поляки. Назначение же главнокомандующим кн. Дмитрия Шуйского – по слухам, основного виновника гибели кн. Михаила – заставило ратных людей всерьез задуматься о необходимости дальнейшей защиты царя Василия. Смута в умах и сердцах углубилась.

Тем временем началась новая кампания. Эверт Горн выступил из Выборга и пересек границу 12 февраля 1610 г., а затем с 3-тысячным отрядом английских, шотландских и французских наемников двинулся через Новгород и Старую Руссу на соединение с Делагарди. В Старице с Горном соединились смоленские и бельские помещики, прибывшие из армии кн. Скопина-Шуйского во главе с князьями И. А. Хованским и Я. П. Борятинским. Следующей целью союзников стал Ржев, незадолго перед этим принесший присягу королевичу Владиславу и его отцу. Занимавшие город запорожцы и поляки, атакованные одновременно «судовой» (по Волге) и сухопутной ратью⁹, были разбиты, а 24 апреля потеряли и Зубцов¹⁰.

С окончанием весенней распутицы выступили из Москвы новые части русского войска (до 2 тыс. человек под началом воеводы Г. Валуева), заняв Можайск и подступив к Иосифо-Волоколамскому монастырю, где засели бывшие тушинские поляки. Горн прислал из Погорелого городища 500 французов полковника П. Делавиля, которые ворвались было в крепость, но были отбиты¹¹. Правда, вскоре из-за бунта казаков полякам пришлось оставить «Осипов», после чего все они были рассеяны при отступлении¹². При этом «тушинский» патриарх Филарет Никитич с иными знатными людьми из тушинского лагеря смогли покинуть поляков и вернуться в Москву. Преследуя противника, Валуев засел в очередном «острожке» под Царевым Займищем, а Горн и кн. Хованский, сделав неудачную попытку овладеть крепостью Белой, отступили к Зубцову, а затем соединились с Делагарди под Можайском¹³.

Узнав о действиях союзной рати по помощи Смоленску, гетман Жолкевский двинулся сначала на Белую, а затем – к Цареву Займищу. Из осадных войск он смог взять только 2 тыс. конницы и 1 тыс. пехоты, а также присоединить более 3 тыс. украинских казаков. Под Царевым он присоединил к себе полки Л. Вейхера и М. Казановского, договорился о переходе на королевскую службу тушинских поляков А. Зборовского (до 2,5 тыс. копейщиков), а затем осадил отряд Валуева в «острожке».

⁹ *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция. С. 156–159.

¹⁰ *Видекин Ю.* История шведско-московской войны XVII века. С. 113–114.

¹¹ *Мархоцкий Н.* История Московской войны. С. 66–69.

¹² Там же. С. 70, 71.

¹³ *Видекин Ю.* История шведско-московской войны XVII века. С. 114–122.

7.3.1. Клушинская битва

Союзное войско двинулось на выручку Валуева кружным путем, чтобы нависать с фланга над поляками, если те решат двинуться к Можайску. Наемников насчитывалось около 5 тыс. человек¹⁴, а русское войско, возможно, достигало 10 тыс., не считая «посошных» людей¹⁵. Перед выступлением из Можайска произошли эпизоды, сильно повлиявшие на настроение иноземцев: разрядный дьяк привез им жалованье частью специально чеканенными золотыми монетами, а частью – тканями и мехами, однако Деллагарди не стал спешить с раздачей его своим подчиненным – видимо, в надежде «сэкономить» на боевых потерях; кроме того, граф отправил обоз со своими вещами и драгоценностями на Новгород и далее в Швецию, после чего разнесся слух, что там и находилась та самая «воинская казна». К тому же поляки уже не раз давали понять «немцам», что готовы принять их к себе на службу, и уже имели у себя первых перебежчиков.

Вечером 23 июня союзное войско остановилось у деревни Клушино (20 км к северу от Гжатска) на опушке леса. Иноземцы, встав на правом фланге, окружили свой лагерь вагенбургом, а русские, помня уроки Скопина-Шуйского, уже в ночь стали укрепляться частоколом и строить «острожек». Впрочем, измученные беспримерно долгим и поспешным маршем («пошел князь Дмитрий из Можайска в самые варные дни и шол со всею ратью наспех одним днем до Клушина сорок верст»¹⁶), ратные люди вряд ли преуспели в сооружении полевых укреплений. Следует отметить, что с запада поле, где был разбит лагерь,

¹⁴ Деллагарди привел в Москву 2,5 тыс. человек, и столько же, за вычетом войск, размещенных в Новгородской земле и Погорелом городище, должно было остаться у Эверта Горна (*Козляков В. Н.* Смута в России. С. 282; *Видекинд Ю.* История шведско-московской войны XVII века. С. 94, 109, 113).

¹⁵ В распоряжении царя Василия находились новгородские, смоленские, бельские помещики, но часть из них воевала в Новгородской земле или находилась в отряде кн. Елецкого; следует прибавить еще сильно разоренных дворян замосковских городов, но за вычетом нижегородцев и их соседей. П. Ляпунов с рязанской ратью выступил в это время уже против царя Василия, прочие же украинные города оставались во власти Лжедмитрия II.

¹⁶ Из речей Я. П. Деллагарди на переговорах 1616 г. (цит. по: *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция. С. 166).

прикрывалось «дубовым плетнем», который союзники не стали ломать.

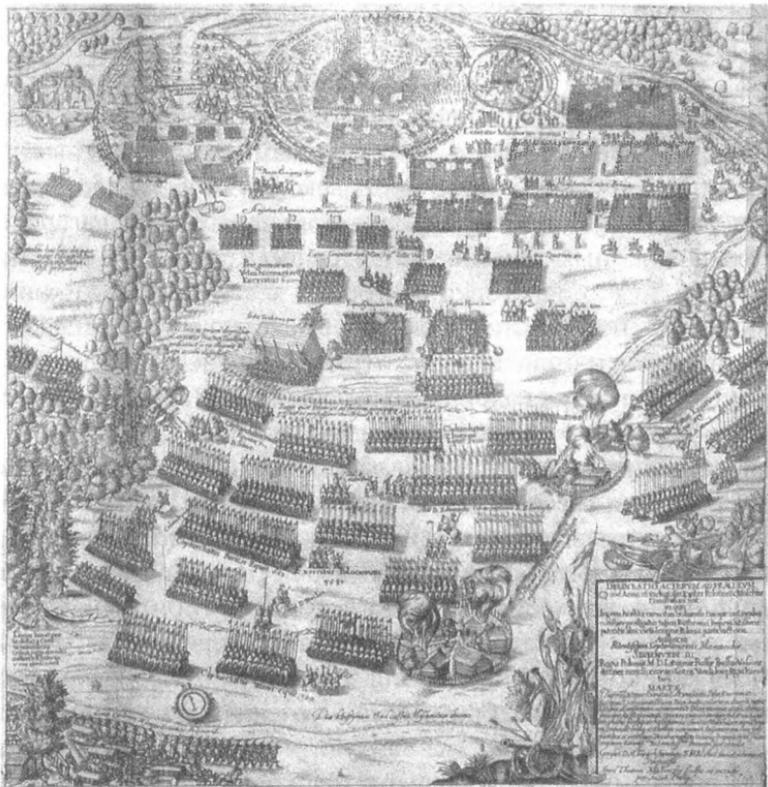
Тем же вечером гетман Жолкевский, оставив против Валуева почти всю пехоту и запорожских казаков, с остальными силами (6–7 тыс. отборных войск с двумя пушками)¹⁷ скрытно выступил к Клушину. Передовые части Зборовского уже за час до рассвета вышли на искомую опушку, но не смогли начать атаку лагеря из-за задержки основных сил. Шведы и русские, заметив поляков, получили час для подготовки к бою: левее русская конница выступила в поле, оставив в тылу пехоту, а правее наемные пехотинцы построились вдоль изгороди, имея позади себя и «вокруг» конные эскадроны. Тем временем противник успел поджечь деревню и сделать проходы в изгороди¹⁸.

Битва началась натиском отборной конницы Зборовского, которая копьями снесла с позиций русских дворян и детей боярских; и без того не желавшие воевать ратники в большинстве своем бежали с поля битвы – только сам кн. Дмитрий Шуйский засел в обозе с пехотой. В то же время первые атаки были отбиты мушкетным огнем пехоты Делagarди с большими потерями для поляков. Напуски конницы взаимно сменяли здесь друг друга, и исход битвы, по словам Жолкевского, был неясен в течение трех часов. Наконец подошли опытные гетманские гайдуки и огнем двух фальконетов отбили немецких мушкетеров от плетня; обошедшие с боков гусары усилили натиск, ворвались в шведский лагерь, а Делagarди с Горном, спасаясь от преследования, бежали за пределы поля.

Между тем 3 тыс. наемных пехотинцев, занявших оборону в кустах у леса, были неприступны для поломавшей уже копы польской конницы. Однако, оставшись без начальников, они вступили в переговоры с гетманом и договорились о переходе на польскую сторону. Возвращение Делagarди только вызвало их

¹⁷ В последнем по времени «юбилейном» исследовании Радослав Сикора пытается пересмотреть численность коронных войск в сторону уменьшения до 2700 человек (*Sikora R. Kłuszyn 1610. Łęborg, 2010 S. 61, 77*). Но доводы автора малоубедительны: он принимает на веру цифру одного из участников битвы – Маскевича (S. 52), утверждая, что все роты были в очень большом некомплекте и не достигали штатной численности; кроме того, Сикора отрицает участие в битве рот полка А. Госевского (об их участии см.: *Bohun T. Moskwa 1612. Warszawa, 2005. S. 64, 65*), а также вдвое сокращает полк А. Вейхера и численность бывших «тушинцев» А. Зборовского (S. 31–62; ср.: *Bohun T. Moskwa 1612. S. 63–66*).

¹⁸ *Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 124–130.*

Битва под Клушином (1610). Гравюра 1630-х гг.

Ротмистр польских «крылатых гусар». Гравюра первой половины XVII в.

возмущение и бунт, причем мятежники бросились грабить вещи главнокомандующего, а затем направились к московскому обозу. Шуйский, который доселе только безвольно наблюдал с остатком своих войск за происходившим, увидев измену «немцев» и их желание добраться до его обозов, вырвался из «острожков» и бежал к Можайску. Пустившиеся было в преследование поляки были остановлены видом разбросанной везде «мягкой рухляди» и «меховой казны» и бросились грабить этот лагерь.

Поставленный в безвыходное положение Делагарди выговорил себе право с верным отрядом уйти за пределы Московии и «возвращать» себе задолженное Шуйским жалованье любым способом, но с условием не воевать больше на царской стороне против польского короля. Жолкевский одним ударом не только лишил царя Василия всей армии, но и с лихвой восполнил свои потери. В сражении погибло более 100 «товарищей» – шляхтичей, не считая их «пахолков» (слуг) и иных, на службу же поступило только в полк Борковского 800 человек иноземцев.

Вообще, в тактическом плане Клушинскую битву правильнее рассматривать как очередное звено в цепи столкновений польской и шведской армий начала XVII в.: русские, не желавшие больше погибать за Шуйского, почти не приняли в ней участия. Говоря о причинах своего успеха, Жолкевский заметил, что для иноземцев-ветеранов «дело шло о славе и жалованьи, для нас – о нашей судьбе. Тут во всем была необходимость, надежда была в доблести, спасение – в победе, а для бегств места не было»...¹⁹

Делагарди и Горн с небольшим отрядом (400 шведов и финнов) ушли через Торжок к Новгороду.

7.4. Свержение царя Василия Шуйского и правительство Семибоярщины. Оккупация поляками Москвы 1610 г.

1610 г., 4 февраля – договор «тушинской» части московской знати с королем Сигизмундом о призвании на русский престол королевича Владислава и унии двух государств.

¹⁹ Цит. по: Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 132.

Около 27–30 июня – после битвы под Клушином на похожих условиях капитулирует Валуйев под Царевым Займищем.

2 июля – армия Жолкевского вступает в Можайск; гетман начинает переговоры о свержении царя Василия и признании царем королевича Владислава.

1610 г., июль – последний поход Лжедмитрия II на Москву.

Начало июля – войска Лжедмитрия II и гетмана Я. П. Сапеги выступают из Калуги на Медынь и Козельск.

5 июля – после героической обороны перед их войсками пал Пафнутьев-Боровский монастырь.

10–15 июля – войска самозванца атакованы на р. Наре под Боровском крымско-татарским войском Богатырь-Гирея, но сумели отбиться в «таборах».

16 июля – Лжедмитрий II подходит к Москве по Коломенской дороге (в Коломенское).

17 июля – в результате мятежа царь Василий Шуйский свергнут с престола.

1610 г., 17 июля – 1 октября – правительство Семибоярщины и оккупация Москвы поляками.

20 июля – армия С. Жолкевского выступает из Можайска в Москву.

24 июля – коронная армия подходит к стенам Москвы. Начало переговоров об условиях избрания на царство королевича Владислава.

1–2, 11 и 14 августа – бои под стенами Москвы с войсками Лжедмитрия II, которые попытались захватить город.

18 августа – договор боярского правительства Москвы с гетманом Жолкевским о призвании на московский престол королевича Владислава.

27 августа – узнав о готовящемся нападении поляков и русских на его войско, Лжедмитрий снова бежит в Калугу.

1 октября – польские войска вступают в столицу; гетман Жолкевский уходит к Смоленску.

Поражение под Клушином имело главным следствием падение власти Шуйского. С одной стороны, на особых условиях, оговаривающих приглашение на царство королевича Владислава, Валуйев капитулировал и присоединился к Жолкевскому²⁰. Следом сдались полякам («целовали крест» Владиславу) Можайск, Ржев, Боровск, Иосифо-Волоколамский монастырь, Погорелое городище. Жолкевский из Можайска предложил москвичам признать Владислава русским царем.

С другой стороны, Лжедмитрий II при известии о разгроме русско-шведских войск срочно выступил к Москве. Собрав с вер-

²⁰ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция. С. 169.

Царь Борис Годунов.
Рисунок Титулярника, 1672 г.

Лжедмитрий I.
Польский портрет XVII в.

Марина Мнишек.
Польский портрет XVII в.

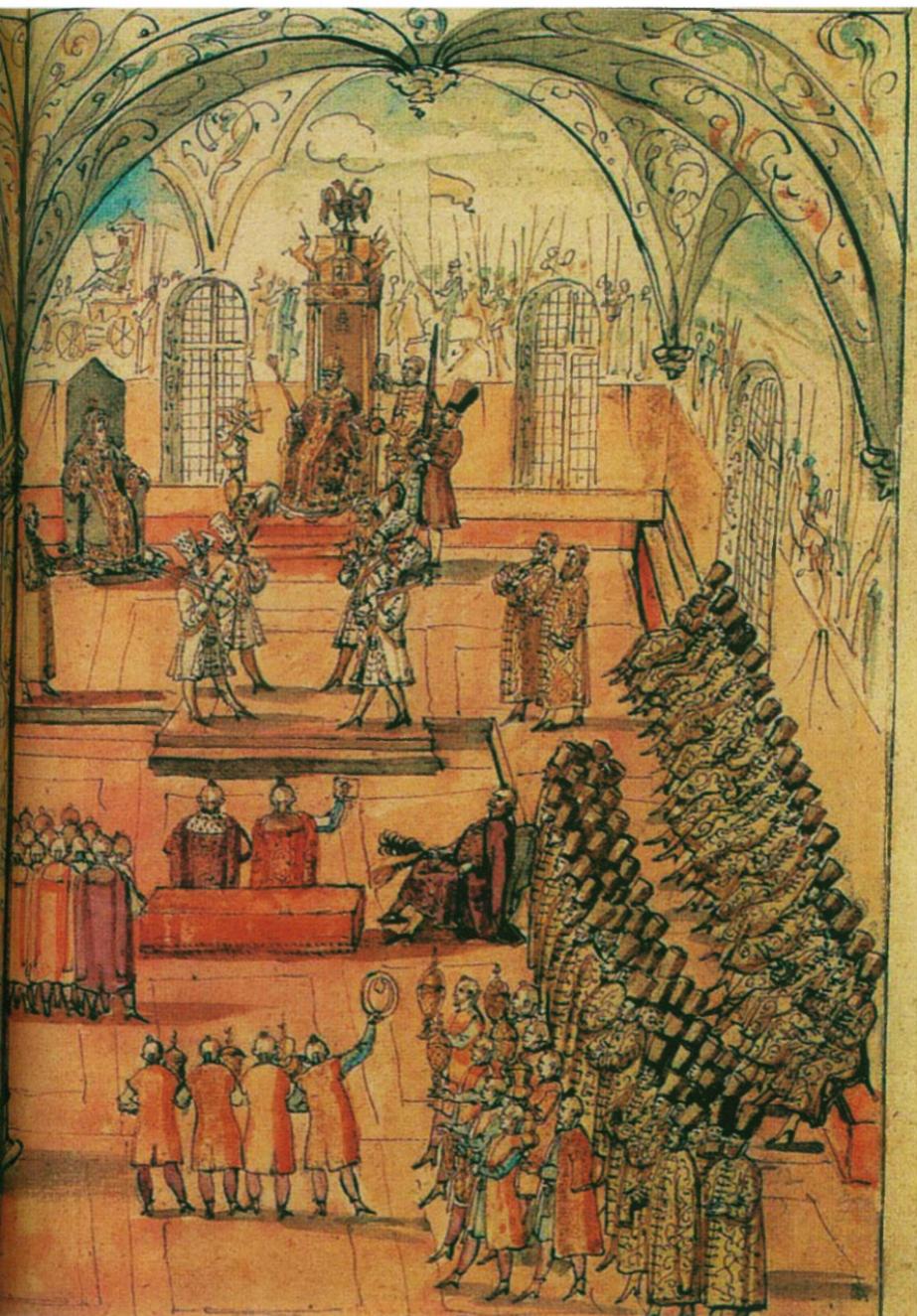
Коронация Марины Мнишек, 1606 г.
Польская картина XVII в.

Конный портрет князя М. А. Огинского (?) в
костюме «лисовчика». *Фрагмент картины*
Рембрандта ван Рейна, 1655 г.

Прием Лжедмитрием I польских послов. Рисунок XVII в.

Польские шлемы и вооружение. *Начало XVII в.*

Булава королевича Владислава.

Доспехи польского гусара. Начало XVII в.

План Москвы и изображение сражения с Иваном Болотниковым (?).

*Рисунок из рукописи Исаака Массы,
описывающей русские события 1601–1609 гг.*

План острога русского провинциального города (Данков).

Чертеж середины XVII в.

Знамя кн. Д. М. Пожарского. Фрагмент, изображающий Иисуса Навина перед архангелом Михаилом. 1611–1612 гг.

Шведский полководец граф Я. П. Делажарди.
Портрет, 1606 г.(?)

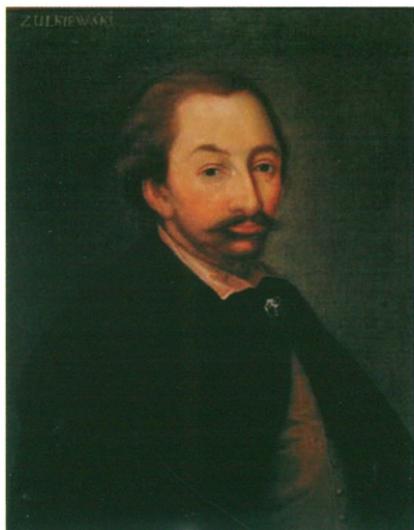
Карл IX, король Швеции
в 1604–1611 гг.
Портрет начала XVII в.

Густав II Адольф, король
Швеции в 1611–1632 гг.
*Я. Хофнагель,
портрет 1624 г.*

Польский гусарский ротмистр.
С рисунка начала XVII в.

Гетман польный коронный
С. Жолкевский (1599–1618),
великий гетман и канцлер
(1618–1620). *Портрет XVII в.*

Великий гетман литовский
Я. К. Ходкевич (1605–1621).
Портрет, около 1620 г.

Польские гусары в битве под Клушином (1610).
Фрагмент картины Ш. Богушовича, около 1620 г.

Великий канцлер литовский Л. Сапега, (1589–1623).
Портрет, 1616 г.

Польская медаль в честь победы под Смоленском в 1634 г.

Хоругвь Гродненского повета времен Сигизмунда III.

Памятник Минину и Пожарскому на Красной площади.
Скульптура И. Мартоса, 1818 г.

ных ему земель «особый и очень большой налог», он вновь привлёк к себе казаков и сапежинцев, с которыми выступил в поход. По дороге его войска сломили сопротивление гарнизона и мирных жителей, укрывшихся в Пафнутьев-Боровском монастыре: воевода князь Михаил Никитич Волконский был убит прямо возле раки с мощами преподобного Пафнутия²¹. В этой резне погиб и бывший настоятель Троице-Сергиева монастыря (в период его обороны 1608–1610 гг.) архимандрит Иоасаф, переведенный на покой в свою родную обитель.

В этот самый момент царь Василий узнал о появлении под Серпуховом союзного отряда крымского князя Богатырь-Гирея, приглашенного на помощь против поляков и мятежников. Посол кн. И. М. Воротынский, а также кн. Б. М. Лыков и А. В. Измайлов повезли татарам богатые дары и обязательства выплатить 30 тыс. рублей за помощь в боевых действиях, а потом посылать ежегодные «поминки» в Орду. Взяв аванс – 7 тыс. рублей, мурзы выступили против войск Лжедмитрия II и вскоре осадили их на реке Наре недалеко от Боровска. Атаку поддерживала прибывшая с царскими вельможами артиллерия и 370 человек стрельцов. Однако штурм позиций поляков и казаков, продолжавшийся до поздней ночи, не достиг успеха, и крымцы предпочли отказаться от продолжения осады²². Похоже, они неплохо сориентировались в сложившейся обстановке и решили не ждать новых милостей от царя, доживавшего на троне последние часы. Вместо этого они двинулись в обратный путь, безо всякого сопротивления захватив громадный полон – боярам же едва удалось спасти свою артиллерию от пришедших в себя сторонников Лжедмитрия II.

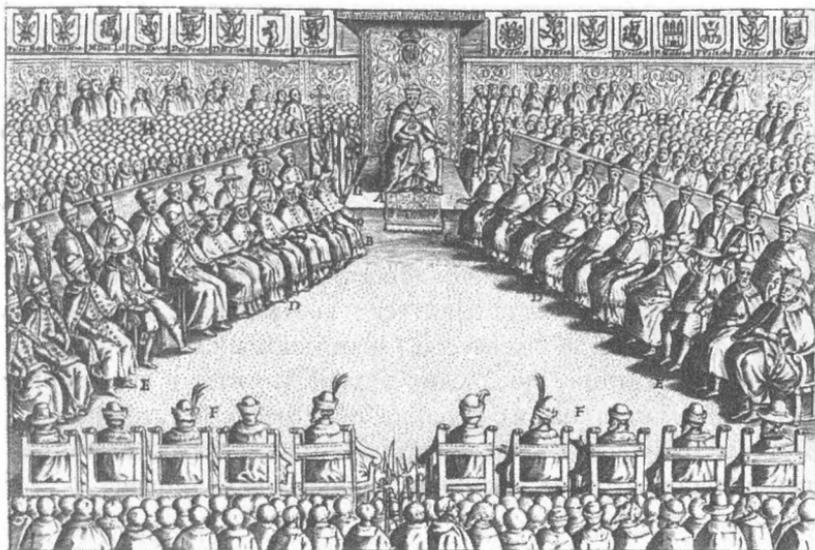
Убедившись в отсутствии опасности со стороны крымцев, Вор продолжил поход и сумел появиться под стенами Москвы задолго до подхода гетмана Жолкевского. Он остановился в Коломенском, надеясь на восстание посадских людей Москвы в свою пользу. Тем временем столица уже бурлила, подстрекаемая сторонниками Прокопия Ляпунова к свержению царя Василия Шуйского и возведению на престол кн. Василия Васильевича Голицына.

²¹ Козляков В. Н. Смута в России. С. 292; Томенцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 545, 546.

²² Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами. С. 48–55; Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция. С. 182.

Царь Василий Шуйский в польском плену.
Гравюра польского «летучего листка», 1610 г.

A. Sacra Regia Maiestas. B. Archiepi. Gnesnen-Primas Regni. C. Archiepi. Leopoldin. D. Episcopi. Senatores. E. Politi. Castellani. Senatores. F. Magistralis et Officiales Regni et Magni Ducatus Lithuaniae. Senatores. G. Officiales Curiae Aulicae et Secretarij R. S. M. H. Nobiles Regni et Mag. Duc. Lith.
Litho. Linn. 1622. Roma in Privilegio Summi Pontificis

Сейм короля Сигизмунда. Гравюра начала XVII в.

Земский собор, довольно стихийно собравшийся 17 июля у Арбатских ворот Москвы, принял решение о «сведении с престола» царя Василия Шуйского. Через несколько дней, после попытки вернуть трон, его постригли в монахи и заточили в Чудов монастырь. Тем временем из Можайска ускоренным маршем подошел к столице гетман Жолкевский, и поставить князя Голицына на царство сторонникам Ляпунова не удалось. Боярам, принявшим на себя временно все бразды правления, москвичи «целовали крест» в том, чтобы «государя на Московское государство выбрать с нами, со всякими людьми, всей землей, сослався с городы». В страшной тревоге за дальнейшую судьбу государства посадские и ратные люди, московские чины и рядовые помещики несколько дней метались между боярами, патриархом, сторонниками «Дмитрия Ивановича» и королевича Владислава и настаивали на скорейшем принятии политического решения. Страх перед репрессиями и грабежами со стороны войск Калужского вора и опасность захвата ими столицы, а также дипломатические усилия гетмана С. Жолкевского склонили их симпатии в пользу королевича. Они лишь с волнением спрашивали у гетмана, действительно ли он сказал боярам, «что королевич не будет нашей веры»? Отвечая с позиций гуманиста своего века, сановник заявил, что это дело совести самого королевича, и если он «привыкнет к вашему богослужению... может, Господь Бог так направит сердце его, что он примет вашу веру». Вряд ли такой ответ был по нраву русским людям, но гетман, пожалуй, не лукавил²³.

Бояре кн. Ф. И. Мстиславский, кн. И. Н. Воротынский, кн. А. В. Трубецкой, кн. А. В. Голицын, И. Н. Романов, Ф. И. Шереметев и кн. Б. Н. Лыков составили правительство, известное под названием Семибоярщина. «Посоветовав» со стихийно собравшимся в Москве Земским и Освященным собором, они наконец выработали условия, по которым королевич Владислав призывался на московский престол. Договор, с которым тот приглашался на царство, по определению С. Ф. Платонова, «отличался явным национально-охранительным направлением». Королевич должен был принять православие, править в совете с боярами и Земским собором, вообще сохранить весь прежний строй московской жизни и ни в чем не возвеличивать приезжих иноземцев перед русской знатью. Это было частью хорошо продуманной, оформленной еще

²³ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция. С. 200–211.

прежде договорами «тушинских бояр» с Сигизмундом (в феврале 1610 г.) программы преодоления Смуты и восстановления общественного порядка. Само собой, при этом отец нового царя, польский король, прекращал все враждебные действия против верных Москве земель (в первую очередь Смоленска) и содействовал разгрому войск самозванца.

Собравшиеся в столице войска было решено немедленно направить для подчинения мятежных территорий. Ради того, чтобы не допустить мятежа в Москве в пользу Лжедмитрия II или кого-либо из московской знати, бояре поспешили, сразу по заключении договора с гетманом Жолкевским, пригласить в столицу коронные войска. Еще ранее первым положительным следствием вступления этих частей в бой на стороне правительственных войск стало поспешное бегство самозванца обратно в Калугу. В итоге с 19 по 30 сентября 1610 г. в стенах Москвы поэтапно разместился польский гарнизон. Без сомнения, это была элита находившихся в смоленском походе польско-литовских войск: в составе 4 конных полков (5–6 тыс. человек) числилось целых 27 гусарских рот – против 9 казацких и татарских²⁴. Еще два полка – Струся и самого гетмана – заняли Верею, Борисов (Московского уезда) и Можайск. Все 2,5 тыс. иноземных солдат, перешедших на сторону поляков в Клушинской битве, были тщательно «разобраны» Жолкевским, который оставил на службе всего 800 человек во главе с полковником Борковским и капитаном Жаком Маржеретом. Они и составили пехотную часть гарнизона вместе с 400 гайдуков²⁵.

Представительное «Великое посольство» было отправлено в королевский стан под Смоленск с утвержденными Советом всея земли условиями. Однако Сигизмунд предпочел теперь вести речь о собственном избрании на царство. Одновременно он назначил на ключевые посты московской администрации своих сторонников – в первую очередь бывших «тушинцев», не раз уже изменявших различным государям и, по определению бояр, «самых худых людей» (М. Молчанова, кн. В. М. Мосальского, И. М. Салтыкова и др.). Вскоре под Смоленск триумфально выехал гетман Жолкевский, увозя с собой выданных ему в качестве пленников царя Василия и его брата кн. Дмитрия Шуйского. Во главе гарнизона в качестве королевского наместника он оставил велижского старо-

²⁴ Состав гарнизона см.: *Bohun T. Moskwa 1612*. S. 64–66.

²⁵ *Bohun T. Moskwa 1612*. S. 50, 51, 63.

сту Александра Гонсевского. Последний, под предлогом сговора с Лжедмитрием, в ночь на 29 октября арестовал некоторых бояр, ввел немецкий отряд в Кремль и заставил передать ему диктаторские полномочия. Члены Семибоярщины были отстранены от руководства страной и оказались «все равно что в плену».

Таким образом, данная, в целом продуманная попытка московской знати преодолеть Смуту не увенчалась успехом, привела к установлению в Москве диктатуры польских наемников и фактическому распаду государства на отдельные, разные по политической ориентации области. Но и выбранный польским королем, вопреки чаяниям русских людей, политический курс на полное подчинение страны собственной власти привел к отстранению от дальнейших дел главного виновника первоначального успеха – гетмана Жолкевского – и в конечном итоге окончился полным провалом²⁶.

7.5. «Во имя Государя Владислава Жигимонтовича»: походы войск московского правительства и польского короля на противников «избранного царя» (1610–1611)

1610 г., 7 октября – 1611 г., 11 апреля – «Великое посольство» митрополита Филарета и кн. В. В. Голицына под Смоленском.

1610 г., сентябрь – поход войск И. М. Салтыкова на Великий Новгород; поход отряда Г. Л. Валуева на Великие Луки.

Середина октября – Торжок присягает королевичу.

14 октября – 25 декабря – осада и взятие Великих Лук войсками Валуева и черкасами короля; Невль и Заволочье присягают на имя Владислава.

Конец сентября – П. П. Ляпунов с рязанской ратью путем осады приводит на имя Владислава Пронск.

22 сентября – М. А. Вельяминов с отрядом разбивает повстанцев Лжедмитрия II и занимает Шацк.

Сентябрь – войска П. Я. Сапеги отделяются от армии Лжедмитрия II и занимают «на приставства» уезды Мещовска, Мосальска и Козельска.

Октябрь–декабрь – боевые действия повстанцев Лжедмитрия II против поляков и черкас в уездах Северной земли.

1 декабря – кн. Д. М. Пожарский отбивается в Зарайске от черкас, казаков и татар Лжедмитрия II, пришедших из Михайлова.

Декабрь – полковник Я. Кернозицкий с «низовым войском» из Темникова осаждают в Шацке Вельяминова.

²⁶ *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция. С. 233–242.

Начало декабря – отряд кн. Ю. Н. Трубецкого приводит на имя королевича Серпухов.

11 декабря – убийство Лжедмитрия II под Калугой татарами П. Урусова.

Вторая половина декабря – власть королевича Владислава признают города Калуга, Тула, Алексин, Медынь, Козельск, Орел, Болхов, Белев, Карачев, Орел.

Значительная часть страны – прежде всего замосковные города и уезды – мирно согласилась с решением московского Земского собора 1610 г. и присягнула на имя будущего царя. Для закрепления ситуации, впервые при не венчанном еще царе начался выпуск денег с именем Владислава Жигимонтовича. Препятствовали распространению власти Семибоярщины в основном сторонники Лжедмитрия II, контролировавшие обширные территории почти по всей южной окраине государства, в Среднем и Нижнем Поволжье и на северо-западе страны. Самозванец решительно отклонил предложение гетмана Жолкевского признать себя вассалом короля Сигизмунда III и призвал к сопротивлению польским войскам, развернув настоящий террор против фуражиров коронной армии и полков Я. П. Сапеги²⁷.

Основные удары правительственные войска нанесли по второстепенным, но тоже важным центрам повстанцев: Валуев осадил Великие Луки, Вельяминов взял Шацк, а Ляпунов – Пронск²⁸. На «воровскую» столицу – Калугу – Семибоярщина попыталась направить польские войска Жолкевского или Сапеги, но гетманов вполне устраивало нахождение там самозванца: это держало в страхе боярское правительство и делало его более сговорчивым. Собственных же крупных сил, в связи с разъездом по домам дворянского ополчения, Москва собрать не смогла.

Откатившись в Калугу, Лжедмитрий II вновь взялся за создание боеспособной армии, призывая к себе как русских людей, так и отдельных наемников из стана Сапеги. В Северной земле уже к сентябрю 1610 г. ратные люди отобрали у черкас и поляков Козельск, Мещовск, Почеп и Стародуб. По призыву самозванца началась партизанская война против поляков, а в декабре повстанцы перешли в наступление, атаковав Шацк, Зарайск и города Северной земли. Таким образом, вплоть до смерти Калужского вора

²⁷ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 555–564.

²⁸ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция. С. 259–265, 312, 313.

его сторонники активно сопротивлялись приверженцам нового царя, и борьба эта шла с переменным успехом. Гибель самозванца 11 декабря 1610 г. кардинальным образом изменила расстановку сил и мотивы действий противоборствующих сторон.

Одним из первых последствий стал успех сторонников Владислава на северо-западе. Знаменитый Александр Лисовский принял сторону королевича, обосновавшись с полком в Красном и Заволочье, и напал на своих товарищей из «воровского» лагеря – отряд Андрея Просовецкого. Потерпев поражение, Просовецкий со своими казаками вступили в соглашение с воеводой правительства Семибоярщины Г. Л. Валуевым и участвовали в осаде Великих Лук. На Рождество 25 декабря 1610 г. 300 стрельцов и казаков великолуцкого гарнизона сдались Валуеву, но были перебиты казаками и запорожцами, а город подвергся разорению. Власть королевича признали Невель и Заволочье. Просовецкий же вскоре ушел со своим отрядом на юго-восток и к 7 февраля 1611 г. вновь занял Суздаль, воеводой которого был в 1608–1610 гг.

Глава 8

ПЕРВОЕ ЗЕМСКОЕ (ПОДМОСКОВНОЕ) ОПОЛЧЕНИЕ (1611–1612)

1610 г., 11 декабря – гибель Лжедмитрия II в Калуге.

28 декабря – патриарх Гермоген начинает рассылать по городам грамоты с призывом к восстанию и освобождению Москвы от поляков.

1611 г., 11 января – последние числа января – войска И. Сумбулова и черкасы осаждают П. Ляпунова в Пронске, но разбиты отрядом кн. Д. М. Пожарского из Зарайска.

1611 г., январь–март – сбор и выступление к Москве «земских ратей» из Рязани, Мурома, Ярославля, Костромы, Галича, Романова, Владимира; бывших «тушинцев» из Калуги и Шацка, вольных казаков из Суздаля и других мест.

Конец января – войска П. П. Ляпунова осаждены в Пронске отрядом русских и черкас И. Н. Сумбулова, но их выручил кн. Д. М. Пожарский из Зарайска.

11 февраля – русско-польский отряд кн. И. С. Куракина атакует Владимир, но отбит от города казаками А. Просовецкого.

Начало марта – русско-польский отряд кн. И. С. Куракина от Киржача атакует Александрову слободу, но вновь отбит.

19–21 марта – восстание в Москве против польского гарнизона; поляки сжигают большую часть города.

25 марта – главные силы земских ратей подходят к Москве с юга.

До 5 апреля – бои у Симонова монастыря; ополчения отражают атаки польского войска, стремившегося разбить его в полевом бою.

Ночь на 6 апреля – ополченцы занимают стены Белого города в его восточной и северной частях, от Яузских до Тверских ворот.

7 июня – войско гетмана Я. П. Сапеги (поляки, служившие у Лжедмитрия II) подходит к Москве на Поклонную гору. Переговоры войска с предводителями земских ратей о переходе его на сторону ополчения заканчиваются неудачей.

21 июня и 2 июля – «сапезинцы» безуспешно атакуют части ополчения в Лужниках и перед Тверскими воротами.

30 июня – «Приговор всея земли», оформивший основные нормы организации Земского правительства, обеспечения ратных людей и судопроизводства.

22 июля – гибель на «казачьем кругу» П. П. Ляпунова. Начало распада Первого ополчения.

24 и 25 августа – войско Салеги и отряд Коссаковского возвращаются к Москве из «загона» под Переславль-Залесский, вместе с гарнизоном отбивают западную часть Белого города и снабжают Кремль продовольствием.

25 или 26 сентября – под Москву прибывает гетман Я. К. Ходкевич с войском из Лифляндии; снабжает гарнизон припасами, занимает Красное село и Спасо-Андроньевский монастырь, загнав ополчение в «таборы» и за стены Белого города.

Ок. 6 октября – рассылка властями Троице-Сергиева монастыря грамот в города с призывом помочь Подмосковному ополчению.

8.1. Воззвание патриарха Гермогена

Отстранение от власти «седьмочисленных бояр» и ситуация безцарствия выдвинули на первое место московской политической сцены главу Русской православной церкви – патриарха Гермогена.

К моменту своего бессмертного подвига патриарх был уже глубоким старцем – ведь он являлся ровесником Ивана Грозного. Происходил Гермоген из донских казаков, а к 1579 г. был уже священником в Казани. В 1587 г. постригся в монахи, вскоре стал главой Казанского Спасо-Преображенского монастыря, а через два года – и епископом Казанской епархии. В 1591 г., после учреждения патриаршества, был поставлен первым митрополитом в Казани. С суровостью и твердостью Гермоген продолжал активную миссионерскую деятельность в этом поволжском крае.

В 1606 г., во время подготовки свадебных торжеств «царя Дмитрия», заявил о незаконности его брака с Мариной Мнишек, если та не примет православия, – за что был заточен в монастырскую тюрьму. После свержения самозванца венчал на царство кн. Василия Шуйского и был избран патриархом. Активно поддерживал царя в борьбе со сторонниками новых самозванцев, предавая их анафеме. Выступил против свержения Шуйского и не признал действительным его насильственный постриг в монахи.

Вначале в альтернативу Владиславу патриарх предложил кандидатуру Михаила Федоровича Романова, а затем поставил обязательным условием венчания на царство королевича переход его в православие. Непреклонно следовал данной линии, запретив москвичам присягать самому Сигизмунду III.

В конце осени 1610 г. и Гермоген, и Ляпунов в Рязани получили подтверждение того, что Сигизмунд и не собирается посылать своего сына в русскую столицу, а стремится лично занять царский трон. Большая часть московского посольства была распущена королем из-под Смоленска. В конце ноября патриарх собрал в Успенском соборе посадских людей Москвы и торжественно заявил о принятом в совете с ними решении «королю креста не целовати»¹.

Резко изменила ситуацию гибель Калужского вора, как теперь называли Лжедмитрия II: он был убит касимовскими татарами, мстившими за казнь своего царя. Таким образом, исчезла угроза победы Лжедмитрия, которая во многом и заставила бояр пойти на призвание Владислава и пропуск поляков в столицу. Получив известие об этом событии, патриарх решился действовать.

Во все концы страны бесстрашные тайные «проходцы» понесли из Москвы патриаршие грамоты, объявлявшие о коварстве Сигизмунда, разрешавшие паству от присяги королевичу Владиславу и содержавшие страстный призыв идти освободить столицу от поляков уже «по нынешнему зимнему пути». Тот единодушный порыв, с которым на обращение Гермогена откликнулись города Русской земли, стал одним из наиболее прекрасных и возвышенных моментов истории преодоления Смуты. Речь теперь шла не о победе сторонников какого-либо царя – война приобретала религиозный смысл, вид всенародного восстания во имя защиты истинной веры и спасения православного государства.

Надо сказать, что патриарх был не одинок в своих взглядах на происходящее и принятое решение было поистине «соборным», очевидным для многих людей. Так, ростовский митрополит Филарет Никитич, глава посольства к королю, тоже рассылал по городам грамоты о замыслах поляков и с призывом «отложиться на время» от Московского государства – пока не был взят под стражу и отвезен с другими знатными послами в Литву. Смоленские помещики в январе 1611 г. составили грамоту, в которой утверждали, что поляки королевича на царство давать и не собирались, а затеяли обманом овладеть Московским государством. Сходные мысли были высказаны в «Новой повести о преславном Российском царстве» (начала 1611 г.), автор которой, из знатных людей, уверенно писал о намерении польского короля покорить все Русское государство и обличал изменников-бояр в пособничестве иноверцам. Обе повести содержали сходные призывы идти освободить

¹ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция. С. 324.

столицу и всю страну, даже не имея от патриарха «словесного повеления и ручного писания» – видимо, воззвания Гермогена были авторам еще не известны².

8.2. Сбор и поход земских ратей к Москве

Одним из первых собрал войско рязанский воевода Прокопий Ляпунов. Энергичный и властный, он давно уже стал серьезной политической фигурой Смутного времени: в 1605 г. переворот в пользу Лжедмитрия I в войске под Кромами, предпринявший падение Годуновых, удался благодаря его усилиям; присоединение его к войску Пашкова, а затем «отъезд» в стан Шуйского сильно повлияли на ход войны с повстанцами в 1606 г.; борьба с «тушинцами» во время осады Москвы обеспечила столице прочную поддержку Рязанщины и помогла царю Василию продержаться до подхода русско-шведской рати. При этом Ляпунов продолжал вести собственную политическую игру: зимой 1609/1610 г. он решил заменить непопулярного царя талантливым кн. Скопиным-Шуйским; после смерти последнего открыто выступил против Василия и инициировал переворот в пользу кн. В. В. Голицына. Однако, свергнув Шуйского, москвичи присягнули Владиславу. Прокопий вначале присоединился к ним, отняв Пронск у «тушинцев» уже во имя королевича, но после смерти Вора обратился к боярам с требованием ясного ответа: ждать ли приезда королевича? Одновременно он заявил о неприятии власти Сигизмунда III и начал очищать рязанские пригороды от сторонников Семибоярщины.

В ответ московские власти попытались подавить его сопротивление всеми возможными силами, обратившись за помощью к Заруцкому, Сапеге, Струсию и черкасам. В поход, правда, выступил лишь воевода И. Н. Сумбулов с русским отрядом и запорожцами Наливайки, которые осадили Ляпунова в Пронске. Неожиданно на выручку «мятежнику» подоспела рать зарайского воеводы стольника кн. Д. М. Пожарского, который разгромил Сумбулова и выручил Ляпунова³. Таким образом, еще до получения воззваний Гермогена рязанцы начали воевать с новой московской властью и собирать войско для похода.

После смерти Вора большая часть верных ему городов присягнула Владиславу, включая правительство в Калуге, во главе с

² Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция. С. 327–330.

³ Там же. С. 334, 335.

кн. Д. Т. Трубецким. Присягнул поначалу и «боярин» И. М. Заруцкий в Туле, который не сумел склонить повстанцев принести клятву на верность только что родившемуся «Маринкиному сыну» – Ивану «Дмитриевичу». Однако восстание Ляпунова и грамоты патриарха Гермогена подвигли бывших «тушинцев» вновь отвергнуть соглашение с Семибоярщиной и присоединиться к общему земскому движению. В перспективе и кн. Трубецкой, и Заруцкий, наверное, рассчитывали получить какие-то выгоды, но в тот момент просто возобладало чувство единения, которое и привело к созданию так называемого «первого подмосковного ополчения».

Особенно ярко это проявилось в одном малоизвестном эпизоде начала освободительного движения, когда член Семибоярщины талантливый полководец кн. И. С. Куракин с русско-польским отрядом направился против восставшего Владимира. Князь Иван, судя по его действиям, видел единственную возможность прекращения Смуты в подчинении России королю Сигизмунду, почему одним из немногих прежних бояр решительно воевал за короля и королевича. Его «полк» атаковал Владимир и был близок к успеху, когда на помощь земцам подоспел от Суздаля казачий отряд Андрея Просовецкого, недавно прибывший из Псковской земли. Куракин был отбит, а среди потерянных им пленных оказался кн. Иван Борисович Черкасский – будущий глава правительства царя Михаила Федоровича. Вскоре войска Куракина неудачно попытались взять Александрову слободу⁴, но затем за недостатком сил ушли в столицу.

Суть событий января–февраля 1611 г. заключается в том, что прямые обязанности временного боярского правительства (ввиду явной королевской «неправды») решили выполнить сами «миры», сообщества служилых и посадских людей в городах и уездах. «Варварский народ» не стал рабски слушать боярских указов из Москвы, на что рассчитывал Сигизмунд III: в считанные дни города договорились о совместных действиях, привычным уже образом собрали и снабдили ратных людей и двинули их в поход. Речь теперь шла не о победе сторонников какого-либо царя – война приобретала освободительный характер, вид всенародного восстания во имя защиты истинной веры и спасения православного государства. Итак, к Москве двинулись следующие рати: «рязанские города и Сивера» с П. П. Ляпуновым из Коломны; бывшие подданные «Дмитрия Ивановича», в том числе и казаки Заруцкого, из Калуги, а из Шацка – полковник-поляк Иван Кернозицкий с мордвой, черемисами, тем-

⁴ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция. С. 349.

никовскими и алаторскими служилыми людьми и татарами; из Мурома с воеводой кн. В. Ф. Литвиновым-Мосальским – «муромцы с окольными городами»; из Суздаля и Владимира воевода А. Измайлов с ратными людьми и атаман А. З. Просовецкий с «волжскими казаками» и черкасами; из Романова, кроме русских людей, местные мурзы и татары; из Нижнего Новгорода – «понизовые люди» (в том числе поместные немцы и литва) с кн. А. А. Репниным; из Костромы, Галича и Ярославля – дворяне с «черными людьми». Таким образом, в ополчение вошли и остатки прежних служилых разрядов русского войска (дворяне и дети боярские, служилые иноземцы и татары, стрельцы и «посоха»), и многочисленные станицы «вольных казаков», и пришлые казачьи отряды с Дона, Волги и Запорожья; общий порыв захватил даже некоторых поляков, остававшихся в России еще со времен Первого самозванца.

Пестрота состава отразилась и на образе действий подходящих к Москве ратей. «Тушинцы», особенно казаки, обычно бились «огненным боем» под прикрытием подвижного обоза: конница их не могла тягаться с польскими латниками; Ляпунов также выступил из Серпухова с «гуляй-городом», но «черные люди» его войска в массовом порядке вооружились и длинными пиками; такое же оружие, пользоваться которым ратники научились еще в войске Скопина-Шуйского, имелось и в поволжских полках. Но, главное, к московским стенам двинулась многочисленная пехота с «огненным боем» и артиллерией, что должно было дать ополчению превосходство в уличных боях над кавалерийским, по преимуществу польским гарнизоном столицы.

8.3. Московское восстание 19 марта 1611 г.

Еще до подхода полков в Москву тайно проникло некоторое количество ратных людей и воевод, в том числе кн. Д. М. Пожарский, для подготовки восстания. К обороне готовился и Гонсевский: в качестве головы Стрелецкого приказа он заранее разослал из столицы по разным городам стрельцов, а затем приказал ставить пушки на ворота и стены Москвы. В Страстной вторник 19 марта 1611 г., когда обстановка была уже накалена до предела, ссора солдат с извозчиками на рынке в Китай-городе привела к кровопролитию и вызвала всеобщее восстание. Конные шляхтичи оказались бессильны в уличных боях, однако «немецкие» мушкетеры полковника Борковского (бывшие солдаты Делагарди, перешедшие к полякам при Клушине) с большим успехом атаковали плохо обученных и воору-

женных горожан. Особенно упорно сопротивлялись кн. Пожарский на Лубянке и Сретенке, стрелецкие слободы у Тверских ворот и в Замоскворечье и И. М. Бутурлин у Яузских ворот. На следующий день поляки, по совету верного Сигизмунду боярина М. Г. Салтыкова, зажгли деревянные строения Москвы, и пожар заставил повстанцев отступить. Огонь уничтожил Замоскворечье, Белый город и вообще почти всю столицу. Восстание было подавлено буквально накануне подхода ополченцев.

8.4. Блокада польского гарнизона Москвы земскими ратями

Уже во вторник, узнав о случившемся, власти Троице-Сергиева монастыря в лице архимандрита Дионисия послали отряд к Москве и воззвали о скорейшем походе Ляпунову и иным воеводам. В среду И. В. Плещеев с передовым полком рязанцев попытался соединиться с москвичами, но был атакован подоспевшей от Можайска польской конницей Струся и отступил, бросив щиты «гуляй-города» и сотни копий. Еще через два дня врагу столь же успешно удалось отразить натиск отрядов Просовецкого из-под Суздаля. Однако, когда в Светлый понедельник (25 марта) под прикрытием сомкнутых «гуляй-городов» подошла вся объединенная рать Земского ополчения (более 10 тыс. человек), отбитые огнем польские латники были вынуждены «сесть в осаду» за стенами Белого города.

«Таборы» земских полков разместились следующим образом⁵. При впадении Яузы в Москву-реку, против Яузских ворот Белого города – Ляпунов с рязанцами; против Воронцовского поля (северо-западнее) – бывшие «тушинцы» Заруцкого и Трубецкого; с севера, против Покровских ворот, к ним примкнули ярославская, костромская и романовская рати; Измайлов с владимирцами – против Сретенских ворот, а Мосальский с муромцами – на правом берегу Неглинки, против Тверских (северо-запад Москвы). Полякам таборы представлялись как единый обоз, «один конец которого упирался в берег Москвы-реки, а другой протянулся к реке Неглинной»⁶.

Скоро ополченцы без особого труда овладели слабо защищенными стенами Белого города (от Яузских ворот до Тверских) и сильно стеснили поляков. Гетман Я. П. Сапега с войском поляков – бывших приверженцев Второго самозванца (5–8 тыс. человек),

⁵ Новый летописец. С. 356.

⁶ Мархоцкий Н. История Московской войны. С. 92.

остановившись 7 июня на Поклонной горе, не пришел к соглашению с вождями Земского ополчения и предпочел прийти на выручку соотечественников. Однако в последующих боях его конница потерпела ряд поражений, после чего гетман присоединил к себе войско Гонсевского (3,5 тыс. человек) и ушел к Переславлю для сбора кормов и захвата добычи. Воспользовавшись ослаблением противника, ополченцы отбили остальную часть Белого города и заперли поляков в Кремле и Китай-городе. В Замоскворечье для перекрытия выхода из столицы были поставлены «острожки» у каменных церквей Святого Климента и Святого Георгия и вырыт ров.

8.5. Совет всея земли

Тем временем было образовано земское правительство. В начальники выбрали П. П. Ляпунова, кн. Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого. Советы ратных людей отдельных полков слились в единый Совет всея земли, содействовавший выработке постановлений: таким образом, в него вошли представители прибывших ратей, а не выборные от сословий и земель. «Приговор» Совета от 30 июня 1611 г. стал программным документом Первого ополчения. Он оформил уже сложившуюся административную систему, построенную по образцу прежней московской: приказы Разрядный, Поместный, Дворцовый, Большого прихода, территориальные Четверти. Подробно оговаривался порядок поместного обеспечения служилых людей «по отечеству», за основу которого брались нормы Васильева царствования, а не совершенно бесконтрольных земельных раздач Лжедмитрия II или Сигизмунда.

8.6. Убийство Прокопия Ляпунова

Однако руководители ополчения не имели достаточного желания, воли и возможности провести в жизнь принятые решения. Слишком разные идеалы и стремления владели бывшими противниками, что не замедлило проявиться. Едва наступило затишье в боях, казаки снова принялись разбойничать в окрестностях Москвы, захватывать селения «на приставства» и оказывать неповиновение властям.

Ляпунов – недавно лишь городской дворянин, ставший полновластным наместником Рязанского края и уже привыкший принимать решения о судьбах царей. Властью и произволом он нажил себе врагов как среди дворян, которых бесчестил, ли-

шал поместий и даже убивал, среди казачества и даже среди посадских людей Рязанской земли⁷. После принятия упомянутого приговора «всей земли», когда Прокопий явно принял сторону дворянства, казаки увидели в нем своего врага и задумали расправиться с ним. По справедливому замечанию А. Л. Станиславского, приговор не касался вопроса о «разборе» казаков и не содержал угрозы возвращения всех показавшихся беглых прежним хозяевам, так что возникший конфликт не имел какого-то «классового», «антикрепостнического» характера⁸ – скорее, он был вызван взаимным озлоблением и ожесточением сторон, а также соперничеством Ляпунова и Заруцкого. «Вольных людей» возмутило письмо, говорящее о замыслах Ляпунова «побить» их под Москвой и по городам (оно было подделано и подослано Гонсевским)⁹, а также намерение его подчиненного, воеводы Плещеева казнить пойманных на «воровстве» 28 казаков, которых отбили их товарищи¹⁰. Для разбирательства Прокопий был приглашен на казачий круг, с обещанием не причинять ему зла. Однако здесь Ляпунов, по своему обычаю, держался весьма высокомерно и властно, много оправдывался и препирался с казаками. Все это вызвало взрыв ярости у вольных людей, и они, возможно, послушав наущения Заруцкого и иных врагов думно-го дворянина, изрубили его.

8.7. Распад Первого ополчения

Переход всей власти к Заруцкому и Трубецкому спровоцировал жестокие распри в ополчении и его фактический распад. «Вольные люди», почувствовав себя хозяевами положения, стали издеваться над дворянами и иными ратниками земских полков. Грабежи и прямая угроза жизни вынудили многих из них покинуть таборы. Административный аппарат принял на себя только заботу об обеспечении казаков. Кроме того, Заруцкий открыто вернулся к идее утверждения на престоле очередного самозванца – на этот раз сына Марины Мнишек Ивана Дмитриевича, родившегося в Калуге в конце 1610 г. При слухе об этих замыслах патриарх Гермоген уже в августе отослал в Нижний Новгород грамоту, про-

⁷ *Зенченко М. Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: С. 147–148.

⁸ *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 36–41.

⁹ *Мархоцкий Н.* История Московской войны. С. 94.

¹⁰ *Новый летописец.* С. 360–361.

клинающую «воренка», запрещающую городам ему присягать и, наоборот, призывающую «против его стояти единомушно». В итоге к ноябрю под Москвой почти не осталось дворян, и вся тяжесть борьбы с польским гарнизоном легла на одних казаков.

Гибель Ляпунова стала только первой бедой: вскоре пришли известия о падении Смоленска и Новгорода, а затем последовали поражения ополченцев. Вернувшись из-под Переславля-Залеского, челядники осажденных поляков пробились в Кремль через Замоскворечье, а затем совместным ударом Гонсевский и Сапега отбили западную часть Белого города (от Никитских ворот до Москвы-реки). Блокада была прорвана. Гетман Сапега вскоре умер, но его отряды еще долго носили название «сапежинцев».

В конце сентября с боеспособным, но малочисленным (2 тыс. человек) и исключительно конным войском из Лифляндии подошел к столице литовский гетман Я. К. Ходкевич. Он овладел Красным селом и Спасо-Андронниковым монастырем, загнав казаков в таборы и отрезав им дороги на юг и восток. Ополченцы сами оказались в роли осажденных, стали подходить к концу запасы пороха, а надежда на помощь извне таяла с каждым днем.

В этих условиях Трубецкой обратился к властям Троице-Сергиева монастыря с просьбами о помощи и о посылке новых грамот в города Московского государства: авторитет знаменитой обители был несравненно выше, чем у Подмосковного правительства. По мнению ряда историков (Д. И. Иловайского, В. О. Ключевского, Д. Скворцова), одна из этих грамот архимандрита Дионисия, попав в Нижний Новгород, и побудила к созданию Второго ополчения. Однако расчеты П. Г. Любомирова и показания источников о деятельности К. Минина не подтверждают данный тезис¹¹. После гибели Ляпунова закончился краткий миг единения русских земель: государство вернулось к прежнему состоянию вынужденной автономии различных областей. В каждой из них вопрос об отношении к будущему страны, который осмысливался прежде всего через выбор кандидатуры царя, решался по-своему.

¹¹ Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 47–51.

Глава 9

СОБЫТИЯ СМУТЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ (1608–1612)

1610 г., 4 июля – бой под Корелой; неудачная попытка корелян разбить шведов на подходе к городу.

1610 г., август – 1611, 2 марта – осада шведами Корелы.

1611 г., 23 марта – жители Ивангорода присягают «царю Дмитрию» (Лжедмитрию III).

Апрель–май – ему же присягают Гдов, Ям и Копорье.

8 июля – 23 августа – неудачная осада его войском Пскова.

16 июля – штурм и взятие Новгорода войсками Я. П. Делагарди: начало открытой шведской интервенции в России.

31 августа – 7 октября – неудачная осада Пскова шведским отрядом Э. Горна.

Август – середина сентября – осада и взятие Ладоги (на имя королевича Карла-Филиппа) новгородско-шведским войском В. Ф. Клепик-Бутурлина и К. Сланга.

Осень – Тихвинский посад и монастыри «целуют крест» королевичу Карлу Филиппу.

4 декабря – псковичи «целуют крест» Лжедмитрию III и делают набеги на ливонские земли.

1612 г., февраль–май – оборона Псково-Печорского монастыря: неудачные приступы польско-шведского отряда А. Лисовского (10.02) и отряда из войска гетмана Ходкевича (10.03); неудачная осада монастыря Ходкевичем (17 или 24.03–11.05).

Апрель – после полугодовой осады шведам сдается Орехов.

Май – Порхов присягает Лжедмитрию III.

20 мая – Лжедмитрий III схвачен псковичами и отправлен в Москву, где казнен.

3–18 июня – осада Копорья войском Э. Горна; при известии о гибели «Дмитрия» гарнизон целует крест королевичу Карлу-Филиппу и сдается.

После 18 июня – сдача шведам и новгородцам крепости Ямы.

28 июня – 3 декабря – осада Ивангорода Э. Горном; голод принудил горожан сдаться на присягу Карлу-Филиппу.

Начало июля – захват и разграбление запорожцами Тихвинского монастыря и посада с собранной казной для новгородского правительства.

10 июля – взятие Гдова Э. Горном.

Конец июля или начало августа – бой под Псковом со шведами.

Август – Порхов целует крест королевичу Карлу-Филиппу.

9.1. Начало шведской интервенции на северо-западе России

Отдаленность от центра и внешнеполитические причины долго изолировали политическое развитие северо-запада России – «Новгородского и Псковского государств» – от остальной страны. Еще в 1608 г. Псков с пригородами, Ивангород, Копорье, Корела и иные крепости присягнули Лжедмитрию II, что послужило началом гражданской войны и в этом регионе. Зимой 1609 г. Скопин-Шуйский посылал отряды на Псков, вынудив псковичей «сесть в осаду». Шведские подразделения, вступив в Ижорскую землю, немедленно атаковали крепости противников Шуйского, осадив Копорье и Ивангород. Они следовали и союзному договору, и тайным инструкциям своего правительства, стремившегося закрепиться здесь под предлогом борьбы с Самозванцем. Не исключено, что сопротивлявшиеся им воеводы имели тайные указания и от царя Василия своих городов шведам не сдавать. Во всяком случае, стрельцы Корелы продолжали получать жалованье из Москвы и в ноябре 1608 г., а после смерти Скопина кореляне стали отказываться сдать город шведам на основании того, что их договор с кн. Михаилом потерял силу – хотя формально вообще считали себя подданными Дмитрия Ивановича¹.

Ситуация стала серьезно меняться после поражения под Клушином и свержения Шуйского. Деллагарди, прибывший с остатками наемников под Новгород, после долгих колебаний возобновил боевые действия – но уже не в силу прежнего договора: «Ведь в это время, когда повсюду проявлялись вероломство и московитская неблагодарность, а враги захватывали все, что попадалось, не было уже иного средства поправить шведские дела в Московии и получить вознаграждение за оказанные услуги, как искать своего права там, где это всего выгоднее»². Одновременно он приказал

¹ Подробнее о Смуте в северо-западных землях в 1608–1610 гг. см.: *Рабинovich Я. Н.* Малые города северо-запада России в Смутное время. С. 55–76.

² *Видекинд Ю.* История шведско-московской войны XVII века. С. 137.

захватывать все товары русских купцов для уплаты «долга» наемникам. Отряд П. Делавиля (3 роты французов) захватил Ладогу, окончательно перерезав торговый путь по Волхову, а сам Делаварди осадил Корелу³.

Тем временем в Новгород из Москвы, от имени Семибоярщины и королевича Владислава прибыл боярин И. М. Салтыков – с дворянами, вольными казаками и московскими стрельцами. Он привел жителей к присяге Владиславу, а затем отбил Ладогу, открыв боевые действия со шведами от имени нового правительства⁴. Со стороны «тушинцев» изгнанный из Суздаля Лисовский пришел под Ям и начал боевые действия в тылах шведского осадного корпуса, осаждавшего верный Лжедмитрию II Ивангород. Э. Горн разбил этот отряд, но осенью 1610 г. бунт шведских наемников привел к снятию осады.

На призыв Гермогена и Ляпунова о создании ополчения в помощь Москве живо откликнулись и новгородцы. Они казнили воеводу Салтыкова и начали сбор рати, войдя в соглашение с окрестными городами. Одновременно начались переговоры с Делаварди: тот потребовал уплаты денег и территориальных уступок и предложил на русский престол кандидатуру одного из шведских принцев (по собственной инициативе), а новгородцы и представители Первого ополчения проявили заинтересованность в мире и союзе со Швецией против Польши и помощи новыми наемными отрядами. Однако с прибытием в Новгород представителя Земского правительства – В. И. Бутурлина – выявились и противоречия между вождями ополчения и новгородцами. Первые соглашались на уступку в залог шведам Ладоги и Орехова, о чем новгородцы слышать не хотели.

Тем временем шведы наконец заставили сдать последних защитников Корелы, которых к концу осады (2 марта 1611 г.) оставалось около 100 человек⁵. С оружием и имуществом они были выпущены в Ладогу, недавно освобожденную от французов Делаварди.

³ Там же. С. 142.

⁴ Мезин С. А., Рабинович Я. Н. Пьер Делавиль и его сочинение о Смутном времени // Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2008. С. 111–123; Селин А. А. Ладога при Московских царях. СПб., 2008. С. 41–50.

⁵ Подробнее: Рабинович Я. Н. Малые города северо-запада России в Смутное время. С. 77–96.

вила. Теперь у Я. П. Делагарди были развязаны руки для овладения Новгородом, и по окончании весенней распутицы он с новым войском вновь прибыл к этому городу, остановившись у Спасо-Хутынского монастыря. 23 июня 1611 г. Совет всея земли принял решение о поддержке одного из сыновей Карла IX в качестве кандидатуры на царский престол. Новгородцы снова отвергли условия нового русско-шведского союза, возмущившись согласием Земского правительства передать Швеции Ладугу и Орешек, и подготовили альтернативный проект – менее выгодный для Швеции. Тогда Делагарди принял решение захватить город.

9.2. Штурм и взятие Новгорода шведами 16 июля 1611 г.

Выше города на берегу Волхова Делагарди поставил один полк и собрал множество лодок, демонстрируя фальшивую атаку⁶. Сам же с основными силами в ночь на 16 июля атаковал Чудиновские ворота Софийской (западной) стороны Новгорода. Петарда, подведенная к ним, была выведена из строя, и только благодаря изменнику – боярскому холопу Ивашке Швалю – шведы проникли в город. Начались уличные бои, пожар и общая паника. Войска В. И. Бутурлина после непродолжительного сопротивления бежали на Торговую сторону, а оттуда отступили к Ярославлю. До последнего бились только некоторые герои: стрелецкий голова Василий Гаутин, дьяк Афиноген Голенищев, дворянин Василий Орлов, атаман Тимофей Шаров со станицей (40 казаков); протопоп собора Святой Софии Амос с соратниками отбивался в своем дворе, пока шведы не сожгли дом вместе с защитниками⁷. Противник был остановлен только стенами детинца.

Учитывая ограниченные возможности к сопротивлению, власти Новгорода в лице боярина и воеводы кн. И. Н. Одоевского и митрополита Исидора заключили перемирие с Делагарди, а затем и договор от имени Новгородского государства и шведского короля. Договор подтверждал условия Тязвинского 1595 г. и Выборгского 1609 г. соглашений, но вместе с тем признавал Карла IX покровителем России. Он предусматривал временную передачу управления Якобу Делагарди – до прибытия шведского принца, –

⁶ Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 176–178.

⁷ Новый летописец. С. 361–362.

сохранение старых порядков в управлении и судопроизводстве, неприкосновенность православной религии и союз против Польши. Приветствовалось присоединение к договору «Московского и Владимирского государств», но в целом падение Новгорода влекло за собой отрыв этой земли от общего земского движения.

Делагарди приложил все усилия для удержания завоеванной таким образом земли прежде всего мирными способами⁸. Управление осуществлялось по русским законам новгородской администрации, которая только дублировалась «немецкими» чиновниками. Налоги, собиравшиеся по писцовым книгам, были поначалу невелики, а деньги на жалованье наемникам стали добывать путем так называемой «порчи монеты» – чеканки облегченных денег на Новгородском монетном дворе. Симпатии дворянства привлекались путем щедрых земельных пожалований от имени королевича.

В военном отношении особое положение новгородцев выразилось в их участии совместно со шведами в боевых действиях против противников последних, и прежде всего против отрядов так называемого Лжедмитрия III.

9.3. Лжедмитрий III

Лжедмитрий III, по одним сведениям – «Матюшка роздьякон», а по другим – «Сидорка», – был выдвинут бывшими соратниками Второго самозванца. Они вновь объявили его спасшимся – на этот раз из Калуги, – но подальше от прежних мест деятельности, в Ижорской земле. Жители Ивангорода, недавно избавленные от осады, хлебом-солью встретили государя, за которого сражались против шведов больше двух лет; следом за ними крест «Дмитрию» целовали Гдов, Ям и Копорье⁹. Собравшись с силами, самозванец попытался овладеть Псковом, но город вначале его не пропустил. Приближение шведско-новгородского отряда Э. Горна заставило повстанцев бежать ко Гдову; псковичи же выдержали осаду и этого войска. Однако они остались без надежды на помощь Москвы и в окружении враждебных городов, поэтому предпочли впустить

⁸ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.

⁹ Рабинович Я. Н. Малые города северо-запада России в Смутное время. С. 129–152.

самозванца и присягнуть ему – чтобы уже далее с именем Дмитрия сопротивляться шведской интервенции.

Великое разорение теперь докатилось и до северо-западных земель России. Кроме организованных войск, здесь бродили разрозненные казачьи станицы, банды мародеров из шведской и польской армий в Лифляндии. В начале июля 1612 г. неизвестный отряд запорожцев захватил и разграбил Тихвинский посад и монастыри, причем были изувечены и убиты настоятель Успенской обители и многие монахи, а оклад и украшение содрали даже с чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери. Для очищения монастыря из Новгорода немедленно отправились финская конная рота ротмистра Ф. Стрюйка и даже личный рейтарский корнет Делгарди (лейтенант Э. Бёрессон), причем деньги на корм рейтарам были срочно собраны новгородскими монастырями¹⁰.

С другой стороны, дезертиры и черкасы Лисовского, а затем войска Ходкевича многократно пытались овладеть богатым Псково-Печерским монастырем; атаман Просовецкий, соединившись с воеводой боярского правительства Г. Валуевым, захватил и разорил Великие Луки. На фоне всего этого осадный корпус Э. Горна с конца 1611 по декабрь 1612 г. методично стеснил и принудил к капитуляции на имя королевича Карла Филиппа большинство крепостей Новгородской земли за исключением Пскова¹¹.

¹⁰ Рабинович Я. Н. Малые города северо-запада России в Смутное время. С. 172–174.

¹¹ Там же. С. 156–168, 177, 206–216.

Глава 10 ВТОРОЕ (НИЖЕГОРОДСКОЕ) ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ (1611–1612) И ЗЕМСКОЙ СОБОР 1613 г.

10.1. Идеология борьбы Земских ополчений

«Безгосударное время» 1610–1613 гг. вызвало кризис привычной, традиционной мотивации вооруженной борьбы русских людей. Если прежде ратники сражались за царя и одерживали победы «его государевым счастьем», то теперь не только царей, но и общепризнанных вождей, и даже патриархов не осталось в живых или на свободе (патриарх Гермоген умер в тюрьме, видимо, от голода 17 февраля 1612 г.). В торжественных крестных целованиях городов обычной стала фраза: «И стояти на том крепко до тех мест, кого... даст Бог на Московское государство государя» и выбирать царя «всей землей», и служить тому, «кто будет на Московском государстве».

В отсутствие царя особенно значимыми становились для земских ратников другие – чисто церковные святыни. Уже при защите Троицы ясаком (боевым кличем – паролем) ее защитников стал «Сергиев!», вместо, видимо, обычного «Царёв!». Казанская рать принесла с собой под Москву Казанскую икону Божьей Матери (июль 1611 г.), и наутро после ее торжественной встречи ополченцы взяли приступом Новодевичий монастырь. Вообще, тогда говорили, что «земля соединилась, и бои у всех людей Московского государства с литовскими людьми за веру»¹.

В таборах и по городам распространялись многочисленные списки чудесных «видений» благочестивым людям (во Владимире, Нижнем и Великом Новгороде), где от имени Господа Бога

¹ Цит. по: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 62.

и святых звучал призыв к подвигу во имя очищения Московского государства². По одному из таких свитков в подмосковных таборах и некоторых городах «был пост три дня и три ночи, не только что старые и юные, но и младенцам, которые у сосцов материнских, не давали есть, так что многие младенцы помирали с того поста»³. Популярными советскими историками старательно умалчивалось свидетельство, что подобное же видение подвигло к деятельности и вождя Второго (Нижегородского) ополчения Козьму Минина.

10.2. Козьма Минин

О нем известно немного: торговый человек Нижнего Новгорода, который имел лавку в Мясном ряду, а раньше «бывал служилым человеком». По рассказу Минина Троицкому архимандриту Дионисию, где-то в августе 1611 г. ему стал являться во сне преподобный Сергей Радонежский с повелением собирать казну, наделять ею ратников и идти на очищение Московского государства. Не видя возможности к этому и не особо доверяя видению, практичный Козьма трижды положил его «ни во что», пока не был наказан временной болезнью за такое небрежение. С началом нового года (1 сентября) он был выбран земским старостой Нижегородского посада и получил реальную возможность для проповеди.

Первые усилия были направлены на сбор казны для ратных людей. Сначала посадские люди по примеру Минина принесли добровольные пожертвования; затем, по приговору «всего града за руками», был введен обязательный сбор с посадских людей (так называемая «пятая деньга»), а также с уезда и с монастырей; позже прибегли и к крупным принудительным займам (в частности, у Строгановых). Для Нижнего Новгорода, постоянно снаряжавшего войска и собиравшего деньги на ратных людей, это была великая жертва. Что же касается надежного воинского отряда, то такой в этот момент как раз оказался недалеко от города.

² Повести о чудесных видениях в Нижнем Новгороде и Владимире; Повесть о видении мнху Варлааму в Великом Новгороде // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени (РИБ. Т. 13). СПб., 1909. Стб. 235–248.

³ Новый летописец. С. 363.

*Экскурс 10.
Служилые люди «смоляне»*

Смоленская земля в начале XVII в. выставляла довольно крупный и боеспособный воинский отряд: до 1200 дворян и детей боярских (не считая вязьмичей и дорогобужан) и с полторы тысячи стрельцов. Смоляне холодно отнеслись к Первому самозванцу; в 1606 г., выбрав в головы из своей среды сына боярского Г. М. Полтева, очистили от болотниковцев земли к западу от Москвы и внесли большой вклад в дело победы над повстанцами. В 1609 г. они серьезно усилили войско Скопина-Шуйского, а когда поляки осадили их город, остались в полках кн. Михаила – ведь если все Московское государство очистится, то и Смоленску легче будет помочь. Когда же после распада Тушинского лагеря ратных людей распустили по домам до весны, смоляне двинулись в поход на Старицу и Волоколамск в передовых полках: им возвращаться пока было некуда. После Клушина и свержения царя Василия смоляне целовали крест Владиславу и вернулись в свои дома, горячо поддержав замысел унии двух государств. Однако затягивание переговоров с московским правительством, продолжение осады Смоленска и отказ прислать на царство королевича лишили их каких-либо иллюзий по этому поводу.

При известии о восстании в Москве и ее осаде земскими ратями король собрал смоленских и иных ближайших уездов детей боярских и стрельцов и направил их с небольшим литовским отрядом на выручку столичного гарнизона. Пожалованный королем в бояре И. Н. Салтыков возглавил это войско и выступил в поход, но по сговору со смолянами перебил литовский отряд и заявил о переходе на сторону Подмосковного ополчения (апрель 1611 г.). Помещики всех западных уездов страны потребовали от короля, чтобы он ушел из-под Смоленска, иначе будет перебит столичный гарнизон, «и твою землю литовскую будем пустошить, как и ты нашу!» В отместку король послал целые роты своей конницы разорять дворянские поместья. Смоляне же присоединились к войскам кн. Ф. П. Барятинского (Брянск), который вместе с путивлянами Юрия Беззубцева выступил для деблокады Смоленска в мае 1611 г. Весть о падении крепости застала их в разгар похода⁴.

⁴ *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 356–358.

Летом земское правительство приняло решение испоместить этих дворян и детей боярских в дворцовых волостях: смолян – в Арзамасе, а вязьмичей и дорогобужан – в Ярополче. Однако под влиянием агитации Заруцкого местные мужики ополчились, не позволив дворянам «себя делить», и ратные люди отошли, «в бедах суши и в скудости мнозей ходяще, а христианом насилия не чиняще». Двухтысячный отряд этих опытных бойцов, искренне настроенных на борьбу и с «литвой», и с «воровскими казаками», лучше всего подходил на роль костяка нового ополчения. В конце октября смоляне, вязьмичи и дорогобужане прибыли в Нижний Новгород – одновременно с новым воеводой.

10.3. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский

По согласному признанию современников и историков, кн. Дмитрий выделялся на фоне военачальников периода Смуты не столько воинским искусством, сколько честностью, верностью, храбростью и иными высокими нравственными качествами. «Честный муж, кому заобычно ратное дело... и который во измене не явился» – так отзывались о нем.

Кн. Дмитрий происходил из знатного рода князей Стародубских. В годы Опричнины дед его подвергся государевой опале, а отец так ни разу и не стал воеводой. Правда, родство с кн. Беклемишевым и знаменитыми дьяками Щелкаловыми должно было поправить дела самого Дмитрия. С 1605 г. стольником он участвовал в военных событиях Смуты, а осенью 1608 г. впервые был назначен воеводой и очистил от «воров» Рязанскую дорогу. Через год с отрядом дворян Пожарский снова побил «тушинцев», теперь уже на Владимирской дороге. Воевода был награжден вотчиной, в жалованной грамоте на которую было отмечено: «На воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо безо всякой шатости».

Назначенный воеводой в Зарайск, он снова проявил указанные качества. Вначале Пожарский не поддержал движение Ляпунова против царя Василия, затем сумел подавить восстание посадских людей за «царя Дмитрия» (Лжедмитрия II) и привести их к крестному целованию: «Будет на Московском государстве по-старому царь Василий, ему и служить, а будет кто иной, и тому так же

служить». Вскоре кн. Дмитрий поддержал борьбу Ляпунова против сторонников Лжедмитрия II, а затем против пропольского московского правительства, разбив запорожцев И. Сумбулова под Пронском и Зарайском. Весной 1611 г. он, видимо, не случайно оказался в Москве во время восстания, отличился во время боев на Лубянке, в ходе которых и был серьезно ранен. Осенью князь лечился от ран в своей вотчине в селе Мугрееве Суздальского уезда, «от Нижнева 120 поприщ», где его и нашли посланцы нижегородского «мира». После долгих и обстоятельных переговоров Пожарский принял на себя обязанности военного руководителя ополчения, а в помощь ему по части сбора и расходования казны поставили опытного торгового человека – «выборного человека» Козьму Минина. Не последнюю роль в том, что стольник все же согласился с доводами нижегородского старосты, мог сыграть тот факт, что в Святом Крещении князь тоже был наречен Косьмой⁵ – и столь необычное «совпадение» должно было вдохновить его как *знамение* свыше⁶.

10.4. Формирование Нижегородского ополчения и боевые действия до овладения Ярославлем (1611–1612)⁷

1611–1612 гг. – Второе земское ополчение.

1611 г., 1 сентября – начало деятельности Козьмы Минина в Нижнем Новгороде.

26 октября – смоляне выступают из-под Арзамаса в Нижний Новгород по приглашению его властей.

К 27 октября – «сапежинцы» уходят из-под Москвы к Суздалию.

К 4 ноября – войско Ходкевича уходит из-под Москвы в Тверской у. (с. Рогачево).

26 ноября – отряд «сапежинцев» под началом Будилы занимает Ростов, а через месяц туда же стягиваются их основные силы.

1612 г., сер. февраля – кн. Д. П. Лопата-Пожарский овладевает Ярославлем, выбив оттуда казаков Заруцкого до подхода войска Просовецких.

17 февраля – гибель патриарха Гермогена, умеренного голодом в московской тюрьме.

⁵ Как правило, представители служилой знати имели два имени – крестильное, известное только им и священнику, и «прозвище», по которому их знали все.

⁶ Эскин Ю. М. Завещание князя Дмитрия Пожарского. С. 143–157.

⁷ Ср.: Любимиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 66–93.

3 марта – подмосковные таборы присягают Псковскому вору (Лжедмитрию III).

Март – начало апреля – поход Нижегородского ополчения к Ярославлю.

6 июня – Заруцкий и Трубецкой присылают в Ярославль с повинной о присяге Псковскому вору.

Первые организованные отряды в Нижнем Новгороде составили нижегородские и уже упомянутые смоленские служилые люди. Воеводы и окладчики кропотливо провели «верстание», распределив ратников по «статьям» с окладами от 15 до 30 рублей, да сверх того выдали по 15 рублей всем независимо от оклада. Такие невиданные во всю Смуту крупные и массовые выплаты позволили обнищавшим служилым людям обновить вооружение и конский состав и привлекли в войско большое количество других опытных воинов. Хорошее разовое денежное жалованье, месячные кормовые деньги (в том числе и на лошадей), а вскоре – и раздача поместий и придач «за службы» создали благоприятный моральный климат в войске, удерживая его от мародерства на своей же земле – не случайно казаки подмосковных таборов с ненавистью называли ратников Пожарского «богатими».

Вместе с тем отряд западных наемников, предложивший свои услуги кн. Дмитрию, получил знаменитый ответ: «Да и наемные люди из иных государств нам теперь не надобны: до сих пор мы с польскими людьми не могли сладить, потому что государство Московское было в розни, а теперь все Российское государство избрало за разум, правду, дородство и храбрость к ратным и земским делам стольника и воеводу князя Дмитрия Михайловича Пожарского-Стародубского, да и те люди, которые были в воровстве с польскими и литовскими людьми, стали теперь с нами единомышленно, и мы польских и литовских людей побиваем и города очищаем: что где соберется доходов, отдаем нашим ратным людям, стрельцам и козакам, а сами мы, бояре и воеводы, дворяне и дети боярские, служим и бьемся за Святые Божии церкви, за Православную веру и свое Отечество без жалованья... Так, уповая на милость Божию, оборонимся и сами, без наемных людей».

Создатели Второго ополчения подошли к своему делу с большой трезвостью и расчетом и поэтому смогли избежать роковых ошибок своих предшественников. Такой же неторо-

Князь Д. Т. Трубецкой. *Литография XIX в.*

пливостью и практичностью характеризуется и весь поход Пожарского и Минина «на очищение Московского государства».

10.4.1. Поход Второго ополчения к Ярославлю (1612)⁸

Скорое выступление – по вестям о взятии Ростова «сапежинцами» и уходе войск Ходкевича из-за голода от Москвы под Тверь – пришлось отложить. Польский гарнизон в декабре и январе получил большие запасы продовольствия, а с другой стороны подмосковные казачьи таборы вступили в сношение с Псковским воеводой (Лжедмитрием III). Тем временем ополчение продолжало усиливаться за счет старых соратников Ляпунова и Пожарского – коломничей, рязанцев и иных «украинных городов... кои сидели на Москве при царе Василье». По требованию земских вождей, из северных и понизовых городов в Нижний повезли денежную казну для новых выплат.

С бунтом части польского гарнизона и уходом поляков из Ростова очистился путь из Москвы на Ярославль, что позволило Заруцкому послать казаков для захвата этого города. Второе ополчение приняло этот дерзкий вызов, и в середине февраля передовой отряд кн. Д. П. Лопаты-Пожарского отбил у «воров» город – ключ к поморским городам. Торжественный поход главных сил земской рати в Ярославль через Балахну, Юрьевец и Кострому закончился в начале апреля.

10.5. Деятельность правительства кн. Пожарского и Минина в Ярославле

Здесь ополчение обосновалось на четыре месяца⁹. В это время главной задачей его было очищение и умиротворение Русской земли, а основным противником Пожарского являлись не поляки, а казаки Трубецкого и Заруцкого, которые 2 марта принесли присягу «псковскому вору Сидорке» и этим окончательно себя

⁸ Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 94–105.

⁹ Там же. С. 106–145.

дискредитировали. Земские отряды освободили Суздаль, Пошехонье, Углич, Переславль-Залесский; власть Второго ополчения постепенно признала большая часть крупных городов Центральной России, что лишило подмосковные таборы основного земельного и денежного фонда. Не только дворяне, но и казаки устремились в Ярославль: к июню там числилось уже 18 атаманов со станицами «из полков из-под Москвы». Разоблачение нового Вора и раскаяние подмосковных ополченцев в присяге ему Пожарский снова обратил себе на пользу, известив о всех преступлениях казаков еще поддерживавшие их «Украинные города». Заруцкий даже подослал убийц к кн. Дмитрию, но покушение не удалось, и при приближении к Москве передовых отрядов Нижегородского ополчения он с верными казаками (ок. 2,5 тыс. человек) был вынужден бежать в Коломну, а оттуда в Михайлов.

Тем временем в Ярославле было создано новое правительство и представительный Совет всея земли; начал функционировать ряд приказов, в том числе Разрядный, Поместный, Посольский, Дворцовый, Сибирский и Казанского дворца, а также Денежный двор. Был налажен сбор налогов, таможенных и других доходов, началось массовое испомещение беспоместных служилых людей на дворцовых землях, в города назначались новые воеводы и дьяки. От имени Всея земли велись дипломатические сношения. Так, для нейтрализации возможных действий шведов вожди ополчения пообещали признать царем принца Карла-Филиппа – как только он приедет в Новгород и примет православие. Кроме того, удалось отправить грамоту к австрийскому императору с просьбой о посредничестве и изложением «неправд» короля Сигизмунда.

Летом силы ополчения могли достичь 20 тыс. человек, в том числе в «полковой службе» тысяча стрельцов, 3 тыс. казаков и до 10 тыс. дворян и детей боярских, служилых иноземцев, татар и др. Только при известии о подходе свежего войска из Литвы к гетману Ходкевичу и приближении его к Москве Пожарский наконец двинул к столице и свою рать.

10.6. Поход нижегородского ополчения к Москве и «Ходкеев бой» 22 и 24 августа 1612 г.

26 июня – выступление ополчения из Ярославля.

3 августа – передовой отряд М. С. Дмитриева (400 человек) подходит к Белому городу, установив «острожек» между Тверскими и Петровскими воротами.

12 августа – отряд кн. Д. М. Лопаты-Пожарского (700 человек) ставит «острожек» между Тверскими и Никитскими воротами.

14 августа – основные силы Пожарского подходят к Троице-Сергиеву монастырю.

20 августа – основные силы Пожарского подходят к Москве.

22 и 24 августа – сражения в Москве; отряды обоих ополчений отражают попытки гетмана Я. К. Ходкевича помочь осажденным в Кремле полякам.

10.6.1. Благословение архимандрита Дионисия

Отправляясь в столь ответственный поход, кн. Дмитрий Михайлович серьезно отнесся к его духовному благословению. Встретив возвращавшихся из-под Москвы «низовых» ратников, он взял у них чудотворную Казанскую икону Божией Матери, отправив в Казань сделанный по его повелению список. На пути к столице князь покинул полки и завернул в Суздаль, в Спасо-Евфимьев монастырь – поклониться могилам своих родителей. Подобно Скопину-Шуйскому, Пожарский на несколько дней остановил войска у Троицкого монастыря, чтобы ратники благословились у мощей преп. Сергия.

18 августа поход возобновился, и троицкий архимандрит Дионисий «с братьею» вышли «на провожение воинства» на гору Волокушу – место, обильное политое кровью защитников монастыря четырьмя годами ранее. Теперь же его настоятель осенял крестом, а «весь освященный собор» кропил святой водой ратников, шедших освобождать от врага Москву и все государство. Только одно смущало сердца земских воинов: как позже рассказывал сам князь Пожарский, дул сильный противный ветер: «едва мочи сидети на конех», – а это считалось тогда недобрый предзнаменованием. Дионисий как мог утешал войско, увещевал «на Содетеля уповати, и Богородицу во устех своих именовати, и чудотворцев беспрестанно на помощь призывати». И как только он осенил рать крестом в последний раз (уже вослед), ветер внезапно переменился и подул

ей прямо в тыл «от самых обители, и от церкви Святыя Троицы, от чудотворных мощей преподобного Сергия», что вселило в сердца воинов уверенность в победе. «И не пременился той ветр, дондеже Московское государство милостью Божьею очистится»¹⁰.

10.6.2. Битва под Москвой

По оценкам П. Г. Любомирова и Г. Н. Бибикова¹¹, силы Второго ополчения в этой битве не превышали 6–7 тыс. человек: в скорый поход князь Дмитрий взял только наилучшим образом вооруженных, снаряженных и опытнейших воинов. Даже 2,5 тыс. казаков кн. Д. Т. Трубецкого, отчасти враждебно настроенных к этим «богатим» ратникам, могли представлять для них серьезную опасность. Всего из Ярославля пришли: около тысячи стрельцов и 17 казачьих станиц (примерно 1,5 тыс. человек) – в основном пехота с «вогненным боем»; дворянские и татарские сотни, а также рота «служилых немцев» Петра Хмелевского, которые составляли конницу. С двумя передовыми воеводами «наспех» пришло к столице всего 1100 человек – видимо, большая часть «доброконных» и «оружных» помещиков из всей рати (по обычаю, именно такие составляли авангард или ертаул); многие всадники вряд ли смогли прийти «одвуконь» со всем нужным снаряжением и представляли скорее аналог прежних «пищальников» – детей боярских на «меринке», вооруженных саблями и пищальями. Неудивительно, что князь Пожарский тщательно скрывал реальное состояние и размеры своего войска от иноземцев, прибывших к нему из Архангельска с предложением услуг¹². Крупные и именитые полководцы того времени не пошли под начало Пожарского, несмотря на приговор «быть всем без мест», так что его младшие воеводы не обладали громкой славой, а были либо старыми служаками (как М. С. Дмитриев), либо родственниками командующего (как князя Д. П. Лопата-Пожарский и И. А. Большой Хованский).

¹⁰ *Наседка И.* Житие и подвиги преподобного отца нашего архимандрита Дионисия. С. 54–56.

¹¹ *Бибилов Г. Н.* Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. под Москвой // Изд. М., 1950. Т. 32. С. 173–197; *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 116–118.

¹² Там же. С. 147, 149.

Противоположностью в этом смысле является их главный противник – литовский вельможа Ян Кароль Ходкевич. Ученик великих полководцев Замойского и Жолкевского, он приобрел богатейший опыт в походах начиная с 1579 г. Самую громкую славу ему принесли победы в Ливонии во время войны со Швецией: под Кокенгаузеном (1601), Белым Камнем (1604) и Киркхольмом (1605). Последняя битва принесла ему булаву великого гетмана литовского и главное командование в Прибалтике. По заключении там перемирия (1611) Ходкевич, ярый сторонник завоевательной политики на Востоке, был сделан наместником короля («*vicereg*») в Московии и направлен под русскую столицу. Под стать ему были и его войска, костяк которых составили приведенные им из Ливонии отряды. К ним добавилось несколько новых, и самый многочисленный из них – украинские казаки полковников А. Наливайки, Хвостовца и М. Серого (до 6 тыс. человек). Конные роты, среди которых преобладали гусарские, насчитывали в своих рядах от 1400 до 2 тыс. всадников; 1,5 тыс. венгров и поляков и 200 немцев составили отборнейшую пехоту¹³. Войско сопровождал значительный отряд конных волонтеров (бойцов, служащих за добычу) ротмистра Величинского, «купцы» со своей прислугой при обозе и «лезная челядь» польской конницы. Нельзя сбрасывать со счетов и засевший в Кремле и Китай-городе польский гарнизон Струся, силой в 3 тыс. человек¹⁴.

Таким образом, противник численно едва не превосходил силы обоих ополчений. Боевые качества противостоящих отрядов были весьма неравнозначны: и по качеству вооружения, и по физическому и моральному состоянию, – так что и здесь явного перевеса одной из сторон не наблюдалось. Предстояли упорные бои и в предместьях столицы, и в самом городе, в связи с чем большое значение приобретали и мастерство полководцев, и упорство и моральный уровень бойцов, и, конечно же, случай, который одни связывали тогда с «фортуной», а другие – с Божьей помощью.

¹³ Попытка систематизировать данные о составе войск Ходкевича в битве под Москвой: *Васильев А. А.* Войско гетмана Ходкевича // *Армии и битвы.* 2003. № 2. С. 38–43; однако Т. Бохун пришел к несколько другим выводам на основании польских источников: *Bohun T.* Moskwa 1612. S. 190–193.

¹⁴ Последний по времени обстоятельный разбор сражений 22 и 24 августа 1612 г. под Москвой см.: *Bohun T.* Moskwa 1612. S. 190–242.

Положение Второго ополчения осложнялось несогласием с кн. Д. Т. Трубецким, который, пользуясь своим старшинством, пытался вначале подчинить Пожарского. Получив решительный отказ, боярин под давлением своих казаков предложил соединить силы в одном лагере, но и в этом не преуспел: слишком памятна была всем судьба Прокопия Ляпунова. Удалось договориться о согласованных действиях. Второе ополчение заняло оборону на направлении главного удара с запада, а остатки Первого, усиленные пятью «лучшими» дворянскими сотнями кн. Пожарского, защищали Замоскворечье.

Ходкевич подошел 22 августа и нанес удар от Новодевичьего монастыря к Кремлю по левому берегу Москвы-реки. После полудня жестокий пеший бой кипел уже у «острожков» и на валах Земляного города, когда дворянский отряд Второго ополчения, оставленный накануне в Замоскворечье, ударил в тыл полякам с другого берега. Трубецкой не собирался помогать Пожарскому, но несколько атаманов заявили ему, что «в вашей нелюбви Московскому государству и ратным людям пагуба становитца» и самовольно повели свои «станицы» вослед дворянам. Враг был отброшен.

Голос совести заставил ополченцев преодолеть взаимную вражду, но немедленно заныла другая рана Смуты: снова нашелся предатель, который скрытно провел 600 гайдуков из лагеря Ходкевича в осажденный Кремль. Теперь объединенным силам земских ратей предстояло выдержать решающие натиски врагов с двух сторон – от Донского монастыря и от Кремля на сожженное Замоскворечье, для чего они произвели соответствующую перегруппировку. Утром 24 августа шляхетская кавалерия смяла дворян и казаков, а затем наемная пехота атаковала валы города. К полудню оборона ополченцев была взломана: конница откатилась за Москву-реку, а пехота залегла «по ямам и кропивам» среди обгорелых развалин.

По-разному повели себя тогда ратные люди. Ватага казаков, увидав литовские знамена на остроге у церкви Святого Климента, вернулась и отчаянным натиском уничтожила вражеских пехотинцев. Однако никто не поспешил немедленно на помощь, отвага сменилась унынием, и вольные люди, проклиная дворян, побрели обратно за реку – где их товарищи и не думали вступать в бой. У ставки же Пожарского, где собрались дворяне, священники служили молебны о победе перед образами Святой Живоначальной

Троицы, Божьей Матери Казанской и чудотворцев Сергия и Никона. Ходкевич в упорных схватках уже потерял всю свою пехоту и «дал отдых» черкасам и шляхетской коннице в обозе у вала Замоскворечья, напрасно надеясь на вылазку гарнизона. Настало время для контратаки, и ополченцы стали готовиться к ней на берегах Москвы-реки, снова сосредотачиваясь в садах и развалинах Замоскворечья и осыпая стрелами и пулями поляков. В стан же Трубецкого был послан известный казакам троицкий келарь Авраамий (Палицын) для их ободрения.

Старец обратился к «вольным людям» сначала с похвалой за их труды, даже пообещал за верную службу казну Троицкого монастыря, а затем призвал их возобновить столь удачное нападение, «дерзати... и звати ясак чудотворца Сергия!». Проповедь Авраамия возымела действие, и казаки всем войском снова выступили из лагеря на помощь товарищам. Одновременно сам Козьма Минин неожиданно попросил у князя Пожарского отряд, взяв по своему выбору роту Хмелевского и несколько лучших сотен, перешел с ним реку против левого фланга противника и опрокинул стоящие там литовские роты. «И во время благополучно кликнуша ясаком чудотворцовым: “Сергиев! Сергиев!” и устремившися обои полки, дворяне и казаки, на поганых единомушно». Одновременная атака всех рассыпанных по Замоскворечью, «по ямам и кропивам» отрядов, воодушевляемых святым именем заступника Земли Русской, привела к полной победе: поляки потеряли уже введенный в город, за валы Скородома, обоз с припасами и были выбиты из города.

Воеводы остановили воинов по рву и валу столицы и остудили их пыл разумными словами: «Не бывает на один день две радости, а то зделалось помощью Божьею». К тому же в открытом поле литовцы имели подавляющее превосходство в кавалерии. Охваченные победным пылом и ликованием ратники еще часа два вели сильную пальбу из пищалей, «яко убо не слышети, хто что говоряше», а дувший им в спину ветер заволок клубами порохового дыма конницу Ходкевича. Та, ожидая нападения, всю ночь простояла в боевом строю, а наутро «срама ради своего прямо в Литву поидоша».

Победа была полной: противник потерял большую часть пехоты и немало из остальных войск; в руки победителей попало 400 возов с припасами для осажденного гарнизона. Теперь сидев-

шие в Кремле поляки были обречены. Решив судьбу Москвы, битва 22–24 августа 1612 г. стала переломным моментом в истории всей освободительной войны, похоронив сколь-нибудь реальные надежды интервентов завладеть всем Московским государством.

10.7. Освобождение Москвы от поляков

1612 г., конец сентября – объединение правительств обоих ополчений.

Середина октября – ноябрь – неудачный поход короля Сигизмунда III на помощь польскому гарнизону Москвы.

22 октября – взятие Китай-города ополчениями.

27 октября – капитуляция польского гарнизона Кремля.

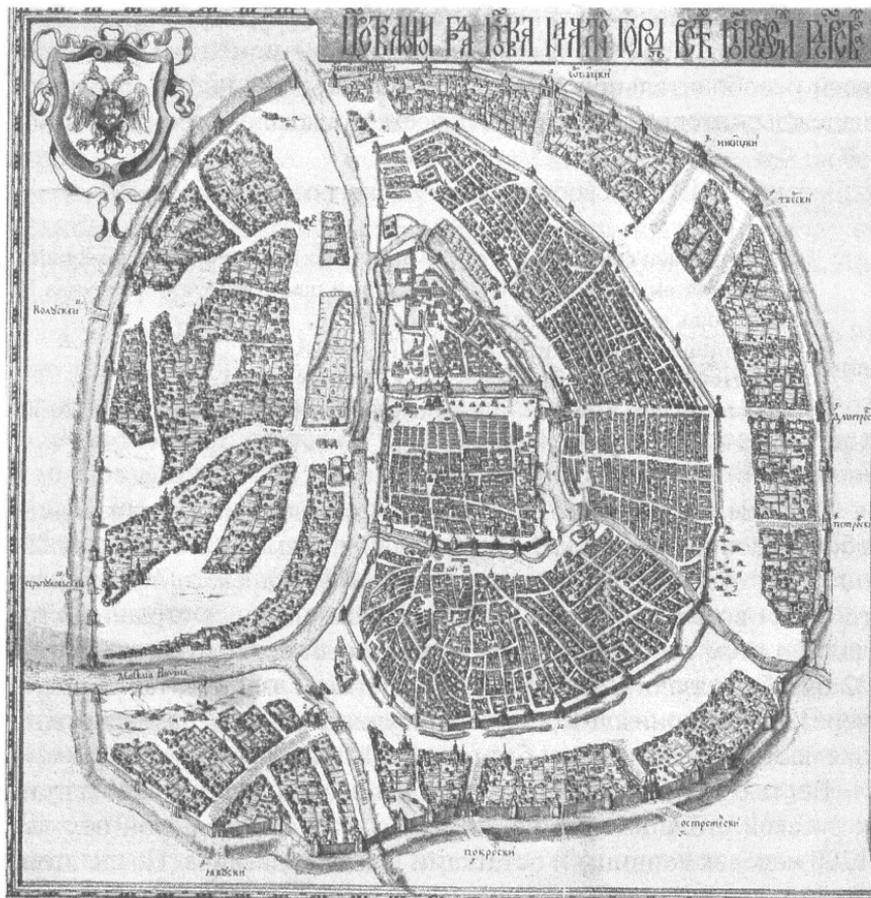
1613 г., январь–февраль – Земский собор в Москве для избрания нового царя.

В конце сентября 1612 г. произошло соединение правительств обоих ополчений: приказы сливались, а грамоты в города стали писаться от имени обоих воевод, князей Пожарского и Трубецкого¹⁵. Тем временем у осажденных поляков начался страшный голод: по всем источникам, они даже начали есть трупы умерших. 22 октября казаки и земские люди штурмом взяли Китай-город, и через 4 дня гарнизон Кремля капитулировал. Правда, значительная часть пленных была убита ратниками вопреки договору.

Весть о взятии Москвы достигла польского короля уже на пути к русской столице, куда он спешил с отрядом немецкой пехоты, 1200 человек конницы и остатками войск Ходкевича. После этого он безуспешно попытался овладеть Погорелым городищем и Волоколамском, но в конце ноября твердый отказ москвичей принять королевича, готовность к обороне столицы крупного войска (7,5 тыс. человек) и резкое ухудшение погоды заставили поляков вновь отступить ни с чем.

Однако в это же время разорительная война началась на северных землях: черкасы Наливайки разорили Белоозеро (30 июля) и Вологду (22 сентября), а затем, соединившись с казаками Песоцкого и Яцкого (всего до 8 тыс. человек), а также с русскими «воирами», вернулись и вновь рассыпались по окрестностям. С одним из этих отрядов, стремившихся захватить будущего царя Михаила Романова, и связан знаменитый подвиг Ивана Сусанина. На юге

¹⁵ Любимцов П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 152–153.

«Сигизмундов» план Москвы начала XVII в.
Гравюра XVII в.

Заруцкий попытался наступать из Михайлова, но был разбит под Переславлем-Рязанским. В Северской земле поляки снова захватили Путивль. По всем указанным направлениям, а также против татар в Поволжье и против поляков под Смоленск пришлось выслать воевод с ратными людьми, многие из которых в преддверии зимы стали разъезжаться по домам. Эта ситуация существенным образом повлияла на обстановку в столице во время Земского собора, созванного для избрания нового царя.

10.8. Татарская война в период Смуты (1605–1612)

В конце XVI в. занятость Крымской орды в борьбе с Габсбургами и ее мир с Россией, подчинение ногаев и успехи строительства укрепленных линий и крепостей в Диком поле привели к затишью на этом направлении. Привычная ежегодная «береговая» служба по Оке стала анахронизмом, и с 1599 г. полки начали располагать намного южнее: Большой во Мценске, Передовой – в Новосиле и Сторожевой – в Орле. Кроме этого Большого украинного разряда появился и Меньшой – Рязанский¹⁶. Гражданская война в России положила конец правильной организации обороны от степняков Дикого поля. Последний раз Лжедмитрий I в 1606 г. наметил расставить полки «на берегу» и в «украинном разряде», но после его убийства эти соединения превратились в активных участников междоусобной войны.

Уже в следующем году, по окончании военных действий в Венгрии, возобновились разорительные татарские набеги на Россию – сначала ногаев, а затем и крымцев. После мирного договора Турции и Речи Посполитой (16 июля 1607 г.) Сигизмунд тайно договорился с крымским ханом Казы-Гиреем об прекращении татарских набегов на польскую Украину и содействии в борьбе с Россией в обмен на ежегодные «поминки». Отношения царя Василия с Крымом долгое время осложнялись тем, что его послы и гонцы перехватывались «ворами» и разбойниками-черкасами.

И все же в 1608 г. царским дипломатам удалось достичь Крыма и заключить с ханом Казы-Гиреем соглашение о военном союзе против Лжедмитрия II. Крымцы без промедления совершили поход на занятую повстанцами территорию, а летом 1609 г. повтори-

¹⁶ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 41–44.

ли его в большем масштабе. Набегам подверглись Оскол, Ливны, Орел, Болхов. В июле по Изюмскому шляху калга Джанибек-Гирей дошел до Коломны, окрестностей Серпухова и Боровска¹⁷. Через год, во время Клушинской битвы, крымцы Богатырь-Гирей и ногайцы Белгородской орды Кантемира-мурзы (10–15 тыс. человек) перешли Оку. Царь Василий попытался использовать их против Лжедмитрия II, направив к ним посольство с богатыми дарами. Крымцы не проявили особой настойчивости в атаке укрепленного обоза самозванца¹⁸.

Обстоятельствами Смуты воспользовались и подданные московского царя – Большие ногаи и другие кочевники Нижнего Поволжья¹⁹. В 1606 г. юртовские и едисанские татары подчинились астраханскому воеводе кн. И. Д. Хворостинину и присягнули «Дмитрию Ивановичу». Глава Большой Ногайской орды кн. Иштерек, напротив, после долгих колебаний «шертвал» царю Василию и вошел в контакт с боярином Ф. И. Шереметевым. Однако последний сам находился в затруднении, а в 1608 г. вообще ушел из Царицына к Казани и Нижнему Новгороду. В итоге Иштерек стал снова независим во внешних сношениях, а его мурзы силами до 7–10 тыс. человек начали набеги на Русскую землю. Все это цинично оправдывалось борьбой с «воровскими» городами и отсутствием сведений, какие места воровские, а какие верные. В 1610 г. они участвовали в походах крымцев под Серпухов и в Рязанскую землю. В 1611 г. «разоренье» в украинских городах учиняли одновременно и крымцы, и ногаи, и черкасы, и вольные казаки, и «литва» – татары «жили без выходу» в Рязанской земле, а в Лихвинском уезде «вывоевали» даже овец.

Интересно, что и царь Василий, и руководители Первого ополчения, унимая мурз от набегов хотя бы увещеваниями и посольствами, приглашали на службу против польского короля 2–3 тыс. «лучших ратных людей» Ногайской орды, и однажды это почти удалось. Прокофий Вразский, прибыв летом 1611 г. в Большую

¹⁷ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 48–55.

¹⁸ Захарьина Н. С. Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского (1607–1610 гг.) // Социально-экономическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев, 1980. С. 133–138.

¹⁹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 55–65.

Ногайскую орду, еще от имени Шуйского сумел склонить к такому походу не самого Иштерека, а его старого соперника и врага Москвы – Аксак-Кельмамет-мурзу с 5 тыс. ратных людей, – и только согласные уговоры родственников и «всей земли» отвратили решительного воина от царской службы.

Огромный поток русского полона, хлынувший на рынки Крыма и Средней Азии, на Востоке вспоминали еще долго. Цены на пленников сильно упали, а в 1620-х гг. персидский шах Аббас, принимая царских послов, выразил удивление, что в Московском государстве еще кто-то живет. Достаточно сказать, что только в 1619 г. в орде Больших ногаев находилось 15 тыс. непроданных полоняников – их пришлось освободить после присяги Иштерека новому царю.

10.9. Земский собор 1613 г.

В декабре 1612 г. в освобожденную столицу стали съезжаться представители сословий из разных городов России – всего более 700 человек²⁰. Они не имели единого мнения о кандидате на царский стол, но, судя по всему, глубоко осознавали свою ответственность и главную задачу – покончить со Смутой. Вместе с тем с избранием надо было торопиться, тем более что многие ратные люди не желали ехать на службу до завершения Собора. Наиболее решительно в этом плане высказывались «вольные казаки» обоих ополчений, которых насчитывалось не менее 6 тыс. человек (а с «чурами» – до 10 тыс.)²¹. Все они, конечно, были верными поборниками «по православной вере христианской», но имели свой политический опыт и взгляды. Не без их влияния делегаты заранее целовали крест на том, что «не хотеть» на царство иноземных королевичей, а также «Маринкиного сына» и других самозванцев – сторонники «Ивана Дмитриевича» давно ушли с Заруцким. Тем не менее твердо держалось убеждение о необходимости «настоящего» царя «от царского корня»: примеры Бориса Годунова и Василия Шуйского заставляли отвергать новые боярские кандидатуры, «смеясь безумию таковому».

Обстановка в столице накалялась: сидевшие в Кремле бояре бежали от казачьих насилий в Ярославль, «вольные люди» не давали

²⁰ Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 158–232.

²¹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: С. 85–91.

проходу дворянам, а после казачьего круга потребовали у правительства ускорить выбор царя: «Дайте нам на Росию царя государя, кому нам служить». Когда начальствующие князья и бояре предложили им на выбор кого-либо из себя, поскольку «царские роды минушася», атаманы заявили свое мнение: «Князи и бояра и все московский вельможи, но не по Божей воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавна. Но по Божии воли и по благословению благовернаго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Росии при блаженной его памяти, кому он, государь, благоволил посох свой царский и державствовать на Росии князю Федору Никитичу Романова. И тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корени и отрасль добрая, и есть сын его князь Михайло Федорович. Да подобает по Божии воли тому державствовать»²². После этого казаки вместе закричали о своем решении и «многолетствовали ему государю».

Под их давлением Собор прервали на три недели и послали тайно в города проведать об отношении к кандидатуре Михаила. Получив согласие из всех областей и «поговев» первую седмицу Великого поста, «вся земля» наконец провозгласила царем юного сына Филарета Никитича. Однако на этом ни деятельность Собора, ни «выборного человека» Козьмы Минина не прекратилась. Воссоздав из пепла свое заветное Царство со всеми символами былого величия, земские «миры» не спешили уходить на покой, в ежедневные бытовые заботы. Напротив, духовные власти и «вся земля» взяли под заботливую опеку наиболее важные дела, такие как отношения с мятежным казачеством и денежные налоги для содержания ратных людей, и продолжали следить за событиями в стране. По-прежнему города оживленно обменивались вестовыми грамотами, а когда к Москве вновь приблизились войска интервентов – на этот раз «избранного царя» Владислава, – Земский собор приговорил сохранить верность царю Михаилу и «сесть в осаду». В условиях постоянного брожения в умах, «шатости» и в простых ратниках, и среди служилой знати, такая поддержка была жизненно необходима для возрождавшегося Царства и помогла уберечь плоды победоносного 1613 года.

²² Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о Земском соборе 1613 г. // ВИ. 1985. № 5. С. 94.

Глава 11 ЗАВЕРШЕНИЕ СМУТЫ: БОРЬБА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА С ВНУТРЕННИМИ МЯТЕЖАМИ

Экскурс 11.

Состояние вооруженных сил России в начале царствования Михаила Федоровича

Возобновляя боевые действия на рубежах государства, правительство юного царя столкнулось с целым комплексом проблем, накопившихся в период Смуты и подорвавших боеспособность русского войска.

Проблема поместного обеспечения. Поместья служилых людей «по отечеству» подверглись страшному разорению: в некоторых уездах пустовало 60–70% этих земель, что лишало поместную конницу ее основной материальной базы. Это привело к необходимости чаще выплачивать денежное жалованье ратным людям. Другой проблемой стала запутанная ситуация с правами на землевладение, так как разные цари выдавали зачастую «ввозные грамоты» разным людям на одно и то же поместье, что усугублялось самозахватом и утратой документов. Было решено проводить «дозоры» по конкретным челобитным, принимая к сведению показания самих помещиков – до «большого сыску».

Проблема обеспечения казачества. Проблема обеспечения нового войска, являвшегося многочисленной и довольно боеспособной силой, волновала еще власти земских ополчений. Известен случай, когда осенью 1612 г. их мятеж был прекращен только обещанием выдать в зачет жалованья казну Троице-Сергиева монастыря, – правда, затем казаки раскаялись и отправили драгоценности обратно. Однако надо было искать выход из положения, приводившего постоянно к бесконтрольному «приставничеству», грабежам и прочим бесчинствам.

Некоторую часть казаков, прежде всего заслуженных атаманов, стали «верстать» поместными и денежными окладами и наделять поместьями в дворцовых и черносошных землях северных уездов. Поскольку городской корпорации «белозерцев» еще не существовало, так стали называть поместных казаков не только в Белозерском, но и в остальных уездах государства, и со временем они окончательно растворились в дворянстве. Другую часть казаков уже тогда стали переводить на положение служилых людей «по прибору», размещая их в городах с условием выплаты регулярного «корма». Однако большинство станиц продолжало воевать в составе «полковой службы», и для их обеспечения пришлось ввести натуральный специальный налог – «казачьи хлебные запасы», собиравшиеся Приказом сбора казачьих кормов. Всем личным составом «вольного казачества», его верстанием, выплатой жалованья и распределением «приставств» с апреля 1613 г. ведал особый Казачий приказ, созданный на базе Челобитенного (сдвоенный с ним).

Пополнение стрелецкого войска. Подобно стрельцам, большая часть казаков являлась тоже пехотой с «вогненным боем», однако отсутствие дисциплины и буйный нрав делал их гораздо менее надежными ратниками. Вместе с тем стрелецкое войско, особенно элитное московское, понесло сильнейшие потери и нуждалось в пополнении. Так, в 1617 г. в Разрядной книге упоминаются только шесть московских приказов, отчасти новоприборных: они сражались под Смоленском, сопровождали послов и обороняли столицу и ближайшие к ней города. По городам же срочный прибор новых стрелецких гарнизонов объявлялся только в момент наивысшей опасности (походов Лисовского 1615 г. и Владислава 1618 г.), что вызывалось нехваткой средств для их обеспечения.

Земские соборы и «сбор пятой деньги». Решая проблему финансового обеспечения армии, правительство Михаила Романова продолжало политическую линию Второго ополчения, состоявшую в опоре на широкие массы посадского люда и купцов. Земские соборы созывались в 1614–1618 гг. прежде всего с целью решения вопроса и одобрения «всей землей» новых тяжелых налогов – «пятой деньги», «запросных денег», а также привлечения иных источников финансирования. Уже с 1616 г. наполнение казны позволило выплачивать дворянам перед походом от 15 до 20 рублей (или меньше – по окладам), а казакам выдавать кроме жалованья еще и «кормовые деньги», что резко

снизило активность их выступлений и увеличило привлекательность государственной службы.

Избрание царя вызвало немедленное возобновление местнических дел, до крайности осложненных долгим периодом Смуты. Правительство терпеливо разбиралось в них, а в военной области прекратило прежнюю практику деления походного войска на Большой, Сторожевой и прочие полки: теперь во главе рати стоял один главный воевода с одним или несколькими товарищами – исключение было сделано лишь для незначительного тогда Украинного разряда. Надо отметить, что едва ли не большая часть воевод, в отличие от времен Годунова и Шуйского, не имела чинов бояр, окольничих или стольников – так велики были потери в высших слоях общества.

Еще одной особенностью походного войска стала его крайняя пестрота: в небольшом полку могло собираться по 1–3–10 представителей из нескольких десятков городских корпораций; из «Низовых земель» на защиту Москвы прибыли даже такие уникальные части, как астраханские и казанские конные стрельцы и юртовские татары; почти во всех походах принимали участие группы иноземцев (литвы, немцев, черкас), отличавшихся лучшим вооружением и опытностью.

11.1. Борьба войск Подмосковных ополчений и царя Михаила Федоровича с последним самозванцем (1612–1614)

1613 г., 21 февраля – 1645 г., 13 июля – царь Михаил Федорович Романов.

1612–1614 гг. – борьба с И. М. Заруцким и «воренком».

1612 г., 28 июля – казаки Заруцкого уходят из-под Москвы в Коломну.

Середина сентября – оставляют Коломну и идут на Рязанщину; отбитые от Переславля-Рязанского и Шацка, занимают Сапожок, Пронск и Михайлов; за счет присягнувших «царевичу Иоанну Дмитриевичу» служилых людей «по прибору» войско увеличивается вдвое.

1613 г., до 20 марта – отряд воеводы М. А. Вельяминова занимает Пронск.

2–4 апреля – отбивает Михайлов и Печерники; Заруцкий отступает к Епифани и Дедилову.

13 апреля – взятие Заруцким Крапивны.

19 апреля – выступление из Москвы войска кн. И. Н. Одоевского против Заруцкого.

Начало июня – Заруцкий занимает Лебедянь.

Июнь – объединенные войска Вельяминова и Одоевского вынуждают Заруцкого отступить от Лебедяни к Воронежу.

29 июня – 2 июля – бои под Воронежем; большая часть «воровских казаков» переходит в стан царских войск; Заруцкий, «воренок» и Марина Мнишек бегут в Астрахань.

1614 г., 24 июня – Заруцкий, «воренок» и Марина схвачены на р. Яик.

В конце июля 1612 г. при приближении полков кн. Пожарского атаман И. М. Заруцкий с верными ему казаками (около 2,5 тыс. человек) бежал из подмосковных таборов в Коломну. Здесь войско присягнуло «Иоанну Дмитриевичу» – сыну «истинного» царя (Лжедмитрия II). Вместе с ним и М. Мнишек Заруцкий двинулся на Рязань¹.

Однако внезапно он столкнулся с энергичным и талантливym противником. М. А. Вельяминов, верный соратник царя Василия и Ляпунова, после присяги Первого ополчения Псковскому вору (март 1612 г.) бежал из-под Москвы к Шацку, овладел городом и признал власть Второго ополчения. Буквально за два дня до подхода Заруцкого к Рязани он по просьбе ее воевод – сторонников Трубецкого – прибыл в город и разбил «воровских казаков» в селе Киструс (16 верст от города).

Заруцкому пришлось уйти на юго-восток Рязанщины, к Сапожку и Михайлову. Попытка переманить на свою сторону Арзамасский уезд и Мещерский край не увенчалась успехом, зато зимой 1612/1613 г. самозванцу присягнули окраинные рязанские служилые люди, которые последовательно, с конца 1604 г., поддерживали «Дмитрия Ивановича». Верными Земскому правительству здесь остались лишь сама Рязань, а также Зарайск и Серебряные Пруды. Получив подкрепление из местных служилых людей и инородцев и увеличив войско до 7 тыс. человек, Заруцкий перешел в наступление. Однако в этот момент к Рязани подоспел авангард Казанской рати, которая наконец выступила на помощь Второму ополчению: конных свияжских татар и пеших «подымных» людей (4600 человек)². После нескольких поражений «воры» были вынуждены отойти, а вскоре рязанские города стали покидать лагерь самозванца.

¹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 46–79.

² Там же. С. 63. Автор пишет о 4600 «свияжских татар», но подобной численности казанская рать могла достичь только с учетом сбора «подымных» людей – по человеку с 3 «дымов» (дворов).

1 марта 1613 г. ратники М. А. Вельяминова присягнули царю Михаилу, и воевода немедленно возобновил энергичный «промысел» над неприятелем – тем более, что весть об избрании государя на Москве внесла раскол в ряды повстанцев. Под натиском царских войск они оставили рязанскую Украину, города которой частью сдались, а частью были захвачены дворянскими сотнями. У Заруцкого вновь остались одни казаки: 2,5 тыс. русских и 400 украинских. Из Михайлова он ушел в Елифань, оттуда – в Крапивну, взяв ее приступом, а затем «войною» повернул на юг – к Ливнам. Атаман метался по украинам между царскими полками, оперировавшими западнее (в Северной земле), севернее и восточнее и преследовавшими его по пятам.

Насколько важной в понимании правительства царя Михаила была борьба с «Маринкиным сыном», показывает то, что назначение воевод против него новый царь произвел еще в Ярославле. Причем со своими ратями должны были отправляться сразу пять воевод: из Суздаля, с Тулы, из Владимира и Рязани, во главе с большим воеводой, кн. И. Н. Одоевским, из Москвы. Однако войско это за сборами сильно задержалось в Туле, что позволило Заруцкому повернуть на северо-восток и неожиданно занять Лебедянь. Мирон Вельяминов, собрав разбежавшиеся было «сотни» рязанцев, в авангарде войск кн. Одоевского атаковал здесь казаков, обратил их в бегство и «преследовал его, Ивана Заруцкого, и Марину, и их приверженцев до конца»³.

Решающие битвы развернулись под Воронежем. Объединенная рать Одоевского (дворяне и дети боярские нескольких десятков городов, служилые иноземцы и татары) нагнала казаков под Русским Рогом, в 4 верстах от города. Бои 29 и 30 июня не принесли победы царским войскам, причем казаки даже взяли и сожгли Воронеж. Однако в распоряжении воевод имелась перехваченная переписка Заруцкого с гетманом Ходкевичем от февраля 1613 г. Документы этих тайных переговоров, переданные казакам, вызвали их возмущение и массовый переход на сторону царя Михаила. После боя на берегу Дона и «на перевозе» атаман с М. Мнишек и «воренком», по пятам преследуемый дворянскими сотнями, бежал к Астрахани. 2250 казаков, «принесших свои вины», были немедленно направлены под Смоленск на усиление полков кн. Д. М. Черкасского.

³ *Арсений Елассонский*. Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 200.

Главной причиной неудач Заруцкого на юге России стал отказ широких слоев населения от самозванческой идеи. Они разубедились в реальности «царя Дмитрия» и ясно видели последствия Смуты и своего «воровства». Позже именно в Рязске ямщик К. Антонов в кабацком разговоре заявил: «От тех де было царей, б... детей, которых выбирали в межьюсобную брань межь себя наша братья, мужики, земля пуста стала» (по «государеву делу» 1625 г.)⁴. Довершила же поражение личная беспринципность Заруцкого – измены в пользу иноверцев-поляков даже его приверженцы не смогли ему простить.

11.1.1. Восстание в Астрахани 1606–1614 гг.

Астраханское царство являлось богатым торгово-промышленным и стратегически важным регионом России. Этот форпост России на юге был сильно отдален от центра страны и соседствовал с многочисленными татарскими народами, только недавно подчинившимися царской власти. Ввиду своей стратегической важности город был укреплен каменным кремлем и имел сильный стрелецкий гарнизон, включавший даже конный приказ. На усиление его раз в один-два года прибывали, сменяясь, московский и казанские приказы – сопровождая новых воевод. Стрельцы были необходимы для защиты купеческих и посольских караванов от разбойных нападений волжских, терских и донских казаков и татар.

Уже летом 1604 г. обстановка в Нижнем Поволжье обострилась. Казаки активизировали свои нападения, а зимой 1604/1605 г. осадили город. Воевода М. Б. Сабуров с трудом справлялся со «смутой великой» внутри и вне города, почему не смог летом 1605 г. выслать ратных людей на Терек – навстречу посольству Татищева. Астраханцы и казаки с готовностью признали власть «Дмитрия Ивановича», арестовали и отправили в Москву выступившего против самозванца архиепископа Феодосия и приняли нового воеводу – приверженца Дмитрия кн. И. Д. Хворостинина⁵.

Известие о воцарении Шуйского снова обострило обстановку в городе – многие отказались от крестного целования. Поводом

⁴ Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 118.

⁵ Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606–1607 гг. Л., 1951. С. 213–237.

же для открытого возмущения послужил приезд стрельца из армии Ф. И. Шереметева: последний был отправлен в Астрахань еще Лжедмитрием I, почему и выдал своему служилому человеку «проезжую грамоту на Розстригино имя». «Не выслушав месяца и числа», проставленного в грамоте, астраханцы восприняли воцарение Шуйского как обман и узурпацию власти «лихим боярином», убили унимавших их дьяка и некоторых дворян и погромили дворы их и многочисленных купцов. Хворостинин если не возглавил, то был причастен к такому «воровству» – он оставался воеводой в городе до 1613 г.

Объединившись с казаками и татарами, повстанцы «з большим и верховым нарядом» осадили полки Ф. И. Шереметева на острове Бальчик (15 верст от города выше по Волге)⁶. Часть астраханских стрельцов и казаков примкнула к восстанию и даже приняла участие в походах «царевича Петра», тогда как иные присоединились к армии Шереметева. В подданстве царя Василия остался только кн. Иштерек с Большой Ногайской ордой, враждовавший с едисанскими и юртовскими татарами, но и его больше интересовал захват русского полона и собственная безопасность.

Весной–летом 1607 г. в Астрахани и у казаков объявилось сразу три новых самозванца: Иван-Август («сын Ивана Грозного»), Осиновик («сын царевича Ивана Ивановича») и Лавр («сын Федора Иоанновича»). В связи с этим восстали жители Царицына, которые выслали своего воеводу на расправу в Астрахань (24 мая). Осенью повстанцы совершили поход на Саратов, но были отбиты. Вскоре один за другим отряды волжских казаков стали выдвигать из своей среды все новых самозванцев, о действиях которых, кроме одного-двух упоминаний в документах, не сохранилось никаких сведений. По предположению И. О. Тюменцева, это отчасти рутинное действие – провозглашение очередного самозванца – было необходимо казачьим сообществам, чтобы обойти «заповедь» казачьего круга Войска Донского на враждебные действия по отношению к царю Василию⁷.

После взятия Тулы царь Василий отправил пленных терских казаков и астраханских стрельцов в свои города с увещательными грамотами об унятии крови и прекращении мятежа. Вначале они имели успех, но вскоре посланцам пришлось бежать, так

⁶ Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606–1607 гг. С. 223–230.

⁷ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. С. 134–135.

как «проезжая станица» казаков с Поля сообщила о появлении Дмитрия в Орле (январь 1608 г.). Тем не менее зимой 1608 г. ситуация в Астрахани изменилась: ее жители дали казакам успешный бой и «пограбили» их, а в феврале «воры казаки» выступили из города вверх по Волге – видимо, со всеми самозванцами. Одного из них – Осиновика – «сами они и повесили на Волге», а остальных по приказу Лжедмитрия II казнили уже в Тушине. Сами астраханцы говорили, что если к ним придет царская рать с кем иным, кроме Шереметева и Салтыкова (с ними бои были «и два года кровь лилась»), «а их сиденью мера не возьмет», то они готовы почетно капитулировать⁸. Однако следующие шесть лет центральная власть не могла уделить мятежной окраине должного внимания.

Астрахань, остававшаяся верной «Дмитрию», вновь привлекла внимание Калужского вора в конце 1610 г.: он, видимо, готовился уйти туда и для обеспечения проезда и приема отправил вперед себя верного полковника Я. Кернозицкого. Заруцкий мог знать об этом намерении самозванца и сам в 1612–1613 гг. предусматривал возможность своего поражения и необходимость бегства через степи на юг.

Затруднение для него составлял тот факт, что после гибели Лжедмитрия II астраханцы присоединились к общерусскому освободительному движению, не особо вникая (за дальностью расстояния) в перипетии отношений Первого и Второго ополчений. Юртовские татары, астраханские стрельцы и казаки, которые двигались на помощь «подмосковным таборам», в начале 1612 г. примкнули к рати кн. Д. М. Пожарского и в ее составе приняли участие в боевых действиях против поляков и казаков⁹, а с 1613 г. продолжили службу в царской армии Михаила Федоровича¹⁰.

Когда в конце лета 1613 г. Заруцкий с верными людьми, Мариной Мнишек и ее сыном добрался до Астрахани, против него выступил воевода кн. Хворостинин¹¹. Впрочем, Заруцкий сумел овладеть ситуацией в городе и казнить воеводу, после чего он объявил горожанам, что Московским государством «бутто Литва за-

⁸ Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606–1607 гг. С. 238–254.

⁹ Любимиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 92.

¹⁰ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 года. М., 2006. С. 11.

¹¹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 76–78.

владела», и начал им «делать утеснение великое». Те присягнули, видимо, не только Воренку, но и «царю» Дмитрию Ивановичу, которого, по слухам, на сей раз ждали из Персии. Астраханские ратные люди вместе с татарами (всего 4 тыс. человек) в марте 1614 г. вынудили подчиниться Больших ногаев, которые, откочевав в это время к «Черкесским горам», были отбиты кабардинцами и отошли к Каспийскому морю¹². Заруцкий ездил с 5–6 сотнями ногайцев по городу, кормил их у себя с утра до вечера и даже отдал им в качестве «ясыря» жен и детей давно ушедших в походы служилых людей. На весну он собирался идти вверх по Волге «против льда» на Самару и Казань. Многие казаки, громившие в это время Русский Север, собирались прорываться ему навстречу и осенью 1614 г. присоединились к черкасам Захарьяша Заруцкого, который из Литвы «пришел проведывать» о судьбе своего брата.

11.1.2. Поход царских войск на Заруцкого и восстание в Астрахани в 1614 г.

В Москве к остаткам самозванческого войска продолжали относиться более чем серьезно. Уже зимой в Казани стали собираться крупные силы, вновь под командованием кн. И. Н. Одоевского; по весне (1614) они двинулись на Астрахань традиционным для «низовых» мест образом «плавной рати» – на судах. Царская рать взяла своей покровительницей чудотворную Казанскую икону Божьей Матери¹³; стрельцы – основа войска – были в избытке снабжены английским «цветным» сукном на кафтаны и помимо самопалов обзавелись рогатинами с цветными флажками-прапорами из зендени (род хлопчатобумажной ткани)¹⁴. Внушительный

¹² Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 88–90.

¹³ О событиях под Астраханью в 1614 г. известно из оригинальных воеводских отписок (опубл.: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. III. Стб. 13–31, 410–449).

¹⁴ 300 поставов (промышленных отрезвов) сукна «настрафиля» (импортное из Англии) было послано в плавную рать 22 марта 1614 г.; стрельцы из казанских пригородов, собираясь в апреле в Казани, по государеву указу обзаводились «рогатинами и прапорами» сами; возможно, на такие же прапоры в самой Москве, в Казенный приказ, еще 3 октября 1613 г. было закуплено 10 отрезвов зендени лазеревого и желтого цвета (АИ. СПб., 1841. Т. III. Стб. 415, 416, 419, 420; Приходно-расходные книги Казенного приказа // РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 53, 83).

и нарядный вид государева войска должен был произвести впечатление на дальнюю российскую окраину, не видевшую государева жалованья почти 10 лет, и способствовать усмирению ногайцев и прочих татарских сообществ Нижней Волги. Однако исход борьбы с «ворами» был решен еще до прибытия царских стрельцов.

Под влиянием «земской» и правительственной агитации и дипломатических усилий Москвы старые и крупные казачьи сообщества – Донское и Волжское войска – отказали в поддержке мятежной Астрахани: только 560 «молодых» казаков с Волги пошли туда «за зипуном»¹⁵. Прослышав о приходе этих новых разбойников, жители города восстали против Заруцкого (середина апреля 1614 г.). Последний с Мариной, Иваном и верными людьми (800 человек) заперся в каменном городе, обстреливая посад из пушек. Тогда же, накануне Пасхи, узнав от приведенных татарами русских полоняников об освобождении Москвы и воцарении Михаила Романова, Терской городок присягнул новому царю, а его воевода П. Головин отправил стрелецкого голову Василия Хохлова с отрядом в 700 казаков и стрельцов под Астрахань. При его приближении Заруцкий с волжскими и «дворовыми Маринкиными» казаками в ночь на 12 мая бежал Каспийским морем на Яик, а кн. Иштерек с ногаями – вверх по Волге и к Азову. Вскоре подоспел с «верховой» московской ратью и боярин кн. Одоевский, который послал в погоню стрелецких голов Пальчикова и Онучкина со стрельцами. Те 23 июня осадили яицких казаков на Медвежьем острове на Яике и через день вынудили атамана Уса выдать им Заруцкого, Марину Мнишек и Ивана «Дмитриевича». Их отправили в столицу, где «Заруцкого посадили на кол, а Воренка... повесили, а Марина умерла» в Коломне, где до сих пор сохранилась «Маринкина башня» – место ее последнего пристанища.

Окончательная победа над самозванцами вновь была одержана не столько военной силой, сколько «мнением народным»: весть об избрании царя Михаила вызвала твердую надежду на прекращение Смуты и восстановление порядка, лишив Заруцкого самых последних прибежищ на дальней окраине государства.

¹⁵ *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Т. I. С. 73–76.

11.2. Борьба с «воровскими» казаками (1613–1615)

1614 г., весна–лето – массовый приход казаков со службы в северные уезды России, грабеж и их разорение.

1614 г., сентябрь – начало сбора войска боярина кн. Б. М. Лыкова в Ярославле для борьбы с «заворовавшими» казаками.

Октябрь – первые «посылки» на казаков.

Август–декабрь – поход отряда запорожцев З. М. Заруцкого из Литвы мимо Белой, Осташкова, Торопца до Устюжны и далее вниз по Волге в попытке прорваться в Астрахань к И. М. Заруцкому.

Декабрь – Лыков начинает преследование З. Заруцкого из Ярославля.

1615 г., 4 января – бой под Балахной (в Васильевой слободке); отряд Лыкова разгромил запорожцев и отбил их обоз.

Январь–март – Заруцкий уходит мимо Карачева в Литву.

До 8 марта – преследуя запорожцев, голова Б. Износков с северскими ратными людьми настигает их в Лоеве и сжигает острог города.

Январь – поход кн. Б. М. Лыкова из Ярославля к Вологде; при его приближении атаманы М. Баловнев и другие «вину свою государю принесли» и составили войско присланного в Белозерск воеводы кн. Н. А. Волконского.

1615 г., начало февраля – казаки выступают к Тихвину и останавливаются в 15 верстах от города.

Май–июнь – бунт казаков из-за невыплаты жалованья и поход их во главе с М. Баловневым к Москве.

Начало июля – войско Баловнева подходит к Москве.

23 июля – разгром его под Москвой отрядами кн. Б. М. Лыкова и окольничего А. В. Измайлова.

Август–сентябрь – «разбор» пленных казаков.

Поморские, карельские, вологодские и иные земли Русского Севера в 1604–1608 гг. не были затронуты гражданской войной, а в 1608–1609 гг. сумели всем миром отбиться от «тушинцев». Между тем торговые города со складами русских и иноземных купцов, богатые монастыри и зажиточные деревни настойчиво привлекали к себе взоры воров – казаков и черкас. С 1612 г. их сильные нападения возобновились, мотивированные со стороны казаков законным, с их точки зрения, сбором «кормов» и невыплатой «полного жалованья» за службу¹⁶. Война здесь приняла характер ожесточенного противостояния этих воров и погромщиков с местными крестьянскими «мирами», выставлявшими «посошную рать» для охраны своих городов и засек.

¹⁶ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 93–136.

Самовольное проникновение казачьих станиц, ушедших в поисках кормов из своих полков, в Белозерский, Олонецкий и другие уезды началось уже в 1613 г., когда под Псков и на Тихвину отпавились рати из-под Москвы. К казакам присоединились запорожцы, временно служившие в шведских войсках, также недовольные невыплатой жалованья. Весной–летом 1614 г. они, «проломав» засеки, рассыпались по огромной территории северных уездов, чиня невиданные по жестокости и бессмысленности насилия над местными жителями: «посекая» их сотнями, сжигая вместе со дворами, ругаясь над женщинами, набирая «чуров», «невенчальных жен» и полон. Несколько станиц и (иногда) татарских отрядов, объединяясь, выбирали у себя старшего атамана и действовали сообща. Так, в апреле 1614 г. 1,5 тыс. человек собрались в Пошехонье и, отказавшись от присяги Михаилу Федоровичу, решили прорываться к Заруцкому. Правда, это им вряд ли удалось: на такой случай под Казанью была сооружена засека с охраной из более тысячи служилых иноземцев и стрельцов. Новые отряды вольных людей прибыли на Север после поражения и развала рати кн. Д. Т. Трубецкого под Новгородом (июль–август 1614 г.).

У страны было мало военных сил бороться с этим злом, и Земский собор принял прежде всего мирные меры: еще в апреле для жалованья служилым людям был санкционирован сбор «пятой деньги», что поручили возглавить думному дворянину Козьме Минину, а 1 сентября для увещевания казаков и возврата их на службу делегация духовных и светских лиц отправилась в Ярославль. По совету с духовенством Собор приговорил называть «казаками» только тех, кто верен государеву крестному целованию и бьется с врагами: нынче-де они тщетно ожидают денег и помощи из разграбленных уездов; те же, кто не идет на службу, грабит православных христиан и не пропускает в столицу и в полки собранную казну («пятую деньгу») – не достойны называться казаками: «Они пуще и грубнее литвы и немец», и от этих воров не должно быть бесчестья «прямым» атаманам и казачьему имени. Для подкрепления «казачьего уговору» боярин кн. Б. М. Лыков должен был собираться с ратными людьми окрестных уездов, «оставшихся за смоленской службой»; 25 ноября ему «в сход» был послан из Москвы стольник И. В. Измайлов с отрядом «литвы и немец и всяких иноземцов»¹⁷.

¹⁷ Книги разрядные по официальным оных спискам. СПб., 1853. Т. I. Стб. 1–18.

Увещания не оказали воздействия на грабителей, и вскоре Лыков начал боевые действия. Но вначале он выступил против черкас Захария Заруцкого, которые прорвались из Литвы, сожгли Кинешму и Юрьевец. Боярин разгромил их под Балахной: запорожцы были вынуждены покинуть богатый край и по дороге в Литву потерпели еще несколько поражений от северских ратных людей. Лыков же двинулся к Вологде и Белозерску на воровских казаков. Захваченных в плен он «по государеву указу, милостиво наказывал, а иных вешал»¹⁸. Приближение этого карательного отряда заставило войска атаманов Михаила Баловнева и Василия Булатова поспешно «принести свои вины государю» и подчиниться присланному к ним воеводе кн. Н. А. Волконскому¹⁹. Характерно, что войско, имевшее в своем составе около 5 тыс. казаков при 74 атаманах²⁰ было усмирено подходом 2-тысячного царского отряда.

Казаки выступили в поход на Тихвин и рассыпались по Новгородской земле. Известие о грозящем им «разборе», в ходе которого недавно принятые в станицы холопы могли быть возвращены своим господам, вызвало новый взрыв возмущения.

11.2.1. Поход атамана Баловня (1615)

Возмущение вылилось в настоящий бой с воеводами и оставшимися верными царю казачьими станицами: «переграбленные ворами», кн. Волконский и Чемесов были вынуждены отступить в Тихвин. Остальные выбрали главой своего войска Михаила Баловнева, сына данковского беломестного атамана – то есть потомственного казака Дикого поля²¹. Их замысел был таков: прийти к Москве и бить челом государю, чтобы их не разбирать на «старых» казаков и беглых из кабалы или тягла, а при согласии на это и выплате жалованья – вернуться на службу; при отказе же – уходить в северские города или на Дон.

В начале июля эти 4–5 тыс. человек подошли к столице и раскинули свои «таборы» в селе Ростокине на реке Яузе (по Троиц-

¹⁸ Новый летописец. С. 387.

¹⁹ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 23–29, 31, 32.

²⁰ Рабинович Я. Н. Малые города северо-запада России в Смутное время. С. 269, 273.

²¹ Подробнее: Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 136–152.

кой дороге). В Москве в это время оставалось очень мало служилых людей, поскольку большинство выступило на борьбу против «лисовчиков», так что над городом нависла серьезная опасность. Казаки снова прогнали разборщиков и в случае невыплаты им «полного жалованья» стали поговаривать даже об уходе к Лисовскому. Переговоры с атаманами зашли в тупик.

Наконец, 18 июля из Ярославля «проселочными дорогами, утаясь» подоспел с войском ненавистный казакам боярин кн. Б. М. Лыков, что моментально изменило соотношение сил. По требованию правительства таборы Баловнева были передвинуты к Донскому монастырю, с трех сторон обтекаемому Москвой-рекой. В воскресенье, 23 июля, вызванные к царю для получения жалованья вожди восстания были обманом схвачены в Кремле, а их подчиненные – атакованы полками Лыкова и окольного А. В. Измайлова и после незначительного сопротивления рассеяны. Царские ратники «топтали» их по Серпуховской и Калужской дорогам и бились еще на Пахре, под Боровском и Малым Ярославцем.

Главари «воровских казаков» – М. Баловнев и 36 его соратников – после месяца следствия были приговорены к смертной казни и повешены. Еще часть была отправлена по тюрьмам, откуда, правда, многие вышли через несколько лет. Рядовые казаки в числе 3256 человек были все же «разобраны», так что на службе остались далеко не все – многих вернули прежним владельцам.

Разгром атамана Баловнева завершил один из эпизодов преодоления Смуты – борьбу с самой организованной и непокорной частью вольного казачества. Однако окончательно эти проблемы были урегулированы только большим «верстанием» и разбором оставшихся на службе станиц в 1619–1620 гг. Одним из последствий этого казачьего движения стал сильный голод в разгромленных казаками северных уездах.

Глава 12 БОРЬБА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА СО ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИЕЙ (1613–1617)

12.1. Внешнеполитическая обстановка в начале царствования Михаила Федоровича

Во внешнеполитической обстановке к 1613 г. произошли серьезные изменения, несколько облегчившие положение нового русского правительства. Его основной противник – польский король Сигизмунд III – необдуманно ввязался в конфликт с Османской империей, попытавшись силой вернуть в Молдавию изгнанного оттуда турками Константина Могилу. Попытка сорвалась, и Турция, заключив мир с Ираном, поспешила наказать зарвавшегося соперника: уже в августе 1612 г. кн. Пожарский сообщал иноземным наемникам, что «турские и крымские люди Волынь и Подолию до конца запустошили». Особенно страшный погром учинили татары на Украине в 1614 г. Неспойно было и внутри Речи Посполитой, где бесчинствовали не получившие жалованья «сапежинцы» и иные наемники. Все это надолго отвлекло королевскую армию от восточного направления. Здесь Сигизмунду оставалось уповать в основном на «волонтеров»-грабителей вроде черкас и «лисовчиков»; его попытки переманить к себе на службу Якоба Делагарди с войском (осень 1612 г.) и ногаев Большой орды (1612–1615) не увенчались успехом.

Соответственно, Крым, обязанный участвовать в турецких походах, охотно возобновил мирные отношения с Россией. В июле 1614 г. посольство С. Протасьева и Н. Данилова было хорошо принято у султана, а в сентябре кн. Г. К. Волконский и дьяк П. Евдокимов договорились о мире с крымским ханом. Несмотря на скудость даров и «поминок»: послы торговались из-за каждого со-

рока соболей, шубы и сотни рублей, – такие отношения удавалось поддерживать до 1620-х гг.

Оставалась еще Большая Ногайская орда, но той ввиду нападения калмыков из-за Яика пришлось в 1613 г. перейти на правый берег Волги, а через несколько лет в затруднительной ситуации вновь вернуться в русское подданство.

Еще один противник Московского государства – Шведское королевство – подвергся нападению своего соседей – датчан в ходе так называемой Кальмарской войны 1611–1613 гг. Воспользовавшись тем, что большая часть шведских войск увязла в Ливонии и Новгородской земле, король Христиан IV с 6-тысячной армией вторгся в Швецию, овладел Кальмаром (3 августа 1611 г.), а затем Эльфсборгом (24 мая 1612 г.) – важнейшей крепостью и портом королевства. По условиям Кнередского мира 1613 г. Швеция была обязана выплатить в течение шести лет 1 млн риксдалеров контрибуции за Эльфсборг, что сильно ограничило возможности нового короля Густава II Адольфа (годы правления 1611–1632) на восточном направлении.

Экскурс 12. «Книга сеунчей»

Царю Михаилу Федоровичу предстояло воевать с ослабленными противниками, однако плачевное состояние его собственных вооруженных сил оставляло мало надежд на серьезный военный успех. В большинстве случаев его воеводам приходилось рассчитывать на поддержку местного населения и ватаг «вольных казаков», нестроения во вражеском стане и, конечно же, уповать на помощь Божию и «его государево счастье». Военную ситуацию первых лет новой династии прекрасно характеризует так называемая «книга сеунчей» – один из обязательных элементов разрядной документации¹.

Одержав победу, воевода отправлял наиболее отличившегося и не рядового воина (сотенного или иного голову, «завоеводчика» и т.п.), а нередко – и своего родственника с донесением царю. Донесение это называлось «сеунч» (от татарского – «радостная, победная весть»), а сам гонец – «сеунщиком». Если воевод, как обычно в походном войске, было несколько – сеунщик приезжал

¹ Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 1995. С. 12–98.

от каждого, выбранный из подчиненных этому воеводе людей. В столице гонец получал жалованье «за сеунч» – разной ценности чарку или кубок, сорок соболей или куниц, или шубу, или отрез дорогой ткани, а иногда – и деньги «в приказ». Позже дворянам стали «справлять» за сеунч и придачи к окладам.

В «книгу сеунчей» записывались дата прибытия гонца, имя воеводы, краткое изложение грамоты и подробное описание награды. За 1613 г. отмечен всего десяток радостных событий, и записи о первых появились с задержкой, вызванной торжествами венчания на царство Михаила Федоровича (11 июля). Так, по воспоминаниям архиепископа Арсения Елассонского, войска в Северной и Новгородской землях нанесли почти одновременно поражения литовским и шведским людям, «и для большего удивления и уверения, 16 июня, они привели из двух мест – из-под Новгорода много немцев, а из Северной земли многих поляков, скованных»². Однако, кроме одного сеунча, записанного 10 июля (путивльский поход кн. Д. И. Долгорукова), награждения сеунчиков начались только после царской коронации. Под 30 июля в книгу были внесены записи о награждении сразу девяти сеунчиков из трех разных ратей: от Долгорукова об освобождении Путивля, от кн. С. В. Прозоровского о взятии у шведов Тихвина монастыря и, наконец, от кн. И. Н. Одоевского из-под Воронежа о разгроме «Ивашки Заруцкого с воры»³. Затем уже осенью и в декабре награды получили дворяне и атаманы кн. Д. М. Черкасского за взятие Белой и победу в с. Могутове под Смоленском; «тихвинские сидельцы», выдержавшие осаду шведского войска, и торопецкие, отбивавшиеся от литовцев. В последний день декабря «прислан изо Пскова от воевод с сеунчом псковской помещик Ондрей Тимашов, что подо Гдовом немецких многих людей побили и языки, и знамена, и набаты поймали, а з достальными людьми Явер Горна отбили, а он, Ондрей, сидел во Гдове с воеводой и был в головах. И дано ему государева жалованья у Казны сорок куниц, цена

² *Арсений Елассонский*. Мемуары из русской истории. С. 203.

³ В действительности восстание в Тихвине победило 25 мая, а кн. Прозоровский занял его посад 24 июня; битва под Воронежем закончилась 2 июля, так что награждение тихвинских и воронежских «сеунчиков» было сильно задержано – скорее всего, в связи с торжествами венчания на царство царя Михаила Федоровича (11 июля 1613 г.).

10 рублей, чарка, а в ней весу полтора рубля, тофты девять аршин, цена рубль дватцать шесть алтын четыре денги»⁴.

Несмотря на, казалось бы, совершенно односторонний характер информации, «книга сеунчей» все же передает ощущение крайне напряженной и бедственной обстановки полыхавшей на просторах России войны.

12.2. Возобновление войны со Швецией: от боев на Усть-реке до осады Пскова (1613–1615)

1613 г., 3 марта – апрель – самовольный поход казаков Л. С. Плещеева из Торжка на Удомлю, бои со шведами ротмистра Ф. Стрюйка.

18 апреля – назначение стольника кн. С. В. Прозоровского во главе войска для помощи Пскову.

9 мая – разгром кн. Прозоровским отряда Ф. Стрюйка на Усть-реке.

Середина мая – 4 июня – бои со шведами при Никольском погосте в Шереховичах.

Тихвинское «осадное сидение»

25 мая – уничтожение шведского гарнизона Тихвина в результате восстания.

5–9 июня – карательная экспедиция шведов и первая попытка захвата Успенского монастыря.

24 июня – на помощь восставшим приходит войско кн. С. В. Прозоровского.

10 июля – неудачный бой под Тихвином русской рати со шведско-новгородским войском.

15 июля – 17 августа – оборона Вознесенского («Царицына») Тихвинского девичьего монастыря.

17 августа – 14 сентября – неудачная осада шведами Успенского монастыря.

28 августа – разгром шведами и черкасами отряда И. Сумбулова на подступах к Тихвину.

1613 г., июнь – взятие Гдова отрядом псковича Ф. Федулова «изгоном».

18–28 августа – осада Гдова шведским отрядом саксонского герцога Юлия-Генриха; снята в результате набега из Пскова.

Октябрь–ноябрь – осада Гдова войском Э. Горна; снята в результате удачной вылазки гарнизона.

1613 г., ноябрь – 1614 г., январь – осада Ладоги верными царю казаками.

1614 г., 6 февраля – разгром на Олонце полков запорожцев, вернувшихся из набега на Холмогоры, «тихвинскими сидельцами».

1614 г., 12, 14 и 16 февраля – неудачные попытки шведского отряда Делавиля (из Новгорода) захватить Псково-Печорский монастырь.

⁴ Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 22.

1613–1614 г. – поход боярина кн. Д. Т. Трубецкого на Новгород.

1613 г., осень – выступление Трубецкого из Москвы; начало сбора войска в Торжке.

1614 г., начало апреля – войско подходит к Бронницам.

14 июня – бой под Бронницким острогом; вследствие поражения от шведов войско разваливается, остатки его отступают к Торжку.

1614 г., начало августа – 10 сентября – осада и взятие Гдова шведскими войсками Э. Горна, а с **25 августа** – короля Густава II Адольфа.

1615 г., январь – шведский отряд попытался атаковать Псков, но, отбитый за городом, устроил укрепление к западу от Пскова в д. Куя.

Май – взятие острожка в д. Куя псковичами. Начало сбора шведских войск в Нарве для похода на Псков.

После взятия Новгорода шведами летом 1611 г. между войсками Я. Делагарди, главнокомандующего и наместника короля в Новгородской земле, и центральными властями Московского государства военные действия не велись. Руководители и Первого (до гибели Ляпунова), и Второго ополчений всячески подчеркивали свою лояльность к кандидатуре шведского принца на царский стол, стремясь избежать войны на два фронта. Вместе с тем на Земском соборе 1613 г. нашлось и немало искренних сторонников этого выбора, руководствовавшихся и прагматическими (помощь против Польши), и более метафизическими (монарх от исконного «царского корня») мотивами. Однако «вся земля» предпочла Михаила Федоровича, и теперь очередной этап преодоления Смуты неизбежно подразумевал борьбу за возврат временно утерянных («по грехам») «государств» единого царства – Новгородского, Смоленского и Астраханского. Полки отправились туда немедленно после выбора царя; в частности, на волне этого всеобщего подъема по царскому указу двинулись на помощь Пскову тысячи вольных казаков и других служилых людей.

Наиболее энергичными и активными бойцами на новгородском направлении до конца войны оставались отряды «вольных казаков», которые не только составляли значительную часть царских полков, но сплошь и рядом самовольно действовали на подчиненной шведам территории, «приставничали» и грабили местное население. Их действия облегчались немногочисленностью и наемным характером войск противника, вынужденных сидеть в осаде и с трудом контролировавших окружающую местность. Неуклонно менялось и отношение всех сословий «Новгородского государства»

к иноземной власти, что в конце концов предрешило исход всей борьбы.

Смерть короля Карла IX, восшествие на престол юного Густава II Адольфа (которого изначально прочили на царский трон) и, наконец, весть о венчании на царство Михаила Романова заставили шведов изменить свою русскую политику. Уже летом 1613 г. на переговорах в Выборге их представители попытались привести новгородских послов к присяге не Карлу-Филиппу, а шведскому королю, но встретили решительное возражение гостя Степана Иголкина: «Что это еще за присяга?.. Русские не подчинятся и шведской власти, как не подчинились польской, пока останется в живых хоть младенец в колыбели».

По признанию Э. Горна, состояние шведских войск в России было тяжелым: не хватало продовольствия, одежды; солдаты были утомлены, и от дезертирства полки таяли с каждым днем. Недостатка не было только в вооружении и боеприпасах, что привело к одному своеобразному явлению: некий «зелейщик» Богдашка стал скупать оружие «в рознь втай у немецких солдат недорогою ценою» и после освобождения Новгорода перепродал на Пушечный двор... 117 «стволов пищальных салдатцких»⁵! Делгарди и Горн, долго уже находившиеся в России, прекрасно осознавали всю шаткость своего положения, но были вынуждены выполнять королевские инструкции и еще многократно: в январе и декабре 1614 г. и в 1616 г. – безуспешно пытались привести новгородцев к крестному целованию Густаву II Адольфу. Однако те твердо стояли на условиях договора 1611 г., а после поездки архимандрита Киприана и дворян Я. Боборыкина и М. Муравьева в Москву, где государь объявил им о своем прощении и милости, новгородцы отказались от присяги и Карлу-Филиппу (июль 1615 г.). Аресты, угрозы смерти, «правежи великие», налоги и страшный голод не сломили их решимости, а ограбления и погромы церквей и монастырей лишь ожесточили сопротивление оккупантам. Оно стало проявляться не только в массовом «отъезде» служилых людей и уходе горожан из Новгорода, но и в вооруженной борьбе.

⁵ Опись Новгорода 1617 года / Под ред. В. Л. Янина. М., 1984. Ч. 1. С. 134, 135.

12.2.1. Оборона Тихвина монастыря (1613)

Существовавший уже во времена Василия III монастырь Успения Пресвятой Богородицы на реке Тихвине (притоке реки Сясь, впадающей в Ладожское озеро) в XVI в. превратился в значительный торгово-ремесленный и военный центр Новгородской земли. В 1560 г. по указу Ивана Грозного вокруг каменного собора и монашеских келий был построен крепостной вал с деревянной остроконечной оградой, тремя шатровыми башнями и «тайником», ведущим к реке. Подобную, но не столь мощную ограду получил и новый женский монастырь Введения во храм Пресвятой Богородицы (Введенский или Малый), построенный на другом берегу Тихвины, к северо-западу от Большого монастыря. Посад, согласно установлению Судебника 1550 г., был перенесен на 2 версты к югу от монастыря. С этого времени Тихвин приобрел значение стратегически важной крепости, прикрывавшей северо-западные рубежи России со стороны Ладожского озера.

После взятия Новгорода и присяги его властей и жителей шведскому принцу Тихвин, не имея надежд на помощь, «целовал крест» Карлу-Филиппу в конце 1611 г. В крепость вошли 60 солдат во главе с комендантом Йоханом Делакумбе, а с начала 1613 г. – две сотни ивангородских стрельцов и небольшой отряд местных помещиков.

В апреле 1613 г. молодой стольник кн. С. В. Прозоровский со товарищи был послан царем Михаилом из Ярославля оберегать Псков от немецких людей⁶. Под свою команду он принял казачьи станицы из Белоозера, Бежецкого Верха и Торжка (до 1500 человек), недавно приведенных (по их собственному требованию) к присяге новому царю, а также несколько сотен помещиков и детей боярских ростовского митрополита. Кроме того, в конце мая к ним подошел с Удомли казачий отряд Л. С. Плещеева, который в марте–апреле выдержал осаду со стороны финских всадников Ф. Стрюйка.

В этот момент Великие Луки и Невель оставались верны королевичу Владиславу, блокируя прямую дорогу на Псков⁷. При-

⁶ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 года.

⁷ Воевода Лук Великих Г. Л. Валуев присягнул царю Михаилу Федоровичу только в августе 1613 г., в ближайших крепостях стояли гарнизоны А. Лисовского и А. Гонсевского.

шлось выбрать необычный маршрут через Устюжну Железнопольскую и далее, видимо, на Старую Руссу. Так князь Прозоровский реагировал и на другую шведскую угрозу: возможный поход «полковника» Ф. Стрюйка на Устюжну и Белоозеро. Однако тот самый Стрюйк, ходивший в апреле на Удомлю, сам атаковал царскую рать при Усть-реке (за 120 верст от Тихвина); его отряд был разгромлен, а шведский командир – убит. Вскоре отряд Прозоровского был остановлен сильным шведским корпусом при Шереховичах. Зато русский воевода Тихвина А. Трусов и успенский игумен Онуфрий, узнав о присяге Московского государства Михаилу Федоровичу и о приходе его войска, установили связь с царскими воеводами. 25 мая стрельцы и дворяне при поддержке присланного им отряда Д. Е. Воейкова (400 человек) перебили шведов и передали Тихвин в руки последнего.

Шведы, узнав о случившемся, предприняли карательный набег на Тихвин, сожгли посад, однако Успенский монастырь взять не смогли и через несколько дней отступили в село Грузино (120 верст от Тихвина). Первая победа была воспринята тихвинцами как чудо, поскольку видимых причин для отступления – помимо крестного хода по стенам монастыря – они не видели. Князь Прозоровский, получив разрешение из Москвы не прорываться на Псков и «прмышлять» над Тихвином, перевел на посад всю свою рать.

Главный воевода с войском стал возле Малого монастыря, на северном берегу Тихвина, – он назывался Царицыным по имени настоятельницы, бывшей жены Ивана Грозного Анны Колтовской (в иночестве «старица царица Дарья»)⁸. Своему товарищу – Л. А. Вельяминову – он поручил оборону более укрепленного Большого монастыря. Тем временем шведы собрали к Грузину сильное войско, включавшее в себя «немецкую» пехоту, финских рейтар, 2 тыс. черкас и литовских всадников, а также новгородских ратных людей (в частности, из Порхова) – всего до 5 тыс. человек с артиллерией и подрывниками-петардщиками.

К середине августа это войско с боем захватило Тихвинский посад и осадило Малый монастырь. После подхода подкреплений из Швеции (1,5 тыс. человек) и обстрела позиций «огненными ядрами» противник приготовился к штурму. Однако при слухе об измене

⁸ Старица Дарья с иными сестрами обители в это время жила в Устюжне Железнопольской, скрываясь за более надежными стенами и от шведов, и от разбойников вроде запорожцев или русских казаков.

нескольких казаков ратные люди в панике бросились к Успенскому монастырю, причем шведам удалось нанести им огромные потери. Здесь, за стенами обители, тихвинцам удалось погасить мятежные настроения, и ратники вновь целовали крест на том, чтобы «стояти за Пречистую Богородицу и благочестивого царя» и «у Пречистые Богородицы в дому всем померети заодно». За подкреплением послали к Москве игумена Онуфрия и авторитетных ратных людей, поскольку в строю осталось немногим больше тысячи человек. Но и у шведской стороны были потери: в боях погибли возглавлявший войско подполковник Лейб-регимента Делгарди П. Беттиг и инженер – командир минеров майор А. Курц.

Тем не менее шведы приступили к методичной осаде и второй крепости, соорудив батарею на северном берегу Тихвина (Северскую крепость), а затем, замкнули блокаду постановкой туров на Московской (юго-восточной) дороге; минеры повели подкоп к северной стене и под западную Воротную башню. Но здесь защитники оказали самое яростное сопротивление. Во время одной из вылазок они разрушили восточные туры и захватили три пушки. В результате другой, согласованной с действиями Исаака Сумбулова (его отряд игумен Онуфрий встретил в 80 верстах от Тихвина), шведам вообще пришлось оставить позиции на Московской дороге. Правда, благодаря новой измене противнику удалось внезапным нападением разгромить на марше казаков Сумбулова (1,5 тыс. человек), которые откатились на Валдай, отказавшись от похода к Тихвину.

Ожесточение сторон нарастало. В ночь на 7 сентября защитники отбили первый общий штурм, а затем повели контрминную борьбу и усилили укрепления. Подкопная деятельность шведов столкнулась со странными трудностями, когда порох в подкопе не воспламенялся, а другие подкопы быстро обнаруживались и уничтожались контрминами либо вообще не достигали цели. Тем временем в стане противника начались мятежи, в результате которых со службы ушел целый наемный полк пехоты, а за ним – и запорожцы, так и не получившие «грошей» от шведского короля. Тем не менее, узнав о катастрофической нехватке в крепости пороха и свинца, шведы в ночь на 13 сентября с лестницами снова пошли на штурм. На сей раз в его отражении приняли участие даже женщины и дети, после чего тихвинцы сами перешли в контратаку. Наступал критический момент осады. На следующую ночь (на праздник Крестовоздвижения) осажденные снова сделали успешную вылазку, перейдя реку Тих-

винку, а днем слуга Соловецкого монастыря Мартемьян Поспел-Гора сообщил воеводам о видении ему Божьей Матери, которая известила его о «избавлении от безбожных еллин» и необходимости нового смелого наступления. Решительный натиск днем 14 сентября заставил противника бросить «осадный наряд» и с потерями уйти в Малый монастырь. Последняя неудача, а также слух о подходе к Устюжне свежей московской рати Ф. С. Плещеева лишили всякого смысла дальнейшее продолжение осады. Уход шведов на праздник мч. Никиты Бесогона (15 сентября) в памяти тихвинцев был связан с чудесным видением прихода в монастырь небесного воинства с пятью или даже 12 сияющими золотом знаменами.

Кн. Прозоровский, сдав командование Плещееву, вернулся в Москву. В последующие годы он принял участие еще во многих грандиозных походах, в том числе трижды осаждал Смоленск, однако до конца жизни помнил те чудеса, которые ему довелось пережить во время «Тихвинского осадного сидения». Князь Семен стал благодетелем обители, а незадолго до смерти, после 1657 г., принял в ней монашеский постриг под именем Сергия. Скончался он в схиме в 1660 г. 14 сентября (в день окончания тихвинской осады) и был погребен в паперти Успенского собора, а потомки его продолжали делать ценные вклады на помин его души⁹.

После снятия осады Тихвин стал центром настоящей народной войны, развернувшейся в Новгородской земле. Сюда стягивались ратные и уездные люди, свозились вооружение и боеприпасы; отсюда уходили отряды казаков к реке Волхов (перерезая водное сообщение) и за нее в Ижорскую землю; на построенных здесь стругах, вооруженных пушками, «плавные казаки» спустились в Ладогу и повели бои со шведами на самом озере и на его побережье. Везде воинов сопровождали тихвинские посадские люди, по своим торговым надобностям прекрасно знавшие все лесные и речные пути в Новгородской земле¹⁰.

Восставший Гдов дважды в 1613 г. осаждался шведами, но в результате вылазок гарнизона и с псковской помощью осады снимались¹¹.

⁹ Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской. СПб., 2004. С. 214; Русский биографический словарь. СПб., 1910. Т.: Притвиц-Рейс. С. 27–29.

¹⁰ Рабинович Я. Н. Малые города северо-запада России в Смутное время. С. 256–276.

¹¹ Там же. С. 245–249.

*Экскурс 13.**Конные поединки в боях эпохи Смуты*

Сражения Смутного времени представляли собой причудливое сочетание новейших способов ведения войны (огнестрельное оружие, полевые укрепления, минная война и петарды) с традиционной боевой практикой Восточной Европы. В частности, из глубины веков шел обычай предвелять столкновение главных сил молодецкой схваткой передовых воинов («травля» по-русски или «hagsu» по-польски). Десятки и сотни наиболее отважных и «доброконных» всадников осыпали друг друга стрелами и пулями, а порой вступали в рукопашные поединки. Нередко в этой забаве принимали участие нерядовые воины, вроде сотенных голов и «завоеводчиков» (ординарцев), которые искали противников, достойных себе по званию. Так, в начале боя с казаками Лжепетра «у Николы на Вырке» (около 23 февраля 1607 г.), в котором повстанцы были наголову разгромлены, погиб сын боярский новгородец Василий Оболянинов, оказавшись «в ертауле головою в первых стравщиках»¹².

В уникальном документе – послужном списке сына боярского Леонтия Степановича Плещеева из похода кн. С. В. Прозоровского (1613) – подобные поединки упоминаются как обычное занятие знатного помещика. В сражениях и стычках под Тихвинским монастырем 20–28 августа Леонтий бился на вылазках в конном строю, причем «убил копьем» двух немцев и одного литвина, – «да под Тихвиною ж Левонтей Плещеев перед воеводы и перед полками с литовскими людьми бился на поединках, и на тех поединках убил трех мужиков копьем». Факт проведения индивидуальных поединков на фоне противостояния осадных батарей и инженерной техники Леонтий счел нужным подчеркнуть и сам, в челобитной о пожаловании за тихвинскую службу: «Был на государеве службе на Тихвине, и, будучи на Тихвине, Государю служил, с неметцкими людьми перед воеводы и перед полками бился на поединках и ранен был многижда...»¹³. Документ неоспоримо свидетельствует

¹² Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сб. документов. М., 2003. С. 191.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 1. Л. 268–270; см. также: Лукичев М. П. Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612–1613 гг. // Лукичев М. П. Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 213.

*Habitus Equestris
Polonicus*

*Die Polnischen Hoffreitler gut,
Der Adel stolztz vnd wolgemüch,
Mit dem Fausthamer in der handt
Gantz lustig traben vber landt.*

*Johan Bassemecker
invernia*

Польские гусары. Гравюра конца XVI в.

о том, что навыки индивидуального копейного боя, которые позволяли их носителю и активно участвовать в атаках конных сотен, и побеждать литовских и «черкасских» удальцов в поединках-единоборствах, сохранялись в отдельных «боярских» родах Московской Руси вплоть до Смутного времени. Отметим, что для особого «молодчества» у Плещеева были свои мотивы: это и поддержание авторитета у казацкой вольницы – большей части «тихвинских сидельцев» – и личная месть черкасам за убийство брата и похищение сестры в 1608 г.¹⁴

Некоторые подробности схватки содержит и описание другого поединка – на этот раз неудачного для русской стороны. Во время конных стычек у Донского монастыря 26 сентября 1618 г. между черкасами Сагайдачного и русскими всадниками сам гетман запорожцев, по словам секретаря королевича Владислава, сразился с неким царским «гетманом» Бутурлиным¹⁵. При этом Петр Конашевич сумел выбить копьё из рук противника, а затем, за неимением иного оружия, сбил его с коня шестопером – знаком гетманского достоинства, присланным королевичем Владиславом. Справедливо отмечается, что этот молодецкий подвиг был крайне необходим Сагайдачному, чтобы повысить дух его уставшего и обескровленного войска; мотивы же поединка для царского дворянина менее ясны, если только его не настигли в момент отхода. Тем более что Бутурлиных при обороне Москвы было человек десять, и почти все они по своему чину московских дворян или стольников были командирами среднего звена¹⁶.

¹⁴ Во время похода гетмана Сагайдачного (1618) сестра Плещеева вернулась в Москву со своим новым мужем – запорожцем, перешедшим на царскую службу, что вызвало крупный скандал (*Опарина Т.* Украинские казаки в России: единовольцы или иноверцы? (Микита Маркушевский против Леонтия Плещеева) // СОЦІУМ. Альманах соціальної історії. Вып. 3. 2003. С. 21–44).

¹⁵ Цитата дневника: *Hetmani zaporoscy w służbie kryla i Rzeczypospolitej / Pod red. P. Krolla, M. Nagielskiego, M. Wagnera. Zabrze, 2010. S. 137.* Исследователи расходятся в определении инициалов этого «гетмана»: по мнению А. А. Маевского, это «М.» Бутурлин, а П. Сас считает, что это «В.» Бутурлин (*Majewski A. A. Moskwa 1617–1618. Warszawa, 2006. S. 149; Сас П.* Запорожці у польсько-московській війні наприкінці Смути 1617–1618 рр. Біла Церква, 2010. С. 373–374).

¹⁶ Так, Василий Кириллов сын Бутурлин ведал обороной Василевских вострот (с отрядом в 93 человека), Василий Матвеев сын Бутурлин возглавлял гарнизон острога за Яузой (905 человек); Никон Федоров сын Бутурлин был осадным воеводой в Симоновом монастыре (391 человек пехоты и пушкарей); по полкам в воеводах, головах или рядовых были расписаны стольники М. М., И. И., Ф. М., Ф. В., И. В. Бутурли-

Традиция молодецких подвигов не угасала и позже: в частности, в 1654 г. стольник Семен Кондырев, в составе отряда своего отца Ждана Кондырева в битве при Глубоком (23 июня), «збил с лошади» полковника Петра Казимира Беганьского, возглавлявшего ополчение полоцкой шляхты¹⁷. Лишь эпоха регулярных армий и линейной тактики вытеснила гарцовку и поединки в область «малой», партизанской войны и казачьих рейдов.

*12.2.2. Поход на Новгород войск боярина кн. Д. Т. Трубецкого.
Битва под Бронницами (1614)*

Осенью 1613 г. бывший вождь Первого ополчения кн. Трубецкой выступил с новым войском в Торжок, а оттуда по весне – далее на Новгород. Численность казаков у него и у А. Ф. Палицына (у Старой Руссы) превышала уже несколько тысяч человек¹⁸; часть из них, когда полки боярина укрепились в Бронницах под Новгородом, перешла реку Мсту и весьма выгодно возвела острог на другом берегу. Полковники Коброн и Менихгофен, усиленные черкасами (всего до 3 тыс. человек), осадили боярина в его остроге, начали бомбардировку, «и от такого великого утеснения воеводы не могли стоять, пошли отходить». Во главе уже с самим Деллагарди шведы нанесли им серьезное поражение «на отводе»: «едва сами воеводы отошли пешими», – а 400 казаков в остроге за Мстой, сдавшиеся на почетных условиях, были перебиты (14 июля). Хотя противник не мог развить успеха, русские отошли от Старой Русы, а оголодавшие в осаде казаки самовольно покинули полки и рассеялись по окрестностям либо двинулись на север. Поход кн. Д. Т. Трубецкого стал последней решительной попыткой военным путем вернуть Новгород: осложнение ситуации на польском фронте не позволило правительству снова направить сюда столь же крупное войско. Ожесточенные схватки под Тихвином, Ладогой, Олонцом и на Ладожском озере продолжались до

ны и дворянин В. К. Бутурлин (Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 573–575; Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII. М.; Варшава, 2009. С. 18, 31–32, 36, 122–123).

¹⁷ Полковник попал в плен в этой битве, но заслуга пленения его в послужной список Семена Кондырева не попала (Polski Słownik Biograficzny. Wrocław, 1991. Т. XXXII / 4. Zeszyt 135. S. 675–677; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 256. Ч. I. Л. 138).

¹⁸ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 116–118.

1617 г., но в них участвовали только верные правительству казачьи станицы, местные стрельцы и крестьяне.

12.3. Осада Пскова шведским королем (1615)

1615 г., 9 июля – король Густав II Адольф прибывает в Нарву: начало его похода на Псков.

29 июля – шведское войско подходит к Пскову.

30 июля – бой под стенами Пскова; гибель Э. Горна.

17 сентября и 9 октября – отражение штурмов крепости.

11 октября – подготовка к III штурму и взрыв порохового погреба шведов.

17 октября – снятие осады с города и отступление шведов.

Псков, в отличие от Новгорода, уже с 1609 г. вел боевые действия против шведов: вначале как наемников Шуйского (псковичи присягнули Лжедмитрию II), а затем пытавшихся склонить его к присяге шведскому принцу. Дважды уже противник подступал к городу (сентябрь 1611 г. и август 1612 г.), но и псковичи не оставались в долгу: их отряды срывали осаду Гдова, нападали на Порхов и доходили до Ижорской земли. Шведский король Густав II Адольф, еще в 1613 г. задумавший отправить воевавшее с Данией наемное войско в Прибалтику, решил лично возглавить военный поход на Псков.

После битвы под Бронницами главные шведские силы во главе с Э. Горном сосредоточились у Гдова. 25 августа король сам прибыл к крепости и начал готовить штурм. Осадные сидельцы отбили два приступа (причем погиб полковник Менихгофен), от мин и обстрела была разрушена более чем на четверть острожная стена Гдова (110 сажен из 392), и гарнизон предпочел капитулировать с правом выхода во Псков¹⁹.

Осенью 1614 г. Густав II Адольф отбыл в Швецию для подготовки нового похода, а Горн сильно стеснил псковичей, вызвав у них перебой с продовольствием. Правда, последние энергично сопротивлялись и заставили противника зимой снять блокаду.

В мае 1615 г. в Нарве начались приготовления к осаде, и в июле, после возвращения короля из Швеции, войска выступили в поход. Из 13 тыс. человек, находившихся в России, в нем при-

¹⁹ Рабинович Я. Н. Малые города северо-запада России в Смутное время. С. 249–254.

нял участие 9 тыс.²⁰ Делгарди, оставшийся в Нарве, занимался тыловым обеспечением войск. Гарнизон Пскова, во главе с боярином В. П. Морозовым, насчитывал 4220 человек – он сумел хорошо подготовиться к осаде, свезя в город продовольствие и укрыв крестьян. 20 августа из столицы, встревоженной походом «лисовчиков», все же смогли снарядить наспех боярина Ф. И. Шереметева – собираться для деблокады Пскова во Ржеве. «По наряду» в его полку насчитывалось 4,5 тыс. человек, но во Псков пробилось только 344 ратника во главе с воеводой И. Д. Плещеевым: остальные были задержаны борьбой с Лисовским до ноября²¹.

Тем не менее с самого начала осады псковичи действовали смело и предприимчиво: уже на следующий день после подхода Густава к Снетной горе их конный отряд атаковал шведский авангард. В этом бою выстрелом из пищали был убит фельдмаршал Эверт Горн – военачальник, руководивший почти всеми боями и осадами этой войны начиная с 1609 г. В окрестностях города крестьяне развернули партизанскую войну, затрудняя сбор урожая и продовольствия и подвоз боеприпасов. Шведы стали более осторожны и закончили обложение крепости только к 20 августа, построив вокруг нее шесть укрепленных лагерей. Еще через месяц была завершена установка тяжелой осадной артиллерии, после чего началась бомбардировка. Дважды псковичи отражали приступы к северо-западному фасу крепостных стен, причем контратаками выбивали противника из захваченных башен, а также из Запсковья, куда шведский отряд пробрался по реке Пскове.

11 октября канонада возобновилась, и противник приготовился к третьему штурму. Однако во время выстрела одно из орудий разорвалось, и огонь подорвал пороховой погреб. Серьезные потери и уничтожение основных запасов пороха заставили Густава-Адольфа отменить штурм и снять осаду.

Военная неудача, а также сопротивление сословий внутри Швеции заставили короля отказаться от дальнейших широкомасштабных кампаний в России, хотя попытки овладеть Псковом или стеснить его продолжались до самого мирного установления.

²⁰ Подробнее: *Замятин Г. А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008.

²¹ Книги разрядные по официальным оным спискам. Т. I. Стб. 61, 62, 65–67, 75.

*Экскурс 14.**Густав II Адольф – великий военный реформатор*

Юному королю пришлось принять управление государством в 14-летнем возрасте при весьма бедственных обстоятельствах: Швеция воевала одновременно в России, Ливонии и у себя дома, с трудом защищаясь от датского вторжения. Тем не менее он энергично взялся, прежде всего, за военные дела, выступив в рядах армии против датчан, а через год – возглавив русскую кампанию.

Еще будучи принцем, Густав начал изучать европейское военное дело, а в 1608 г. прошел двухмесячный курс обучения передовой голландской технике войны от Якоба Деллагарди, следовавшего из Нидерландов в Выборг и далее в Россию. И все же свои первые и наиболее значимые реформы он провел в области комплектования шведских вооруженных сил, а уж затем – в их тактике. И собственный опыт, и, в гораздо большей степени, мнение командующих в Новгороде убедили короля в ненадежности и разорительности его иноземных наемников, что еще весной 1614 г. привело к решению уволить их, «не дожидаясь, пока они примкнут к врагу или взбунтуются, и затем вести оборонительную войну с помощью своих собственных солдат»²². Мероприятия Деллагарди по обеспечению наделами финских рейтар и земельные пожалования королем всех младших офицеров предвосхитили более широкие преобразования. В 1617–1634 гг. рядом реформ была создана знаменитая система провинциальных полков – первая постоянная национальная армия Западной Европы.

Если административные изменения были навеяны богатым опытом, полученным в России, то новые тактические формы и перевооружение войск произошли под влиянием знаменитой нидерландской и протестантско-германской военных школ, а также опыта их адаптации к условиям войны с Речью Посполитой (1621–1627). Эти системы послужили к славе Швеции, ставшей в короткое время великой европейской державой, и, в свою очередь, стали образцом при создании армии нового типа в Московском государстве. Взаимная заинтересованность в военном и политическом сотрудничестве между Густавом II Адольфом и правительством Филарета и Михаила Романовых вызвала к жизни проекты

²² Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 320.

совместного выступления против Речи Посполитой. Мероприятия по модернизации вооруженных сил Московии перед новой войной, проводимые при прямом содействии великого военного реформатора (наем военных специалистов и солдат, закупки вооружения), приобрели со временем гораздо большее значение, чем неудачная политическая интрига, хотя в конце концов обернулись против самой Швеции.

12.4. Завершение войны со Швецией.

Столбовский мир 1617 г.

1616 г., май – набег казаков из Пскова на Сумерскую волость.

11 августа – шведский отряд из войск фельдмаршала К. К. Юлленхельма начинает строительство укреплений на острове у мыса Святого Николая в Устьях на р. Великой.

10 декабря – взятие укрепления псковичами.

1617 г., 27 февраля – Столбовский мир со Швецией.

Мирные переговоры начались при посредничестве английского купца Джона Мерики, а также голландцев, заинтересованных в скорейшем установлении мира в России и нормализации торговли с богатым соседом²³. После споров о царском титуле и т.п. состоялись съезды послов в Дедерине (январь–февраль 1616 г.), переговоры в июне–сентябре между Ладогой и Тихвином и съезды в Столбове. Последние завершились 27 февраля 1617 г. подписанием «вечного мира», по условиям которого Россия утратила Корелу и Ижорскую землю с крепостями Ивангород, Копорье, Ям и Орехов, а следовательно – и выход к Балтике.

Вместе с тем даже такое завершение войны стало большим успехом: послы окольных кн. Д. И. Мезецкий со товарищи прислали с сеунчем, что «Свийской король отдал государеву отчину Великий Новгород, да к Новугороду города: Ладогу, Порхов, Старую Русу; а немецких людей... велел вывести». Опись Великого Новгорода 1617 г. показывает, что согласно договору шведы оставили в целости и сохранности «Божие милосердие» – иконы, утварь и драгоценные украшения храмов и монастырей – а также колокола и пушечные запасы, что представляло огромную мате-

²³ Рабинович Я. Н. Малые города северо-запада России в Смутное время. С. 277–309.

риальную ценность²⁴. Гдов был очищен шведами только в августе 1621 г., по окончании порубежных споров.

Подводя итоги русско-шведских отношений периода Смуты, необходимо учитывать и их положительный опыт: в течение ряда лет Россия и Швеция были партнерами в восточноевропейской политике, а влияние «немецких» наемников и военных специалистов на реформирование русской армии трудно переоценить. На остальном протяжении XVII столетия по отношению к северо-западному соседу боролись две внешнеполитические линии: одна – на сотрудничество, другая – на борьбу за выход к Балтийскому морю и возврат потерянных земель.

²⁴ Опись Новгорода 1617 года. Ч. 1.

Глава 13

БОРЬБА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА С ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИЕЙ (1613–1618)

13.1. «Смоленское городовое стояние» (1613–1617)

1612 г., декабрь – польские войска оставляют Можайск.

1613 г., январь – большая часть польского гарнизона, образовав конфедерацию из-за неуплаты жалования, покидает Смоленск и уходит на «приставства» в Дорогобужский уезд.

Конец апреля – смоленские конфедераты уходят в Литву.

7 июля – польский гарнизон оставляет Вязьму, а несколько позже – Дорогобуж и отступает в Смоленск.

Август – осада и взятие Белой войсками кн. Д. М. Черкасского; воевода г. Невеля Г. Валувев с городом присягает царю Михаилу Федоровичу.

Сентябрь – армия кн. Черкасского блокировала Смоленск, ратные люди опустошили окрестности Мстиславля и штурмовали Велиж.

1614 г., январь – русские войска взяли и выжгли Лохвицу, Синечь, посады Гомеля, опустошили окрестности Кричева, Шклова и Копыси.

Апрель – части воеводы кн. И. Ф. Троекурова выстраивают линию острожков для защиты тылов блокадного корпуса под Смоленском; командование дивизией Я. К. Ходкевича (2400 человек) принимает на себя А. Сапега.

28 апреля – неудачная попытка взятия Катинского острога войсками Сапеги и Лисовского с целью провести обоз к Смоленску: поляки разбиты и потеряли «розряд» (походную канцелярию).

Конец июня – 1 июля – прорыв войск Сапеги и Лисовского с обозом к Смоленску.

Конец ноября – второй прорыв Сапеги с обозом для смоленского гарнизона.

1615 г., сентябрь – 1616 г., июль – перемирие под Смоленском на время переговоров между послами России и Речи Посполитой.

Сообщая в начале 1616 г. о положении дел в России, что «войск наготове у них больше нет, кроме тех 8 или 10 тысяч, что стоят под Смоленском, а набрать новые нет возможности из-за общего

разорения страны»¹, – новгородец М. Клементьев (перебежчик к шведам) был прав хотя бы в том смысле, что тогда это было единственное постоянное соединение действующей русской армии. Ратная служба «по очищению» западной «государевой вотчины» – так называемая «смоленская служба» или «смоленское городовое стояние» – на протяжении четырех лет была своего рода повинностью «всей земли», как, быть может, прежде – «береговая украинная». За это время под Смоленском успели послужить дворяне и дети боярские большей части уездов Московского государства, сменяясь либо по половинам и третям, либо по особым распоряжениям; к направленным туда подмосковным казакам присоединились станицы, покинувшие Заруцкого под Воронежем, а затем – дополнительно прибранные из местных «охочих людей». Так что вначале совокупная численность осадной рати могла достигать 8–10 тыс. человек, однако вскоре по разным причинам она сократилась до 4–5 тыс.²

Еще в апреле 1613 г. от надежных «языков» в Москве стало известно, что по вестям с Варшавского сейма шляхтичи с челядью отзываются из-под Смоленска; туда же, бросая «полон», помчались черкасы, воевавшие в украинских русских землях: на Польшу надвинулась турецкая угроза. Те же «выходцы» сообщали, что в Смоленске всего 2 тыс. пехоты, «а прибылых не ждут», «и города не крепят», «и запасов никаких не готовят». Так что войска, выступившие из Калуги в августе 1613 г., видимо, изначально собирались для похода на запад.

Преследуя погромивших ряд южных областей черкас, рать стольников князя Д. М. Черкасского и М. М. Бутурлина освободила Вязьму и Дорогобуж и подступила к Белой³. «Литовские люди и немцы», вышедшие на вылазку, были разгромлены и после «крепкой» осады сдали город.

Экскурс 15. «Бельские немцы»

Армия Речи Посполитой давно имела в своем составе отряды наемников (в основном пехоты) из Западной Европы и Лифлян-

¹ Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. С. 373.

² Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 89–94.

³ Новый летописец. С. 383.

дии, а с началом польско-шведской войны их приток увеличился за счет общепринятой в то время практики зачисления на свою службу военнопленных и перебежчиков. «Немцы» (шотландцы и ирландцы), находившиеся в гарнизоне Белой, по всей видимости, перешли к полякам из войск Делагарди и Горна в 1610 г., покинув их знамена под Клушином или Ивангородом (во время спровоцированного Лисовским бунта). Видно, они остались недовольны жалованьем и на польской службе, почему и сдали крепость русским полкам, выговорив себе зачисление на царскую службу. Около 8 октября 1613 г. их капитаны – «шкотцкие земли» Вилим Грим и «ерлянские земли» Томас Юстус – предстали перед самим Государем и получили «за службу» по сороку соболей, отрезы бархата и сукна⁴.

На царской службе две эти роты под общим именем «бельских немцев» или «бельских сидельцев» перешли на положение «служилых иноземцев». Они поступили в ведение Разрядного приказа и стали нести обычную конную службу, сохранив в неприкосновенности свое внутреннее устройство: правительство даже отказывалось назначать им ротмистров, требуя их выборности. Таким образом, до 1624 г. продолжали существовать обе роты: «шкотцких немец» ротмистра А. Мутра и «эрлянских немец» капитана Томаса Юстуса, – насчитывавшие вместе 130 человек (1615)⁵.

Разместившись поначалу в Москве, они приняли участие в походах против «вольных казаков» и в погоне за Лисовским, а также в обороне Москвы в 1618 г.⁶ С 1616 г. «бельские сидельцы» регулярно появляются в составе Большого полка Украинного разряда на Туле, где часть из них впоследствии поселилась. После заключения перемирия некоторые вернулись на родину, а иные получили поместья в основном в северных уездах, послужив в начале 1630-х гг. кадрами для новосформированных полков «нового

⁴ Приходно-расходные книги Казенного приказа // РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 165.

⁵ *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–1634. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 9, 13–16.

⁶ Подробнее о появлении «бельских немцев» в России и их службе в годы Смуты см.: *Скобелкин О. В.* Ирландская рота на русской службе в последние годы Смуты // Шэмрок. Журнал ирландских исследований. Воронеж, 1997. № 1. С. 71–85; *Он же.* Шотландцы на русской службе в середине 10-х годов XVII века // Исторические записки: Науч. труды ист. ф-та ВГУ. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 14–21; *Он же.* Участие ирландцев последних событиях Смуты в России // Шэмрок: Ирланд. исслед. (история, политика, культура). 20026. № 2. С. 56–66.

строю». Одним из поручиков первого в России рейтарского полка стал «бельский немец» (шотландской роты), к 1633 г. уже помещик Юрий Лермонт – основатель русского рода Лермонтовых.

13.1.1. Начало осады Смоленска царскими войсками (1613)

После падения Белой воеводы двинулись дальше «и стали не доходя Смоленска за две версты, и Смоленск осадили». Кн. И. Ф. Троекуров, сменивший тяжело раненного под Белой Бутурлина, с частью войск занял оборону по литовскому рубежу и перекрыл доступ к городу «острожками» и засеками. Голод поставил гарнизон (около 1 тыс. человек) на грань капитуляции⁷. Однако бедственное положение русских ратных людей вызвало в войске «волнение великое»: в какой-то момент они бросили свои посты, что позволило А. Сапеге, оршанскому старосте, провести в Смоленск обоз с продовольствием⁸. Энергичный ротмистр еще дважды (в 1615 и 1617 гг.) спасал гарнизон от капитуляции, прорываясь к нему с новыми отрядами и обозами и сведя на нет усилия царской рати по утеснению крепости: иных же способов овладения ею, кроме тесной блокады, не позволяло состояние осадного корпуса.

Здесь царской рати, выполнявшей тягостную для нее повинность, противостояли самые энергичные и амбициозные польские военачальники – Ян Кароль Ходкевич, его заместитель (с апреля 1613 по 1614 г.) Александр Сапега, велижский староста Александр Корвин Гонсевский, бывший глава польского гарнизона в Москве, полковник Александр Лисовский со своим знаменитым полком. Гонсевский, переписываясь с Я. Делагарди о продлении частным образом перемирия между ними (которое длилось с 1612 г.), довольно откровенно высказывался, что «намерен собственными силами захватить предательски отнятые русскими у поляков Белую, Вязьму и Дорогобуж, так как они даны ему с товарищами во владение королем польским»⁹. Так что, пока королевское во-

⁷ *Пшэпюрка А. Г.* Дзеянні войскаў ВКЛ пад Смаленскам у 1614 г. // *Беларускі гістарычны агляд*. Мінск, 2008. Т. 15. Ч. 1–2 (28–29). С. 124–148.

⁸ Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 20–26; *Новый летописец*. С. 386, 387.

⁹ *Видекинд Ю.* История шведско-московской войны XVII века. С. 289.

йско было занято на турецком фронте, «приватные» и ополченческие отряды литовской шляхты бились на Смоленской земле за свои новые поместья.

После боев 1614 г. под Смоленском наступило относительное затишье, а с сентября 1615 по июль 1616 г. – и порубежное перемирие на время «съездов» русских и литовских послов, – хотя бои с выходящими из города поляками продолжались и в это время.

Одновременно с осадой Смоленска ожесточенные боевые действия развернулись на всем протяжении русско-польской границы: и южнее, в Северской земле и на Украине, и северо-западнее – на великолуцком и псковском направлении. Они носили характер «малой войны», каждый поход осуществлялся с целью захвата и разорения одного-двух городов с уездами и силами от сотен до нескольких тысяч человек. Жестокие осады выдержали почти все русские северские города, а также Торопец и Невль¹⁰; в то же время и царские ратники не оставались в долгу, выполнив давнюю угрозу смолян королю Сигизмунду (1611): «И твою землю литовскую будем пустошить, как и ты нашу!» В частности, разорению подверглись Гомель, Миргород, Лоев, Лохвица, отряды северских ратников «в розгоне» повоевали даже Киевский уезд, не дойдя 7 верст до города (сентябрь 1616 г.). В малороссийских землях ратники неизменно отбивали русский «полон», захваченный черкасами с 1609 г., и отчитывались государю о вывозе из взятых городов «Божьего милосердия» – церковного имущества православных храмов, которое не пристало жечь и разорять вместе с прочим добром¹¹.

13.2. Поход полковника Лисовского в 1615 г.

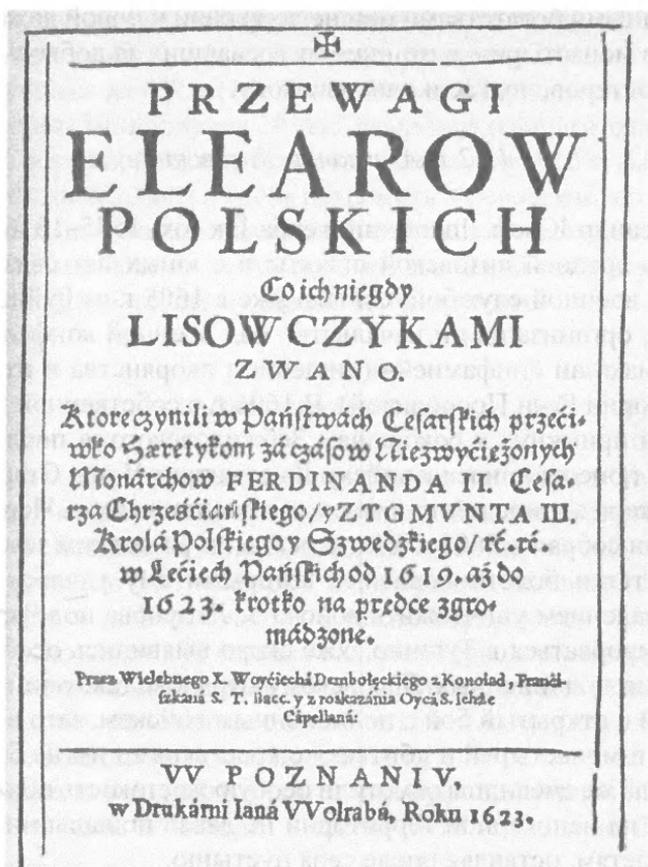
С начала Смутного времени не проходило и года, чтобы «черкасы» – украинские и запорожские казаки – и иные «литовские люди» не ходили в набег на различные области Московского государства. При Лжедмитрии II они разведали путь в богатые верхневолжские и поморские места и после 1612 г. стали появляться там особенно часто. Запорожцы или «паны» оставили о

¹⁰ Подробный обзор боевых действий на северо-западном направлении см.: Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты // *Україна Lituanica: Студії з історії Великого князівства Литовського*. Київ, 2009. Т. 1. С. 67–88.

¹¹ Книга сеунчей 1613–1619 гг.

Герб Лисовского «Еж».

себе память в самых отдаленных «медвежьих» углах Русского Севера: «Такой же войны не было от начала, и русские люди не знали, куда ходить». В поисках добычи отдельные отряды дошли до «Студеного» (Белого) моря, но не смогли пробиться сквозь Заонежские погосты: «Земли же много опустошили, а сами пропали все». «Сгинули, как паны» – пошла с тех пор поговорка у местных жителей.

Новый летописец отметил особый образ действий грабителей: «А воевали Московскую землю походя: ни под городами, ни по волостям нигде не стояли»¹². В этом они сильно отличались от доморожденных русских «воров-казаков», которые зачастую громили бесцельно, подолгу мучая «приставствами» жителей отдельных волостей и ожидая приглашения на службу и выплаты жалованья. Захваченными богатствами они не дорожили и порой даже делали вклады в монастыри – в отличие от воевавших за добычу иноземных волонтеров, черкас и «лисовчиков».

13.2.1. Александр Лисовский

Александр Юзеф Лисовский герба Ёж (ок. 1575–1616) происходил из средней литовской шляхты и с юных лет связал свою судьбу с военной службой. Однако уже в 1605 г. за буйный нрав, грабежи, организацию и начальство над военной конфедерацией он был наказан «инфамией» (лишением дворянства и изгнанием с территории Речи Посполитой). В 1606 г. с собственной казачьей ротой он примкнул к рокошанам Зебжидовского, а после их поражения присоединился к войску Лжедмитрия II под Стародубом, заняв вскоре видное место в числе его сподвижников. Первое свое войско он собрал в 1608 г. в ходе рейда по рязанским землям: это были остатки болотниковцев, с которыми ему удалось внезапным нападением уничтожить войско З. Ляпунова под Зарайском, а затем прорваться в Тушино. Уже скоро выявились особенности поведения подчиненных Лисовскому отрядов: так, они неохотно вступали в открытый бой с полноценным войском, зато в грабеже городов и монастырей и «битвах» с крестьянами им не было равных; тогда же очевидцы отметили особую жестокость полковника, который на непокорной территории не давал пощады ни женщинам, ни детям, оставляя после себя пустыню.

¹² Новый летописец. С. 393.

С 1608 по 1610 г. под его началом успели побывать и казаки, и черкасы, и литовцы, и дети боярские, и татары, и даже сманенные со шведской службы англичане, шотландцы и ирландцы. С последними он в 1610 г. действовал в окрестностях Пскова, но, когда выяснились его намерения вернуться в Литву, был вынужден уйти в Заволочье. Вскоре с Лисовского была снята «инфамия», а сам он поступил на службу Речи Посполитой, сначала, как начальник гарнизона Заволочья, а с потерей этого «замка» (1613) – как подчиненный Я. К. Ходкевича. В этом качестве он успешно действовал против царской армии под Смоленском, разрушив часть ее «острожков». В следующем году гетман, организуя диверсии в тылах московской армии силами волонтерных – воюющих за добычу – отрядов, присвоил Лисовскому титул «полковника Его Королевского Величества» и выдал патент на формирование нового полка, вскоре получившего известность под именем «лисовчиков»...

Вернувшись из рейда (1615), полковник был удостоен аудиенции у Сигизмунда III и получил 10 тыс. флоринов на подготовку нового похода. Собрав войско под Гомелем, он осенью 1616 г. выступил к Стародубу, «похваляясь» вновь погромить Московское государство, но в Комарицкой волости внезапно упал с коня и испустил дух. Лисовский не оставил ни потомства, ни значимой собственности, а только недобрую память о себе и о своих отрядах.

Экскурс 16. Полк «лисовчиков»

Ядро полка складывалось постепенно из старых товарищей Лисовского и новых жолнеров, искавших славы и добычи в Смутное время. Весной 1614 г. Лисовский имел под своей командой конные роты (по 100 человек): пятигорскую Быковецкого и три казацких (того же Быковецкого, а также Чернацкого и Челядки), – которых усиливали 180 казаков Захария Заруцкого. Воины эти не только участвовали в полевых боях против царской рати и штурмах острожков, но некоторое время несли осадную службу на стенах Смоленска (вторая половина 1614 г.)¹³.

Подразделение, на которое полковник получил «лист приповедный» (указ о наборе) в конце 1614 г., должно было по-

¹³ *Пиэторка А. Г.* Дзеянні войскаў ВКЛ пад Смаленскам у 1614 г. Т. 15. Ч. 1–2 (28–29). С. 140, 141, 143, 144.

прежнему включать в себя 600 казаков. Однако имя Лисовского привлекло под его знамена гораздо больше людей, и в целом его войско достигло численности 2, а по всем русским данным 3 тыс. человек – большей частью легковооруженной конницы. Служили «лисовчики», как и прочие польские волонтеры, не за жалованье, а за долю добычи. Этим объясняются особенности их тактики: они двигались без таборов, нападать старались внезапно, а при сколь-нибудь действенном сопротивлении предпочитали скрытно и стремительно уходить, не возобновляя боя. В этой скорости заключалось их главное преимущество над медлительными русскими полками, почему во время своих рейдов они захватывали в основном деньги и драгоценности, помещавшиеся во вьюках.

По польскому обычаю полк состоял из рот или хоругвей «казацкого» типа. Полковник имел под непосредственным началом две хоругви – Красную и Синюю (по цвету знамен). В большинстве своем это были вымуштрованные и прекрасно дисциплинированные в бою ветераны – что не мешало им, под стать своему полковнику, быть несдержанными забияками даже у себя на родине. После внезапной кончины своего командира они выбрали на его место ротмистра Раткевича, но, не доходя до Смоленска, убили его и выбрали в полковники Чаплинского¹⁴.

По возвращении из последнего русского похода 1618 г. Сигизмунд предпочел срочно выпроводить этих волонтеров из Польши в Европу – помогать Католической лиге сражаться с протестантами в Чехии. Это вызвало гнев турецкого султана, покровителя борющихся с Габсбургами венгров, и стало одной из причин новой польско-турецкой войны. «Лисовчики» же продолжали действовать в своей манере, то возвращаясь для войны с татарами, то снова уходя в Европу, находя службу даже в Италии и Франции. Военные теоретики того времени, анализируя опыт Тридцатилетней войны, относили «лисовских казаков» к особому роду войск, разновидности восточноевропейской конницы.

¹⁴ Новый летописец. С. 393.

13.2.2. Последний поход А. Лисовского¹⁵

1615 г., 13 марта – 22 июня – неудачная осада Лисовским Брянска (11 недель).

Июнь – выступление из Москвы войска боярина кн. Д. М. Пожарского против Лисовского.

20 августа – бой «лисовчиков» под Орлом с войсками кн. Д. М. Пожарского.

31 августа – Лисовский отбит от Болхова.

1–2 сентября – занял и сжег Белев (01.09) и Перемышль (02.09), но отбит от Ливен (01.09).

Сентябрь–октябрь – преследуемые Пожарским, «лисовчики» обошли Калугу, прошли между Вязьмой и Можайском, отбиты от Ржевы Володимеровой и Погорелого городища.

С начала ноября – быстрый поход под Торжок, далее в Кашинский и Угличский уезды, меж Костромы и Ярославля – под Суздаль, отбит от Муромы, а затем через Рязанский, Тульский и Алексинский уезды вышел в Северскую землю.

Ночь на 22 декабря – часть «лисовчиков» отбита при попытке атаковать Лихвин.

Начало 1616 г. – Лисовский вернулся в Литву.

1616 г., октябрь – Лисовский умер при подготовке нового похода.

В марте 1615 г. Лисовский «изгоном безвестно» попытался взять Брянск, после чего держал его в осаде 11 недель. Воевода Передового полка Украинного разряда кн. Ю. И. Шаховской начал было собираться в Карачеве на выручку, но был разгромлен и взят в плен «лисовчиками». Сразу осознав опасность положения, правительство спешно направило в Калугу и далее самого князя Д. М. Пожарского, вручив ему «по наряду» войско в 7 тыс. человек, да еще почти 8 тыс. «низовой рати» (из Казанской и Мещерской земли и Нижнего Поволжья)¹⁶.

Боярин наспех выступил с наличными силами, собирая служилых людей по дороге из Калуги в Белев и Болхов (в том числе и из Украинного разряда). Лисовский не собирался вступать в открытый бой: он выжег Карачев, неудачно попытал последний раз счастья под Брянском, а затем бросился к Орлу. Здесь его и настиг

¹⁵ *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 153–157; Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.) // Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 1995. С. 101–123.

¹⁶ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 47–51.

ертаул Пожарского, который завязал жаркий бой. Лучше вооруженные поляки, оправившись от внезапного нападения, сумели потеснить царские полки. Исход столкновения решило мужество князя Дмитрия: когда конница (в основном татары) бежала с поля боя, он едва с шестью сотнями человек продержался за телегами до ночи, после чего беглецы вернулись к нему в обоз.

Противник не стал больше испытывать судьбу и скрытно ушел из-под Орла. Пройдя за одни сутки 150 верст, «лисовчики» напали на Болхов и окрестные города. Состояние этих украинских крепостей было бедственное, но там, где воеводы нашли в себе мужество отбиваться, поляки не задерживались; взятому под покинутым Белевом сыну боярскому «про Белев Лисовской говорил, что было ему к Белеву не приступать, и тому Лисовской смеетца, что воеводы города мечют». Получив в подкрепление «казанскую рать», Пожарский сумел наскоро усилить гарнизон Калуги, а сам пошел за врагом по пятам.

Тогда «лисовчики» резко свернули и, пройдя меж Вязьмой и Можайском, напали на Ржев. Здесь от них «едва отсиделся» боярин Ф. И. Шереметев, собиравшийся идти выручать от шведской осады Псков. В это время князь Пожарский заболел в Калуге, и его рать развалилась: казанцы бежали из-под Москвы обратно на Волгу¹⁷. Пока поляки осаждали Ржев, на Волок Ламской и в Ярославль были отправлены воеводы собирать новые полки. Узнав о подходе кн. М. П. Борятинского с пестрым двухтысячным отрядом (дворяне, татары, тысяча казаков и 300 «немцев» во главе с английским вельможей Артемием Астоном)¹⁸, Лисовский снова бросил осаду и ринулся на Кашин и Углич. Встретив под Ярославлем войско кн. Туренина, он свернул на юг в суздальские и муромские места, не приступая уже к городам, но опустошая округу, особенно монастыри. Царь и бояре посадили в тюрьму Борятинского, который «шол... мешкотно, и идучи села и деревни разорял, а Лисовской многие города повоевал»¹⁹, и указали собрать еще два полка – в Муроме (М. С. Дмитриева) и в Рязани (стольника кн. Ф. С. Куракина).

Направление дальнейшего движения «лисовчиков» было определено верно, но сформировать полки и построить засеки времени не хватило: грабители смогли уйти через южнорусские уезды в

¹⁷ Новый летописец. С. 390.

¹⁸ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 95–97.

¹⁹ Там же. Стб. 106.

Северскую землю и далее в Литву. Князя Куракин и Туренин преследовали их от Тулы и «сошли» только один раз в Любуцкой волости Алексинского уезда²⁰. Этот поход надолго остался в памяти русских людей, а «лисовчикам» создал на родине ореол неуловимости и непобедимости.

13.3. Завершение осады Смоленска (1616–1617)

Прекращение мирных переговоров 1 июня 1616 г. немедленно вызвало возобновление боевых действий на западе. Новый воевода стольник М. М. Бутурлин прибыл под Смоленск с 1,5 тыс. человек свежей конницы, а татарский кн. М. К. Тимбаев с татарами и казаками отправился к Витебску²¹. Ответные действия литовцев полностью изменили обстановку.

В июле на сейме в Варшаве было принято решение отправить королевича Владислава против Москвы. Не дожидаясь сбора королевских войск, А. Гонсевский, призвав на помощь «лисовчиков», с трехтысячным отрядом выступил к Смоленску. В бою 9 октября 1616 г. он был с потерями отбит от смоленских «острожков»²², но затем обошел их и укрепился на Московской дороге, перерезав снабжение осадного войска²³. Попытки полков кн. М. Д. Борятинского и боярина кн. Ю. А. Сулешова (до 7 тыс. человек «по наряду», включая московских чинов и стрельцов)²⁴ пробиться из Дорогобужа к Смоленску потерпели неудачу, прежде всего из-за «нетства» и вообще неважного положения их людей. В результате царские ратники на смоленской службе «стали безконны и беззапасны, и многие помирают голодною смертью, и ныне служат и кровь свою проливают безпрестанно». Сидевшие «в острожках в осаде з голоду ели кобылятину и собаки и стали бедны же без «службы» и без всех животов»²⁵ (грамота на Тотьму, зима 1616 г.).

По весне кн. Сулешев совершил несколько диверсий у Гонсевского, взял в плен двух полковников и разгромил «лисовчиков»

²⁰ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 107–116.

²¹ Там же. Стб. 92, 93, 169–174.

²² Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 48.

²³ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 222, 228.

²⁴ Там же. Стб. 222 (войска кн. М. Д. Борятинского, 3 тыс. человек), 229–231 (у боярина Ю. Я. Сулешева 2 тыс. человек, у кн. С. В. Прозоровского 1,5 тыс. человек).

²⁵ Ср.: Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 229.

Чаплинского (240 человек пленными) – но при этом ему самому приходилось отбиваться от наступающего противника. Под напором польских войск Бутурлину наконец пришлось в мае 1617 г. покинуть «острожки» и отступить к Белой, а оттуда на восток к Можайску. Одновременно и кн. Сулешев получил указ снабдить пехотой и запасами крепости Дорогобуж, Вязьму и Можайск, а конницу передать присланным на смену воеводам²⁶. Первая в XVII столетии русская осада Смоленска окончилась безрезультатно ввиду полного недостатка и плохого состояния необходимых для этого сил и средств.

13.4. Поход королевича Владислава на Москву (1617–1618)

25 марта (4 апреля) – королевич Владислав заключает в Варшаве договор с Сигизмундом III об условиях мира между Речью Посполитой и Россией в случае избрания его царем.

27 марта (6 апреля) – торжественный выезд королевича из Варшавы в поход на Москву.

6 мая – армия М. М. Бутурлина вынуждена снять осаду и отступить от Смоленска.

Май–июнь – армия Владислава сосредоточена в Луцке; части Гонсевского блокируют и осаждают Дорогобуж.

1 октября – армия Владислава подходит к Дорогобужу; казаки и посадские люди целуют крест королевичу, как русскому царю.

18–19 октября – казаки Заугорского войска самовольно уходят из Вязьмы, и Владислав занимает город без сопротивления.

1617 г., октябрь – 1618 г., июнь – противостояние польско-литовских (королевича Владислава) и русских войск (боярина кн. Б. М. Лыкова и Г. Л. Валуева) между Вязьмой и Можайском, а также поляков Опалинского и Чаплинского и рати кн. Д. М. Пожарского между Козельском и Калугой. «Малая война».

1617 г., 28 ноября – 2 декабря – неудачная экспедиция отряда К. Ходкевича для внезапной атаки Можайска.

1618 г., 22 марта – начало мая – неудачная осада Стародуба-Северского коронным полком М. Казановского; затем Казановский безуспешно пытался взять Болхов (3–8 июня) и Белев (11 июня) и через Козельск пришел в Можайск к королевичу (конец июня).

14 июля – 8 августа – неудачная осада Белой полками Калиновского, Хвостовца и Н. Гонсевского; крепость оставлена царским гарнизоном в

²⁶ Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 48–59; Книги разрядные по официальным оным спискам. Т. I. Стб. 240, 241, 334; Новый летописец. С. 393, 394.

конец августа: он сжигает ее укрепления и уходит на соединение с главными силами.

6 июня – выступление армии Владислава из Вязьмы на Можайск.

28–30 июня – неудачный штурм поляками Борисова городища и сражение под стенами Можайска армии королевича с войсками кн. Лыкова.

12 июля – войска кн. Д. М. Черкасского прорываются из Рузы в Можайск.

20 июля – основные силы Владислава подходят от Борисова к Можайску и начинают осаду города; войско кн. Д. М. Пожарского переходит от Калуги к Боровску.

Ночь на 6 августа – князя Лыков и Черкасский, оставив необходимый гарнизон, выводят войска из Можайска к Боровску и далее в Москву под прикрытием полка кн. Пожарского; Борисово городище оставлено.

6 сентября – Владислав снимает осаду и выступает с войском от Можайска на Москву через Звенигород (занят 13 сентября).

Около 23 сентября – польско-литовские войска разбивают лагерь в окрестностях Тушина.

Отправляя королевича в поход на Москву, варшавский сейм поставил перед ним ряд обязательных условий, в случае его утверждения на троне. В частности, он должен был соединить «неразрывным союзом» Россию и Речь Посполитую, «вернуть» последней смоленские, северские и другие города и отказаться от прав на Ливонию и Эстонию. Для наблюдения за тем, чтобы все делалось для выгод Республики (а не династии), королевича сопровождали восемь комиссаров-сенаторов. Предприятие оформлялось как поход незаконно изгнанного претендента на царский трон: Владислав отправлял возвания и пытался заручиться поддержкой самых разных «московитских» кругов, от бояр до казачества; он выстоял «обедню» в униатской церкви и даже освятил там знамя с московским гербом. От папы римского он получил позволение венчаться царским венцом по униатскому («греко-католическому») обряду²⁷ и объявил в своих манифестах, что его короновал патриарх московский Игнатий – смещенный со своей кафедры в 1606 г. за потворство Лжедмитрию I²⁸.

Расчет на новую смуту был тем более необходим, что войск королевичу выделили всего 10 800 человек, да и из тех часть пришлось оставить против Турции. Жолкевский, изначальный против-

²⁷ *Majewski A. A. Moskwa 1617–1618. S. 54–62.*

²⁸ Игнатий был помещен в Чудов монастырь Московского кремля, занимал кафедру патриарха еще раз в 1611 г., после заточения в тюрьму Гермогена, но затем сбежал в Польшу с уходящими литовскими войсками (подробнее см.: *Булычев А. А. История одной политической кампании XVII в. М., 2004*).

ник всей этой войны, отговорился от командования той же турецкой угрозой, и начальство принял литовский гетман Я. К. Ходкевич. Зато позже в поход на Москву поднялось украинское казачество с гетманом Петром Конашевичем Сагайдачным, а также «лисовчики» и им подобные «волонтеры». Впрочем, начинался поход королевича вообще с большим трудом: ему пришлось простоять в Луцке до 12 (22) июня, а до Смоленска войско добралось только к 17 (27) августа, отправив за это время к Жолкевскому почти 2 тыс. человек с полковником Мартином Казановским (в несколько приемов). В итоге к Дорогобужу подошло чуть больше 3 тыс. солдат, которые по соединении с войсками Ходкевича составили армию в 8 тыс. человек. Пика своей численности армия королевича достигла в начале похода от Можайска на Москву (конец августа 1618 г.), когда ее догнала «дивизия» М. Казановского и другие подкрепления. Ее состав был доведен до 8 тыс. конницы, 1 тыс. «лисовчиков» и 5,5 тыс. человек польской и немецкой пехоты; претендента на царский трон сопровождало около 1 тыс. московских ратников (в основном казаков). Осадный парк составляло 11 тяжелых орудий и 3 мортиры²⁹.

Московское правительство летом 1617 г. было занято борьбой с Гонсевским, а также с черкасами, вновь проникшими в северные области. Только в августе в Ярославль и Муром были отправлены стольник кн. Д. М. Черкасский и боярин кн. Б. М. Лыков собираться с ратными людьми и ждать приказа о наступлении³⁰. Тогда же на службу были приглашены 2 тыс. казаков так называемого «заугорского войска», которых по происхождению еще называли «заруцкими казаками», ушедших со службы «на Брыню» (в глухие Брянские леса) в 1616–1617 гг. Эти девять станиц атамана Ивана Орефьева «со товарищи» после уговоров и выплаты жалованья усилили вяземский гарнизон.

Но все же начался королевичев поход триумфально – и во многом благодаря «вольным казакам»: при известии о его личном появлении в октябре 1617 г. восстали и сдались Дорогобуж и Долгомостье (с казачьими гарнизонами), а «заугорское войско» заволновалось и вернулось в Воротынский уезд «на приставства». В Вязьму, покинутую воеводами, стрельцами и посадскими людьми, Владислав вступил беспрепятственно. К осени 1617 г. его войско

²⁹ *Majewski A. A. Moskwa 1617–1618. S. 70, 94–99, 130–132.*

³⁰ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 356–359.

усилилось более чем тысячью «русских людей» – в основном казаков, вновь стремившихся «поквитаться» с боярами и дворянами³¹.

Одновременно южнее начал новый набег Чаплинский. «Лисовчики» взяли Мещовск, Козельск сам «целовал крест» Владиславу, и Чаплинский на зиму разбил свой лагерь под его стенами³². Посадские люди города Калуги «били челом государю со слезами» вновь о присылке боярина кн. Д. М. Пожарского ради спасения их города, что и было сделано. Князь получил в распоряжение более 5 тыс. человек: калужан, «первые половины» полков Украинного разряда, треть рязанцев и казаков атамана И. Орефьева³³: последние соглашались вернуться на службу только под начало Пожарского. Через несколько дней при попытке взятия Калуги был разбит пришедший из-под Вязьмы полковник Опалинский, затем воевода сделал ему большое утеснение в селе Товаркове (15 верст от Калуги) и заставил отступить обратно к королевичу. Не стало покоя и «лисовчикам», подвергавшимся постоянным нападениям на своих «приставствах» в Козельском и окрестных уездах вплоть до весны 1618 г. В частности, 18 мая пригнал с сеунчем от князя войсковой есаул Л. Иванов, который под Товарковым отогнал литовские стада, а погнавшихся за ним литовцев «навел на охвояных людей» – укрывшиеся в засаде сотни, немедленно опрокинувшие противника³⁴. На север от Москвы и Смоленской дороги кн. Д. П. Лопата-Пожарский отстоял от пана Соколовского Тверь.

С наступлением зимы наемники Владислава возмутились и остановились в Вязьме, ожидая выплаты жалованья. Казаки его армии стали голодать и, прознав о «многой государственной милости» к своей братии, «заруцким казакам» кн. Пожарского, стали снова покидать королевича. В это время, в ноябре, отобилизованное войско кн. Лыкова (5800 человек) выдвинулось из Муром в Можайск и укрепилось в городе; в январе 1618 г. кн. Д. М. Черкасский с полком (5200 человек)³⁵ прибыл из Ярославля в Волок-Ламский, поддерживая гарнизоны Белой и Можайска и чиня «промысел» над литовцами – в том числе и с помощью лыжных отрядов. Тогда

³¹ *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 165–176.

³² Новый летописец. С. 395.

³³ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 417–419.

³⁴ Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 70, 76, 77, 79; Новый летописец. С. 395.

³⁵ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 436–437, 448–450.

же исчезла угроза со стороны шведов, и царские войска вступили в Новгород. Теперь бояре уверенно отвергли предложение о перемирии, присланные разочаровавшимися в войне комиссарами сейма, а в апреле заявили о готовности к переговорам при условии вывода королевских войск из московских пределов.

Между тем весенний сейм 1618 г. снова выделил деньги на поход – правда, с условием его окончания в течение года, – а комиссары отклонили предложение Ходкевича идти к Калуге, в сход с Сагайдачным, и настояли на прямом походе к Москве. На пути поляков лежал Можайск, но первый удар они нанесли по Борисову городищу; не сумев взять крепость с ходу, они отошли и разбили лагерь на пушечный выстрел от нее. Через день поляки обратились к самому Можайску, где произошла удачная для них конная схватка с сотнями кн. Лыкова. В ответ на эти действия кн. Д. М. Черкасский выдвинулся к Рузе, а затем прорвался в Можайск; кн. Д. М. Пожарский пошел к Боровску, туда же к нему из Москвы направились юртовские татары и астраханские стрельцы Курмаш мурзы Урусова. Пафнутьев-Боровский монастырь был им занят, правда, накануне воевода кн. В. П. Ахамашуков-Черкасский потерпел там поражение от литовцев (5 июля)³⁶.

С 20 июля противник осаждал и теснил царские войска в Можайске³⁷, нанеся русским серьезные потери: ранение получили кн. Д. М. Черкасский, кн. В. Болховской и многие ратные люди. Но, даже получив от царя разрешение оставить город, воеводы не спешили уходить со своих позиций; воспользовавшись уходом «лисовчиков» в очередной набег, погромили их таборы на Московской дороге (25 июля)³⁸. Только угроза полной блокады и волнения в войске заставили царя отдать решительный приказ об отступлении из Можайска, оставив необходимый пеший отряд со всеми запасами. Для обеспечения операции Пожарский выдвинулся к Борисову городищу: услышав об общем отходе, гарнизон покинул крепость, так что астраханские стрельцы приказа Б. Лупандина едва успели снова ее занять. Выбрав дождливую бурную ночь, князя Лыков и Черкасский под прикрытием конных сотен Пожарского вышли к Боровску, а оттуда – к Москве. Им предстояло оборонять столицу,

³⁶ *Majewski A. A. Moskwa 1617–1618. S. 133–137; Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 84–87; Новый летописец. С. 395–399.*

³⁷ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 493–497.

³⁸ *Majewski A. A. Moskwa 1617–1618. S. 138–139.*

к которой с юго-запада уже приближалось малороссийское казачье войско Сагайдачного.

13.5. Поход украинского гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного 1618 г.

1617 г., 5–20 января – неудачная осада польско-украинским войском кн. Ю. Вишневецкого Путивля.

Конец января – начало февраля – черкасы обманом захватывают Оскол, но с потерями отбиты от Воронежа.

Май–июнь – запорожцы отвергают польские предложения идти в поход на Русское государство.

18–21 (28–31) октября – Ольшанские соглашения Сагайдачного с коронными властями о сокращении реестра казаков.

1618 г., март – посланцы гетмана Сагайдачного приходят в Вязьме к соглашению с королевичем Владиславом о найме 20-тысячного отряда запорожцев на войну с Россией.

Начало мая – начало июня – казачья «рада» запорожцев о замысле похода.

28 июня – взятие черкасами крепости Ливны.

4–10 июля – осада и взятие ими Ельца; захват крымского посольства и «поминков».

Середина июля – 10 августа – поход полковника М. Дорошенко, взял и сжег Лебедянь, Данков, Скопин, Рязк, отбит от Переславля-Рязанского и Пронска. Затем основные силы возвращаются к Ельцу, а особый отряд сжигает Песочню, Сапожок и Шацк.

16–28 августа – неудачная осада черкасами Сагайдачного г. Михайлова.

Конец августа – начало сентября – рейд полковника Ф. Бориспольца в Мещерскую землю: сожжены Касимов и Романово городище.

5–6 сентября – неудачные приступы черкас к Зарайскому городищу.

6–7 сентября – бой на переправе через Оку у Коломны в устье р. Осетр; войско окольного кн. Г. К. Волконского (который сменил заболевшего кн. Д. М. Пожарского) первый день отражало попытки черкас переправиться, но затем казаки взбунтовались и ушли со службы, а войско окончательно развалилось.

10 сентября – на той же переправе арьергард черкас побили дворяне из Зарайска.

Ночь на 24 сентября – неудачный штурм Коломны полком запорожцев Ф. Пирского.

26–28 сентября – Сагайдачный занимает Котлы и мимо Донского монастыря проходит к «таборам» королевича Владислава при Тушине.

Вопрос об организованной помощи со стороны украинского казачества королевичу Владиславу в его попытке занять царский трон решался в острой борьбе между польскими властями и вождями запорожцев. Поначалу, в 1617 г., черкасы решительно отказались воевать с «москвой», заявив о намерении выйти в морской поход на татар и турок. Это могло вызвать обострение отношений с Крымом и Османской империей, что было совершенно излишне ввиду московского похода. Под давлением коронных властей гетман Сагайдачный был вынужден пойти на уступки – вначале на сокращение реестра и отмену морского похода, а затем – и на военную помощь запорожцев Владиславу. Королевич определил размер войска в 20 тыс. человек, которые получают жалованье после соединения с его армией³⁹. В реальности же боевой состав 11 запорожских полков едва ли достиг этого числа⁴⁰; зато весьма внушительным выглядел их обоз, наполненный «пахолками» и «чурами» (молодыми слугами казаков), а также женским полом, взятым в поход с Украины или же захваченным в первые месяцы на Руси.

Вторжение казачьего войска, совершенно неожиданное для русских, началось в июне 1618 г. Муравским шляхом. По-татарски стремительно и внезапно черкасы захватили Ливны, затем атаковали и взяли Елец. После этого сильный «загон» полковника Михаила Дорошенко направился в сторону Рязанской земли, сжег оставленные жителями или не подготовленные к обороне Лебедянь, Данков, Скопин, Ряжск, Песочню, Сапожок и Шацк; лишь мощные укрепления Переславля-Рязанского и Пронска оказались не по зубам запорожцам⁴¹. Вновь собравшись в районе Ельца, ка-

³⁹ *Сас П.* Запорожці у польсько-московській війні наприкінці Смути 1617–1618 рр. С. 306–317.

⁴⁰ Современный украинский исследователь П. Сас настаивает на том, что 20-тысячная планка численности была не только достигнута, но и превышена; однако он сам признает ненадежность официальных реестров (Там же. С. 248–249, 359–360), тогда как русские разведывательные данные неизменно указывают на слабую численность запорожских полков (по 600–800 человек каждый) и их плачевное боевое состояние. Аналогичным образом, вместо 700 черкас полков С. Острожского и Х. Иванова в 1615 г. при поступлении на царскую службу оказалось 140 казаков и 210 «пахоликов» (*Рабинович Я. Н.* Малые города северо-запада России. С. 270–271). В 1655 г. под Минском вместо 20 тыс. человек гетман Северской земли Иван Золотаренко смог представить царскому посланнику едва треть: «А ратных людей при мне, холопе твоем, на стрельбу выходило тысяч с семь», – и еще некоторое число находилось «в загоне» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 497. Л. 65).

⁴¹ Подробную реконструкцию хода боевых действий см.: *Сас П.* Запорожці у

Запорожский казак. Гравюра из брошюры 1622 г.

Запорожский гетман Петр Конашевич-Сагайдачный.
Гравюра из брошюры 1622 г.

зачьи полки двинулись к Михайлову. Двенадцать дней приступали они к городу «жестокими приступы», а «в последнем приступе с черкасы бились коротким боем, копья и ножи резались», но осадные люди «отсиделись». Успешно отразил украинцев и другой рязанский город – Зарайск. Однако ни крепостям, ни царским полкам не удалось остановить продвижение Сагайдачного к Москве. Князь Пожарский серьезно заболел в Серпухове, а большинство дворян отказалось последовать в поход за его товарищем, окольничим кн. Г. К. Волконским; волнения казаков в Коломне помешали своевременно преградить путь противнику против устья реки Осетр. Первый день они все же сдерживали переправу гетманского войска через Оку, но затем были оттеснены обратно к городу. Здесь между оставшимися дворянами и казаками произошло столкновение, а жители Коломны закрыли ворота и обстреляли последних из пушек. В ночь на 7 сентября на казачьем кругу было решено снова уйти со службы; за казаками последовали астраханские стрельцы и татары, а дворяне уехали в Москву. Полк кн. Волконского перестал существовать⁴².

Переправившись через Оку, Сагайдачный по татарскому обычаю «распустил войну» – начал разорять уезды и волости южнее Москвы, блокировав остатки войск в Коломне. Одновременно он установил связь с польским войском, которое перешло от Можайска в Зарайск и готовилось выдвинуться ближе к Москве, на место бывшего Тушинского лагеря. Королевич радостно отправил Сагайдачному гетманские клейноды (знаки власти) – знамя, литавры и булаву, призывая скорее идти на соединение со своими войсками. Не сумев взять внезапным набегом Коломну, запорожский гетман дал бой царским войскам под Даниловым монастырем и беспрепятственно провел основные силы своего войска с Коломенской дороги в Тушино, на соединение с королевичем. Получив последнее возможное в тех условиях подкрепление, гетман Ходкевич решил попытаться счастья и взять штурмом российскую столицу.

польсько-московській війні наприкінці Смуты 1617–1618 рр. С. 329–376.

⁴² Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 184.

13.6. Осада Москвы польскими войсками и завершение военных действий (1618)

1618 г., 20 сентября – 1 декабря – осада Москвы королевичем Владиславом.

23 сентября – польско-литовские войска занимают с. Тушино и «распускают войну» под Москвой.

Ночь на 24 сентября – приступ «лисовчиков» Чаплинского к Троице-Сергиеву монастырю; затем Чаплинский был послан занять Переславль-Залесский, в Александровой слободе повернул к Троице в надежде взять монастырь «изгоном», но был отбит (полковник убит сразу после набега троицкими слугами).

Ночь на 1 октября – неудачный приступ поляков к Арбатским воротам.

Ок. 21–23 октября – переход войска Владислава из-под Москвы к Троице-Сергиеву монастырю.

24 октября – гетман Сагайдачный, посланный из-под Москвы на Калугу, сжигает острог Серпухова.

Конец октября – черкасы благодаря измене взяли острог в Калуге, после чего стояли под городом и «воевали» окрестные места до перемирия.

23 ноября – начало «посольских съездов» в Деулино (под Троице-Сергиевым монастырем).

1618 г., 1 декабря – Деулинское перемирие.

К этому времени все ратные люди царствующего града были расписаны по стенам, воротам и участкам и изготовились к обороне⁴³; в Ярославль и Нижний Новгород за новыми подкреплениями отправились бояре и воеводы кн. И. Б. Черкасский и кн. Б. М. Лыков-Оболенский⁴⁴.

В ночь на 1 октября (на Покров Пресвятой Богородицы) два француза-петардщика перебежали в столицу и сообщили о предстоящем штурме⁴⁵. Эти подрывники, Юрий Бессон и Яков Без, были приданы запорожцам гетмана Сагайдачного, которые должны были «учинить окрик» и атаковать «острожек» в Замоскворечье, отвлекая главные силы защитников столицы на себя. В реальности черкасы своим шумом в начале ночи лишь предупредили гарнизон о начале штурма, не сумев добиться ни малейшего успеха.

⁴³ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 505–519, 566–575.

⁴⁴ Там же. Стб. 565, 576.

⁴⁵ Скобелкин О. В. Французы, которые помогли отстоять Кремль в 1618 г. // Мининские чтения. Труды научной конференции, проходившей в ННГУ им. Н. И. Лобачевского 20–21.10.2006. Нижний Новгород, 2007. С. 119–122.

Вскоре поляки атаковали острог перед Арбатскими воротами, «просекли» его во многих местах и дошли до самых ворот. Однако здесь знаменитый кавалер Новодворский, прикладывая петарду, был ранен пулей в руку. Дворяне «московских чинов», дети боярские и бельские немцы воеводы кн. В. С. Куракина (всего 500 человек), поддержанные московскими стрельцами Б. Полтева и посадскими людьми, произвели вылазку и выбили противника из острога. Второй штурм – у Тверских ворот – закончился еще быстрее, как только штурмовая колонна обнаружила неожиданно глубокий ров, а саперы даже не смогли поднести петарду к воротам. Поляки, по их данным, потеряли 30 человек убитыми и 100 человек ранеными; захваченные петарды были доставлены царю вместе с «сеунчем».

Не добившись успеха, сенаторы перешли к мирным переговорам, а их войска разошлись «в загон» по стране. Сагайдачный двинулся к Калуге, взяв по пути острог в Серпухове (в Верхнем городе «отсиделись»); с помощью изменника черкасам удалось ворваться и на Калужский посад, разорив и спалив его, но приступ к крепости также не удался. Состояние украинского войска было довольно плачевным: «Черкас тысяч с пять, и у них многие ранены и больны, и голод де у них великой, и наги»⁴⁶. Неудивительно, что воеводам многих украинских городов удавалось своими силами наносить чувствительный урон их отрядам и «отбивать» полон.

Удача не сопутствовала и королевскому войску, перешедшему в конце октября на восток от Москвы, к Троице. Еще 24 сентября пан Чаплинский с «лисовчиками», самовольно свернув с Ярославской дороги (он был послан захватить Переславль-Залесский), попытался «изгоном» взять монастырь преподобного Сергия, но был отбит. Вскоре сам полковник погиб в бою с троицкими слугами, защищавшими монастырскую вотчину село Вохну⁴⁷. Подходившее к обители войско Владислава было встречено сильным пушечным огнем, и по совету бывалых ветеранов русской Смуты королевич счел за благо удалиться на 9 верст к востоку в деревню Сватково. Литовцы пошли «воевать» северные: ярославские, костромские, галичские и иные места, где их отряды были встречены

⁴⁶ Сас П. Запорожці у польсько-московській війні наприкінці Смути 1617–1618 рр. С. 383–392, 433–452.

⁴⁷ Палицын А. Сказание Авраамия Палицына / Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 240–242.

ны младшими товарищами-воеводами кн. И. Б. Черкасского (ноябрь–декабрь).

13.7. Деулинское перемирие 1618 г.

Тем временем возобновились переговоры, начатые еще под Москвой. Из столицы в село Деулино (4–5 верст к северу от Троицы) прибыли послы бояре Ф. И. Шереметев и кн. Д. И. Мезецкий со товарищи, а с польской – А. Новодворский, канцлер Л. Сапега, А. Гонсевский и др. Наступала зима, и поляки стали страдать от холода и голода, а комиссары стремились закончить войну к установленному сенаторами сроку. Не лучше обстояли дела и в Москве: служилые люди «по отечеству» меньших статей добивались управы на злоупотребления «сильных людей», угрожая уходом со службы, а 3 тыс. казаков сбежали из столицы, «выломав острог» – насилу их уговорил вернуться сам кн. Д. Т. Трубецкой. Действия другого казачьего войска, в Вязниковской слободке Ярополческой волости (до 3 тыс. человек), которое «приставствовало» в округе и настаивало на выплате «полного жалованья» и отмене «разбора», были так же непредсказуемы⁴⁸. Все это усилило желание обеих сторон прийти к скорейшему соглашению.

По отношению к претензиям на царский трон, которые сын Сигизмунда не снимал, русские послы «о королевиче Владиславе отказали накрепко, что то и ныне и вперед статься не может, а панырада и великие послы то дело на суд Божий положили». Перемирие заключили на 14 лет и 6 месяцев, с уступкой Речи Посполитой Смоленской земли (города Смоленск, Белая, Дорогобуж, Рославль), Северщины (Моравск, Монастырский, Новгород-Северский, Чернигов, Стародуб, Попова Гора, Трубчевск, Почеп, Серпейск), а также Красного городка, Велижской волости, Невеля и Себежа.

Выполняя условия перемирия, королевская армия ушла в Смоленск и далее в Литву. Сагайдачный, отпустив под Калугой более 2 тыс. человек пленных, с остальным полком двинулся на Украину. Однако один из его полков – Ждана Конши (человек триста, некоторые с женами и детьми) – остался на Руси и был принят на царскую службу. Через год, когда с помощью Иерусалимского патриарха Феофана гетман Сагайдачный восстановил в Киеве (по-

⁴⁸ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 184–194.

сле Брестской унии 1596 г.) православную епархию, ему пришлось принести суровое покаяние за войну с единоверным народом Московской Руси.

Кровь продолжала литься только на севере, где вместе с черкасами и «лисовчиками» действовали русские воры-казаки полковника Я. Шишова. Они осадили Углич, приступали к Вологде (20 декабря), разоряли Каргопольский уезд. Снова крестьяне отбивались в лесах на засеках: грабители брали в полон, «секли и побивали» их тысячами⁴⁹. Соглашение правительства с вязниковскими казаками о возвращении их на службу позволило кн. И. Б. Черкасскому в январе 1619 г. перейти здесь в наступление. Ратные люди воевод кн. Г. В. Тюфякина и И. М. Бутурлина разгромили черкас, взяв в плен полковника Яцкого⁵⁰, и рассеяли остальных «воров», остатки которых ушли в Литву⁵¹. Впрочем, отряды запорожцев пограбили на обратном пути еще и Новгородскую землю, шведскую Эстляндию, Ливонию и литовский Слуцк. К апрелю тем же путем покинули пределы России и «лисовчики»⁵².

Деулинское перемирие явилось следствием обоюдного истощения сторон и было вызвано необходимостью передышки. Оно оформило собой тот узел противоречий, для разрешения которых понадобилась еще не одна война. В Речи Посполитой королевич Владислав по-прежнему претендовал на царский трон, а Россия стала стремиться к возврату утерянных земель – прежде всего Смоленской – и вообще к реваншу и мести западному соседу «за все его неправды».

⁴⁹ Подробнее: *Веселовский С. Б.* Белозерский край в первые годы после Смуты // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 276–296.

⁵⁰ Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные... СПб., 1850. Т. I. Стб. 384, 385.

⁵¹ *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 195–198.

⁵² *Majewski A. A.* Moskwa 1617–1618. S. 192.

Глава 14 ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ (1619–1630)

14.1. Финансовые реформы правительства Михаила Федоровича и патриарха Филарета

Летом 1619 г. отец нового русского царя, митрополит Ростовский и бывший тушинский «нареченный патриарх» Филарет Никитич Романов по размену пленными вернулся в Россию вместе с боярином М. Б. Шеиным и многими дворянами. Здесь «по прощенью» сына и по челобитью «всего освещенного собора» и всех чинов Московского государства он был «возведен и поставлен» на патриарший Московский престол иерусалимским патриархом Феофаном. С этого времени Филарет стал фактически главой правительства.

Внутренняя и внешняя политика Российского государства была последовательно подчинена одной цели – подготовке к новой войне с Речью Посполитой. Изначально правительство четко осознавало слабость своего положения и не поддержало инициативу Турции вступить на ее стороне в польско-турецкую войну. Были проведены финансовые, налоговые и административные преобразования.

В начале 1622 г. введен новый налог – «стрелецкий хлеб» или «стрелецкие деньги», напрямую предназначенный для обеспечения жалованьем пополнявшейся русской пехоты. За основу его были положены нормы уже происходившего с 1614 г. сбора казачьих хлебных запасов. Все «черносошные» крестьяне и посадские люди должны были выплачивать его деньгами, а остальные крестьяне – зерном, в размере 100 четвертей с «сохи» в год. Ответственность за сбор налога возлагалась на Стрелецкий приказ. Тогда же был создан приказ Большой казны, ведавший сбором торговых пошлин, а также налогов с купеческих корпораций. Во

главе обоих упомянутых учреждений Филарет поставил своего племянника (сына сестры) – боярина князя Ивана Борисовича Черкасского, сосредоточив в одних руках контроль за основными денежными потоками. Для ужесточения контроля в условиях страшной коррупции, поразившей административный аппарат после Смутного времени, впервые стал составляться финансовый план-отчет – «большая годовая смета». Данные мероприятия помогли оздоровить финансовую систему государства, хотя накануне новой войны правительству пришлось прибегнуть к сбору «пятинных» и «запросных» денег.

14.2. Восстановление армии

Завершение военных действий на всей территории государства позволило провести ряд мероприятий по повышению боеспособности вооруженных сил. В отношении поместной конницы Земский собор 1621 г., обсуждавший возможность возобновления войны с Польшей, удовлетворил общее челобитье служилых людей, и в 1622 г. был произведен повсеместный разбор дворян и детей боярских, сопровождавшийся пересмотром их окладов, верстанием и выдачей денежного жалованья. Тогда же кропотливый «большой сыск» 1620-х годов упорядочил поместное землевладение. В мирное время денежное жалованье «для дальней службы» (на «польскую Украину») стало важным источником обеспечения разорившихся служилых людей «по отечеству».

Чуть ранее, в 1619 г., правительство произвело всеобщий разбор оставшихся на службе «вольных казаков»: около 1,5 тыс. человек были «поверстаны» денежными и поместными окладами, получив либо поместья, либо, большей частью, дворы в различных уездах страны. Еще более 2 тыс. казаков, не считая черкас, остались на положении «неверстаных», служащих с земли или с корма – месячного жалованья. Разделенные на многие десятки мелких отрядов, они усилили гарнизоны крепостей на южной и западной границах, превратившись в одну из групп служилых людей «по прибору»¹.

К 1630 г. общее число ратных людей удалось довести до 92 тыс. человек, в том числе: 30 тыс. дворян, детей боярских, иноземцев и черкас, 10 тыс. служилых татар, 28 тыс. стрельцов, 11 тыс. го-

¹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 205–239.

родовых казаков, 4,5 тыс. людей «пушкарского чина» и 8,5 тыс. служилых чуваш и мордвы. Из этого числа годными к «полковой службе» – к далекому походу – было не более 20 тыс. человек. В поисках решения этой проблемы правительством в 1630-е гг. была поставлена цель создания армии нового типа – регулярных полков «нового строя».

14.3. Татарская война 1613–1630 гг.

Одним из символов нормализации русской жизни стало возрождение «береговой службы» против Дикого поля: уже в 1613 г. были назначены воеводы в обычные полки Украинного разряда. Большой полк разместился в Туле, Передовой – во Мценске, а Сторожевой – в Новосиле, поскольку Орел, где он раньше стоял, был разрушен литовцами и возобновлен только в 1630-х гг. Возрожден и Рязанский разряд: в 1617 г. Большой его полк был размещен в Переславле-Рязанском, Передовой – в Михайлове, а Сторожевой – в Пронске. Служба велась местными ратными людьми, не посланными еще под Смоленск, в числе едва 4–5 тыс. человек². Эффективность ее поначалу была крайне низкой: десятки крепостей лежали в пепле, да и продолжали уничтожаться черкасами и «лисовчиками». Засечная черта не обновлялась, а украинские полки часто снимались и уводились на запад – против Литвы (в 1615–1618 гг.).

С началом в 1612 г. польско-турецкой войны угроза со стороны крымских татар исчезла, зато ногаи Большой орды продолжали свои разорительные набеги. В 1613 и 1614 гг. они подходили за несколько верст к Москве, а в 1615 и 1617 гг. Калмиусским шляхом достигали Серпухова с окрестностями. В 1616 г. по ногайским вестям в столице были расписаны по стенам и участкам обороны все наличные служилые и посадские люди³.

Однако как раз в этот момент пришлось спастись уже самой орде: в 1614 г. ее глава князь Иштерек напрямую присягнул турецкому султану, а не крымскому хану, чем вызвал гнев последнего. Поход Джанибек-Гирея на Тамань и погром им кабардинского князя, союзника ногаев, был расценен последними как начало войны

² Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 65–67.

³ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. Стб. 199–205.

против них. Иштерек поспешно откочевал к Астрахани и в октябре 1616 г. вновь «принес шертъ» русскому царю, после чего переправился с большей частью улусов за Волгу. Вскоре он умер, и в орде вспыхнуло междоусобие, не прекращавшееся до конца 1620-х гг. Астраханские воеводы имели указание поддерживать ссоры, чтобы ослабить татар и отвадить их от набегов на Русь. Так, во время боя 18 декабря 1619 г., когда улусы Кара-Кельмаметь-мурзы подверглись нападению пришедших из-за Волги Яштерека и Иштерек-овых детей, конные стрельцы головы А. Хохлова вышли из Астрахани, «маня ногаев помочью на обе стороны», чтобы «больше к бою ссорились...». Увидав стрелецкий «обоз», из ногайского стана выбежали к своим несколько тысяч русских полоняников, а всего в ходе боев удалось освободить 15 тыс. человек! В дальнейшем для прекращения междоусобий воеводы взяли заложников из всех знатных и даже «черных» родов Большой орды, а для обороны от калмыков выслали стрелецкие отряды. Подобными, а также чисто военными мерами им удалось удержать ногаев на восточной стороне Волги и избежать опасности объединения их с крымцами и возобновления набегов⁴.

В Крыму, который долго и с большими потерями воевал в составе турецких войск против Польши и Ирана, с 1624 г. началась настоящая гражданская война⁵. Хан Магмет-Гирей отказался подчиниться указу нового султана о передаче правления Джанибеку, смещенному предыдущими властями, разгромил турецко-татарский отряд последнего под Кафой и заставил Стамбул отменить свое решение. Решающую роль в битве сыграли запорожцы, которые вступили в союз с Магметом против Турции. Хана поддерживала Персия, где тот со своим братом, воинственным Шагин-Гиреем, скрывался долгое время. В последующую затем войну были втянуты Малые ногаи, азовские и белгородские татары, Запорожская Сечь. В 1628 г. Стамбулу удалось наконец восстановить Джанибека на Бахчисарайском престоле, однако в следующие годы Крым подвергся настоящему разгрому запорожскими и донскими казаками. Ими были разграблены с моря Кафа, Керчь, Мангуп с ханским двором и другие города. Неудивительно, что в этих условиях хан всеми силами пытался удерживать своих людей от

⁴ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 88–97, 138–142.

⁵ Там же. С. 98–132.

походов на московские окраины, однако в отношении небольших своевольных отрядов сделать это было практически невозможно.

Численность русских «украинных полков» после Деулинского перемирия постепенно возрастала: с 7 тыс. по наряду 1619 г. до 9–10 тыс. в последующие годы. Надо отметить, что в тот момент «береговая служба» не столько отражала набеги, сколько поддерживала дворянскую конницу в боеготовом состоянии. Помещики, выступавшие «на берег» «по половинам» (сменяясь через год), втягивались в привычную «полковую» службу; «новики» получали первые боевые навыки; воеводы и дьяки регулярно следили за обновлением личного состава и его боеспособностью. Важным обстоятельством стало и возобновление в полном объеме сторожевой службы в Поле, ради чего ряды «станичников» и «сторожевых казаков» были вновь укомплектованы и достигли необходимой штатной численности за счет иных категорий служилых людей польских и украинских городов.

Ввиду возможных осложнений с Речью Посполитой с 1619 г. Передовой и Сторожевой полки были передвинуты соответственно в Дедилов и на Крапивну. Все расположение подчинялось задаче предотвращения прорыва татар в центральные уезды государства. Количество и дальность посылки степных «сторож» сократились, зато их численность была увеличена. События в Крыму и в Поволжье доставили передышку южнорусским окраинам: татары (не более нескольких сотен человек) не достигали засечной черты, а за некоторые годы об их появлении не упоминается.

Заключение

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ СМУТЫ

Смутное время вызвало преобразование российской политической системы, утратившей было прочность в связи с династическим кризисом. Власть вновь приобрела легитимность в глазах населения Русского государства. Гражданская война начала XVII в. отразилась в борьбе двух идей: с одной стороны, стихийной народной веры в «истинного Царя», получившего Божье благословение через «рождение от царского корени» или другими более мистическими способами, – с другой же – вполне рационалистического подхода верхушки общества к царскому избранию. Поиск компромисса обеих позиций поначалу выразился в избрании на престол иностранных принцев, однако это резко приблизило угрозу политической и религиозной катастрофы страны. Лишь новое соглашение враждующих лагерей в виде избрания на престол Михаила Федоровича Романова получило благословение Православной церкви и привело, наконец, к замирению сторон. Однако далее последовала ожесточенная борьба с последствиями Смуты – иностранной интервенцией, казачьими разбоями и отдельными рецидивами самозванчества – так что окончание этого периода нашей истории как в политическом, так и в более узком военном смысле следует отнести только ко времени Деулинского перемирия 1618 г. И все же успешное завершение вооруженной борьбы было predetermined уже в 1612–1613 гг. сознательным и ответственным выбором «всея земли»; верность этому выбору стала нравственной основой разумной мобилизации сил и экономических средств страны для отпора врагу, а впоследствии создала условия для вполне успешной внешнеполитической «реконкисты» и расширения границ Русского государства в середине XVII – начале XVIII в.

Смута стала важным этапом в борьбе за первенство в Восточной Европе, которая началась с созданием крупных центра-

лизованных государств – России, Речи Посполитой и Швеции. Показательно, что кровавая русская междоусобица проходила на фоне отсутствия у соседних стран сколь-нибудь согласованных и продуманных амбициозных стратегий в отношении России. Так, в 1609 г. королевская пропаганда в Речи Посполитой попыталась объединить общество под лозунгом «колонизации» московских земель по образцу Испанских завоеваний, однако в качестве жизнеспособной долгосрочной программы эти фантастические тезисы явно не годились. Полную поддержку сословий Речи Посполитой получила лишь вооруженная борьба за Смоленск и Северскую землю; попытки короля или его сына занять московский престол натолкнулись на равнодушие и недовольство – в том числе с опасением чрезмерного усиления королевской власти внутри страны. Влиятельной политической силой Речи Посполитой также оказались наемные армии самозванческих гетманов и конфедерации королевского войска, однако заботились они лишь о вознаграждении своих «кровавых заслуг», не беспокоясь об интересах государства. Отсюда – катастрофа московского гарнизона 1612 г. и провал московского похода 1617–1618 гг., при общем превосходстве Речи Посполитой над Россией в людских и финансовых ресурсах и в военном потенциале. Как ни странно, Смута показала слабость Польско-Литовского государства, раздираемого внутренними противоречиями и неспособного к долгосрочной мобилизации своих сил.

Похожая ситуация наблюдается и в Швеции. Выдвинув дерзкий, но достаточно перспективный проект возведения шведского королевича на царский трон, наместник короля в Новгороде Яков Понтус Делагарди оказался в одиночестве в шведской политической элите. Захват приграничных русских крепостей в Прибалтике – вот максимум, дозволенный королевскими инструкциями. Более масштабное участие в чужой гражданской войне, при зыбкости собственного внутреннего и международного положения, вызывало серьезное беспокойство. В итоге шведы вполне удовлетворились отторжением от России Корелы и Ижорской земли, возвратив без боя Новгород с его обширными областями. Былой антипольский союз России и Швеции (1608–1611) вскоре стал базой для возобновления военно-политического сотрудничества уже в эпоху Смоленской войны (1632–1634).

Четвертая влиятельная сила в Восточной Европе – Крымское ханство – оказалась вообще не заинтересована в ослаблении России за счет Польско-Литовского государства и большую часть времени придерживалась нейтралитета, выступая иногда даже в качестве военного союзника московских властей из-за перманентной собственной смуты в Бахчисарае, а также из-за разницы интересов Крыма и Османской империи. Крымско-татарская элита не стала возрождать прежние агрессивные планы по отторжению от России Казани и Астрахани – при том, что в условиях Смуты эти области долгое время были ослаблены в военном отношении и даже находились в конфронтации с центральными властями. Ввиду разногласий между соседями международное положение Русского государства в эпоху Смутного времени оказалось несравненно более выгодным по сравнению с периодом окончания Ливонской войны (1578–1584), что помогло ему избежать национальной катастрофы и свести потери от иностранной интервенции пусть к значительным, но локальным территориальным уступкам.

Перемены в военном деле

Бедствия Смутного времени: городские восстания, казачьи грабежи и разбои, нападения интервентов, татарские набеги и карательные действия правительственных войск – нанесли огромный урон мирному населению и опустошили ряды служилых людей Русского государства. Колоссальные потери понесла и верхушка служилого сословия – думные и московские чины и выборное дворянство. Эта ситуация, как и обстановка гражданской войны в целом, привела к определенному упрощению «разрядной» структуры московской рати. От обычного в годы правления Бориса Годунова «разряда на пять полков» (Большой, Передовой, Сторожевой, Правой илевой Руки), постоянно вызывавшего местнические споры между воеводами, правительство царя Василия Шуйского отказалось уже в 1606–1608 гг. Последним (и единственным за всю Смуту) Государевым походом, с разрядом на 7–8 полков, стал поход Василия Шуйского на Тулу против Болотникова и Лжепетра в 1607 г. После этого даже главные силы русской армии, в походах на Болхов (1608) или Смоленск (1610), стали расписываться не более чем на три полка – Большой, Передовой и Сторожевой. А с восстанием городов против правительства Семибоярщины и

сбором Подмосковского ополчения и эта структура естественным образом отмерла – полки в Подмосковных таборах подчинялись своим уездным воеводам и головам, выбор которых был одобрен советами земских людей на местах.

Правительство царя Михаила Федоровича, хоть и возродило обычай разбора местнических споров, ограничило область традиционного деления рати на три полка «украинным разрядом» против татар – группировкой, которая в 1613–1618 гг. имела ничтожное стратегическое значение. В остальных случаях во главе войска назначались по два воеводы и дьяк, которым подчинялись сотенные и стрелецкие головы и казацкие атаманы. Эта практика военного времени уничтожала целую область возможных местнических споров, до крайности осложненных последствиями Смуты: возвышением родственников нового царя, приближением ко двору лидеров уездных корпораций и их сородичей и угасанием многих древних знатных родов. Впоследствии, с созданием полков «нового строя», разряд армии на «титульные» полки потерял всякое практическое значение и появлялся лишь иногда как дань традиции – преимущественно в торжественных Государевых походах.

Наивысшее напряжение усилий ратных людей и всего общества, имевшее место в Смутное время, не могло не оказать влияния на тактику и вооружение русской армии. До совершенства доводились привычные приемы боя, перенимались и перерабатывались тактические формы иноземных армий. Неравная борьба с профессиональной конницей вынудила наибольшее внимание уделять средствам обороны – от полевых укреплений до построений пикинеров. На широкую ногу ставится производство огнестрельного оружия. Уровень вооруженности войска зависел от степени его поддержки крупными городами – ремесленными и торговыми центрами. О разбитых Федором Шереметевым черемисах писали, что «огненного де бою у них нет – всё лучной» (конец 1608 г.). В противоположность им у ратных людей Русского Севера, как правило, был «зелью расход велик: с пищальми людей много...», и из городов в это войско постоянно шли обозы с новым оружием, порохом и свинцом. Зато жители Путивля и Рыльска в 1605 г. смогли быстро восполнить нехватку гусарских копий («древок»), утраченных конницей Лжедмитрия I после разгрома при Добрыничах.

«Дети боярские» долгое время сохраняли тактику «лучного боя», опираясь в боях с польской конницей на поддержку «обо-

зов» с пехотой, эскадронов служилых немцев и, в 1609–1610 гг., на взаимодействие со шведскими союзниками. Всадники стремились избегать прямого контакта с польскими копейщиками, отступая перед ними и подводя под огонь пехоты или фланговые удары других сотен.

Роты наемной шляхты в армиях самозванцев, как и в польско-литовском войске, строились в несколько линий (от 2 до 5–6), которые вводились в бой поочередно, причем начинали бой казаки или легковооруженные пятигорцы, а копейщики наносили главный удар. При Добрыничах часть гусар была распределена по пятигорским ротам, а одна гусарская рота оставалась в резерве. Похоже, «дети боярские» северорусских уездов, бывшие в стане Лжедмитрия II в 1608–1609 гг., начали вооружаться по примеру поляков длинными копьями. Впрочем, без навыка обращения с таким оружием они годились лишь на роль поддержки гусар и пятигорцев, и с возвращением на сторону Москвы вновь отказались от него.

«Гуляй-город», хранившийся под Москвой, активно применялся в боях 1606–1609 гг., а коломенский (или серпуховской) был взят ратниками Ляпунова к столице в 1611 г. – после чего упоминания об обоих исчезают из источников. В полевых боях использовались обозы или «таборы» из сцепленных между собой телег (зимой – саней), оснащенных дощатыми щитами с бойницами или просто наполненных сеном. Так, при Добрыничах перелом в ход битвы внесла внезапная массированная пальба стрельцов и пушек, укрытых за возами с сеном, по польской коннице – тот же прием, что был применен против татар при Молодях (1572). Донцы и черкасы умели прорываться с такими обозами сквозь вражеские боевые порядки. По польскому описанию, в 1611 г. ратники Просовецкого шли «гуляй-городом, то есть подвижною оградю из огромных саней, на которых стояли ворота с несколькими отверстиями для стрельяния из самопалов. При каждых санях находилось по 10 стрельцов: они и сани двигали, и, останавливаясь, стрельяли из них, как из-за каменной стены. Окружая город со всех сторон: спереди, с тыла, с боков, эта ограда препятствовала нашим копейщикам добраться до русских...».

Во время боев 1609 г. стрельцы Фёдора Шереметева применили прием, давно испытанный на Волге в борьбе с татарами: передвигаясь на стругах, они внезапными налетами при содействии конных сотен громили отряды «тушинцев» на переправе. Однако в откры-

тых боях, особенно в безлесной местности Суздальского ополья, сторонники самозванца сохраняли перевес над земскими ратями. Также и посешные северорусских городов в нескольких боях были «посечены как трава» считанными ротами шляхты. Наступление поляков было остановлено ими сначала упорной обороной в крепостях и на засеках. Затем, осторожно продвигаясь к Ярославлю, ратники обязательным образом действовали под прикрытием острогов и засек. Постепенно русская пехота выработала способность везде находить укрытия: в бою с Ходкевичем (август 1612 г.) сбитые со стен Замоскворечья стрельцы и казаки кн. Пожарского засели «по ямам и кропивам», в погребах сгоревших домов, откуда по сигналу перешли в наступление. Отметим еще, что в зимнюю пору русские и финские пешие ратники широко применяли лыжи («рты»), что не только ускоряло передвижение, но и легко позволяло уйти от вражеской конницы по лесу или глубокому снегу.

Опыт, добытый кровью земских ратей, был закреплен и переработан в систему князем Михаилом Скопиным-Шуйским. Воевода добросовестно перенял из нидерландской военной школы метод «блокагаузов», хорошо знакомый ветеранам Делагарди. Постройкой цепи этих небольших укреплений («острожков») с мобильными отрядами внутри можно было надежно блокировать лагерь противника или обезопасить собственное войско на марше. В обозе кн. Скопин-Шуйский стал возить до 2 тыс. готовых острых кольев для частокола. В воеводские указы русской армии надолго вошло описание разработанного им похода «с большим бережением». Сначала из расположения рати вперед отправлялись надежные дворяне с отрядом, которые тщательно выбирали выгодное место для следующего стана и укрепляли его рогатками. Только после этого остальные ратники выходили в путь под обязательным прикрытием разездов, с тем чтобы как можно скорее добраться до подготовленного к обороне места и оборудовать там полноценный «острожек». Такая тактика применялась в походах к Москве и Смоленску в 1609–1610 гг., обоими ополчениями в 1611–1612 гг., царским войском под Смоленском, Можайском и в Новгородской земле в 1613–1618 гг. и далее вплоть до 1650-х гг.

Гарнизоны полевых «острожков» нередко состояли из «детей боярских», что послужило важной причиной их перевооружения огнестрельным оружием в 1610-х гг. Впрочем, сыграл роль и материальный фактор: с разорением основных торгово-ремесленных

центров страны и общим их упадком обновлять доспехи, закупать качественные саадаки и каленые стрелы стало невозможно для основной массы служилых людей, тогда как огнестрельное оружие и боеприпасы исправно поставлялись всем земским ратникам. Оснащение всадников ручницами перестало считаться чем-то недостойным, и определение «пищальник», как признак ущербного служебного положения, исчез из списков городских «детей боярских». К 1621 г. подавляющая часть дворянской конницы уже имела на вооружении «езжие пищали», годные и для конного боя, и для обороны укреплений.

Не меньшее значение имел первый опыт освоения западноевропейской – нидерландской пехотной тактики. В августе 1609 г. бойцы посошных ратей кн. Скопина-Шуйского были отданы в обучение ротмистру Христиеру Зомме и его ветеранам, которые усиленно занимались с ними по методике принца Морица Оранского: «Московитских воинов, имевших хорошее вооружение, но пока необученных и неопытных, он в лагерной обстановке заставлял делать упражнения по нидерландскому способу: учил в походе и в строю соблюдать ряды на установленных равных расстояниях, направлять, как должно, копья, действовать мечом, стрелять и беречься выстрелов». Русская пехота с пикинерами упоминается при Клушине в 1610 г. и в Первом ополчении в 1611 г., но затем временно исчезает вместе с практикой боевого использования посошных людей (до 1630-х гг.).

Опыт непрерывных пятнадцатилетних боев и походов Смутного времени не только изменил вооружение и образ действий русско-го войска – он стал питательной основой большинства военных реформ эпохи первых Романовых, царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Публикации документов

Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. / Сост. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. М., 1979. Ч. 1–2.

Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.) // Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 1995. С. 101–123.

Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 1995. С. 12–98.

Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сб. документов. М., 2003.

Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 2009. Т. VIII.

Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1777.

Записки иностранцев

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.

Арсений Елассонский. Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998.

Буссов К. Московская хроника 1584–1613. М.; Л., 1961.

Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. М., 2000.

Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007.

Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000.

О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей. М., 1997.

Паерле Г. Описание путешествия Ганса Георга Паерле... // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Т. 2. С. 153–234.

Флетчер Д. О государстве Русском или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским). СПб., 1906.

Памятники древнерусской литературы

Азарьин С. Книга о чудесах преподобного Сергия. СПб., 1888.

Наседка И. Житие и подвиги преподобного отца нашего архимандрита Дионисия. [Б. м.], [б. г.].

Иван Тимофеев. Временник Ивана Тимофеева. М., 1951.

Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998.

Палицын А. Сказание Авраамия Палицына / Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955.

Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени // Русская историческая библиотека. СПб., 1909. Т. 13.

Монографии

Бульчев А. А. История одной политической кампании XVII в. М., 2004.

Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: Опыт государственного строительства. М., 2008.

Каргалов В. В. Полководцы XVII века. М., 1994.

Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.

Козляков В. Н. Смута в России. XVII век. М., 2007.

Косточкин В. В. Крепость Смоленска. М., 2004.

Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 года. М., 2006.

Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009.

Лаврентьев А. В. Царевич – Царь – Цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001.

Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.

Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937.

Потто В. А. Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. (Репринт: Ставрополь, 1991). Т. 1.

Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006.

Рабинович Я. Н. Малые города северо-запада России в Смутное время: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 2010.

Разин Е. А. История военного искусства. СПб., 1994. Т. 3.

Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011.

Сас П. Запорожці у польсько-московській війні наприкінці Смути 1617–1618 рр. Біла Церква, 2010.

Селин А. А. Ладога при Московских царях. СПб., 2008.

Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988.

Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606–1607 гг. Л., 1951.

Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632–1634. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919.

Тюменцев И. О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. М., 2007.

Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008.

Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII век. М., 1954.

Эскин Ю. М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013.

Bohun T. Moskwa 1612. Warszawa, 2005.

Majewski A. A. Moskwa 1617–1618. Warszawa, 2006.

Sikora R. Kłuszyn 1610. Łęborg, 2010.

Статьи

Антонов А. В. К начальной истории Нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 196–240.

Бибииков Г. Н. Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // Исторические записки. Т. 19. М., 1946. С. 3–16.

Бибииков Г. Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки. Т. 32. М., 1950. С. 173–197.

Богоявленский С. К. О Пушкарском приказе // Сборник в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 361–385.

Васильев А. А. Войско гетмана Ходкевича // Армии и битвы. № 2 (2003. № 1). С. 38–43.

Веселовский С. Б. Белозерский край в первые годы после Смуты // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 276–296.

Замятин Г. А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008.

Захарьина Н. С. Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского (1607–1610 гг.) // Социально-экономическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев, 1980. С. 133–138.

Кияновский М. И. Русские военные памятники // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 331–360.

Курбатов О. А. Наемный корпус Деллагарди на службе царя Василия Шуйского: Опыт внедрения нидерландской военной системы в России в начале XVII века // Цейхгауз. 2002. № 19 (3/2002). С. 4–6.

Лаврентьев А. В. Собирался ли Лжедмитрий I воевать с Карлом IX? (Внешнеполитические планы Самозванца и Швеция. 1605–1606 гг.) // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: Архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 72–79.

Лобин А. Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) // Исследования по истории средневековой Руси: Сб. ст. в честь 80-летия Ю. Г. Алексева. СПб.; М., 2006. С. 383–397.

Лукичев М. П. Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612–1613 гг. // *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 198–234.

Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты // *Ukraina Lituanica: Студії з історії Великого князівства Литовського.* Київ, 2009. Т. 1. С. 67–88.

Медведев П. А. Подготовка Смоленской обороны 1609 г. // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. научных трудов. Л., 1990. С. 72–90.

Пишторка А. Г. Дзеянні войскаў ВКЛ пад Смаленскам у 1614 г. // Беларускі гістарычны агляд. Мінск, 2008. Т. 15. Ч. 1–2 (28–29). С. 124–148.

Скобелкин О. В. Ирландская рота на русской службе в последние годы Смуты // Шэмрок. Журнал ирландских исследований. Воронеж, 1997. № 1. С. 71–85.

Скобелкин О. В. Участие ирландцев последних событиях Смуты в России // Шэмрок: Ирланд. исслед. (история, политика, культура). 2002. № 2. С. 56–66.

Скобелкин О. В. Французы, которые помогли отстоять Кремль в 1618 г. // Мининские чтения. Труды научной конференции, проходившей в ННГУ им. Н. И. Лобачевского 20–21.10.2006. Нижний Новгород, 2007. С. 119–223.

Скобелкин О. В. Шотландцы на русской службе в середине 10-х годов XVII века // Исторические записки: Науч. труды ист. ф-та ВГУ. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 14–21.

Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–96.

Тюменцев И. О. Жители Московского уезда и воры в 1608–1611 гг. (по материалам русского архива Яна Сапеги) // Памяти М. П. Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 323–345.

Тюменцев И. О. Иноземные солдаты на службе Лжедми-трию II. 1607 – начало 1610 года // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. С. 270–283.

Эскин Ю. М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 143–157.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1.	
ПРЕДПОСЫЛКИ СМУТЫ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ.....	7
1.1. Русь накануне Смуты.....	7
1.2. Царствование Федора Иоанновича (1584–1598).....	10
<i>Экскурс 1.</i> «Гуляй-город», или «обоз», в русском военном деле конца XVI – начала XVII в.	15
1.3. Царствование Бориса Федоровича Годунова (1598–1605).....	20
1.3.1. Шевкальский поход 1604 г.	25
<i>Экскурс 2.</i> Вооруженные силы России на рубеже XVI–XVII вв.....	28
Глава 2.	
ПОБЕДА И ПРАВЛЕНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ I.....	35
2.1. Авантюра Лжедмитрия I	35
<i>Экскурс 3.</i> Тактика стрельцов при Добрыничах	41
2.2. Правление Лжедмитрия I, или «царя Дмитрия Иоанновича» (1605–1606)	42
Глава 3.	
ВОССТАНИЕ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И КАЗАКОВ ПРОТИВ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО (1606–1607).....	45
3.1. Поход повстанцев Болотникова и Пашкова на Москву (1606) . .	45
<i>Экскурс 4.</i> «Вольное казачество» в период Смуты	50
3.2. Осада Москвы отрядами Пашкова и Болотникова	52
3.3. Бои со сторонниками «Дмитрия» и лжецаревича Петра	54
3.4. Государев поход царя Василия Шуйского. Осада и взятие Тулы ..	55
Глава 4.	
ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ II (1607–1608)	57
4.1. Первый поход войск нового самозванца	57
<i>Экскурс 5.</i> Армия Лжедмитрия II в 1608–1610 гг.....	59
4.2. Поход Лжедмитрия II на Москву и начало осады столицы. . . .	60
4.3. Поход полковника Александра Лисовского к Москве	61
4.4. Тушинский лагерь Лжедмитрия II	63

Глава 5.

НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ВОЙСКАМ

ЛЖЕДМИТРИЯ II (1608–1610).....	67
5.1. Оборона Троице-Сергиева монастыря	67
<i>Экскурс 6. Ясаки – способы отличия в гражданской войне</i>	74
5.2. Действия «земских ополчений» на севере России	76
<i>Экскурс 7. Организация ратных людей</i> из уездов Русского Севера	78

Глава 6.

ПОХОДЫ ЦАРСКОЙ АРМИИ

ПРОТИВ «ТУШИНСКИХ» ВОЙСК (1608–1610).....	80
6.1. Русско-шведский военный союз и начало похода кн. М. В. Скопина-Шуйского.	80
6.1.1. Битва под Тверью	84
<i>Экскурс 8. «Нидерландская тактика» войск Скопина-Шуйского.</i> ..	86
<i>Экскурс 8.1. Русские пешие копейщики – пикинеры</i>	88
<i>Экскурс 8.2. Тактика «острожков»</i>	89
<i>Экскурс 9. «Устав ратных, пушечных и других дел,</i> касающихся до воинской науки» дьяка Онисима Михайлова ...	91
6.2. Боевые действия «низовой рати» боярина Ф. И. Шереметева в 1606–1610 гг.	92
6.3. Борьба нижегородских ратных и посадских людей против сторонников самозванцев в 1606–1610 гг.	93
6.4. Поход войск кн. Скопина-Шуйского к Александровой слободе и снятие осады Москвы	95

Глава 7.

НАЧАЛО ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ (1609–1611).....	98
7.1. Начало русско-польской войны 1609–1618 гг.	98
7.2. Осада Смоленска	100
7.3. Поход царских войск для деблокады Смоленска и битва при Клушине.....	105
7.3.1. Клушинская битва	108
7.4. Свержение царя Василия Шуйского и правительство Семибоярщины. Оккупация поляками Москвы 1610 г.	111
7.5. «Во имя Государя Владислава Жигимонтовича»: походы войск московского правительства и польского короля на противников «избранного царя»	117

Глава 8.

ПЕРВОЕ ЗЕМСКОЕ (ПОДМОСКОВНОЕ) ОПОЛЧЕНИЕ	121
8.1. Воззвание патриарха Гермогена	122
8.2. Сбор и поход земских ратей к Москве	124
8.3. Московское восстание 19 марта 1611 г.	126
8.4. Блокада польского гарнизона Москвы земскими ратями	127
8.5. Совет всея земли	128
8.6. Убийство Прокопия Ляпунова	128
8.7. Распад Первого ополчения	129

Глава 9

СОБЫТИЯ СМУТЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ	131
9.1. Начало шведской интервенции на северо-западе России	132
9.2. Штурм и взятие Новгорода шведами 16 июля 1611 г.	134
9.3. Лжедмитрий III	135

Глава 10

ВТОРОЕ (НИЖЕГОРОДСКОЕ) ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ (1611–1612) И ЗЕМСКОЙ СОБОР 1613 г.	137
10.1. Идеология борьбы Земских ополчений	137
10.2. Козьма Минин	138
<i>Экскурс</i> 10. Служилые люди «смоляне».	139
10.3. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский	140
10.4. Формирование Нижегородского ополчения и боевые действия до овладения Ярославлем	141
10.4.1 Поход Второго ополчения к Ярославлю (1612)	144
10.5. Деятельность правительства кн. Пожарского и Минина в Ярославле	144
10.6. Поход нижегородского ополчения к Москве и «Ходкеев бой» 22 и 24 августа 1612 г.	146
10.6.1. Благословение архимандрита Дионисия	146
10.6.2. Битва под Москвой	147
10.7. Освобождение Москвы от поляков	151
10.8. Татарская война в период Смуты (1605–1612)	153
10.9. Земский собор 1613 г.	155

Глава 11

ЗАВЕРШЕНИЕ СМУТЫ: БОРЬБА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА С ВНУТРЕННИМИ МЯТЕЖАМИ	157
<i>Экскурс</i> 11. Состояние вооруженных сил России в начале царствования Михаила Федоровича	157

11.1. Борьба войск Подмосковных ополчений и царя Михаила Федоровича с последним самозванцем	159
11.1.1. Восстание в Астрахани в 1606–1614 гг.	162
11.1.2. Поход царских войск на Заруцкого и восстание в Астрахани в 1614 г.	165
11.2. Борьба с «воровскими» казаками	167
11.2.1. Поход атамана Баловня (1615).	169

Глава 12

БОРЬБА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА СО ШВЕДСКОЙ

ИНТЕРВЕНЦИЕЙ (1613–1617).	171
12.1. Внешнеполитическая обстановка в начале царствования Михаила Федоровича	171
<i>Экскурс</i> 12. «Книга сеунчей».	172
12.2. Возобновление войны со Швецией: от боев на Усть-реке до осады Пскова	174
12.2.1. Оборона Тихвина монастыря (1613).	177
<i>Экскурс</i> 13. Конные поединки в боях эпохи Смуты	181
12.2.2. Поход на Новгород войск боярина кн. Д. Т. Трубецкого. Битва под Бронницами (1614)	184
12.3. Осада Пскова шведским королем	185
<i>Экскурс</i> 14. Густав II Адольф – великий военный реформатор.	187
12.4. Завершение войны со Швецией. Столбовский мир 1617 г.	188

Глава 13

БОРЬБА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА С ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ

ИНТЕРВЕНЦИЕЙ (1613–1618).	190
13.1. «Смоленское городовое стояние»	190
<i>Экскурс</i> 15. «Бельские немцы»	191
13.1.1. Начало осады Смоленска царскими войсками (1613).	193
13.2. Поход полковника Лисовского в 1615 г.	194
13.2.1. Александр Лисовский.	196
<i>Экскурс</i> 16. Полк «лисовчиков»	197
13.2.2. Последний поход А. Лисовского	199
13.3. Завершение осады Смоленска (1616–1617).	201
13.4. Поход королевича Владислава на Москву	202
13.5. Поход украинского гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного 1618 г.	207
13.6. Осада Москвы польскими войсками и завершение военных действий	211
13.7. Деулинское перемирие 1618 г.	213

Глава 14

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ СМУТНОГО

ВРЕМЕНИ (1619–1630) 215

14.1. Финансовые реформы правительства

Михаила Федоровича и патриарха Филарета. 215

14.2. Восстановление армии 216

14.3. Татарская война 1613–1630 гг. 217

Заключение 220

Основная литература 228

Михаил Федорович, первый русский царь новой династии (1613–1645). Гравюра из книги А. Олгария, 1647 г.

Издательство

К В А Д Р И Г А

По вопросам оптового приобретения книг издательства в Петербурге обращайтесь в Торговый Дом «Гуманитарная Академия» Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8 (ст. метро «Черная Речка», полуподвал, вход с ул. Академика Шиманского). Тел./факс: (812) 430-99-21 E-mail: gumak@mail.ru. Сайт: www.humak.ru

Мы предлагаем магазинам, библиотекам и книготорговым организациям все лучшее и наиболее качественное из мира научно-гуманитарной (история, философия, социология, психология, культурология, литературоведение и т. п.) и некоммерческой художественной литературы. В числе наших партнеров более 100 издательств России, книгами которых мы торгуем по издательским ценам. Если вы хотите работать с ассортиментом немассового спроса или приобрести книги, которые не представлены в сетевых магазинах, обращайтесь к нам!

- Торговля оптом и в розницу
- за наличный и безналичный расчет
- Комплектование библиотек
- Работа по заказам
- Индивидуальный подход в системе скидок

По вопросам оптового приобретения книг издательства в Москве обращайтесь в «Издательско-торговый дом гуманитарной книги “Гнозис”» Москва, Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел./факс: 8(499) 255-77-57. E-mail: gnosis@pochta.ru

Олег Александрович Курбатов

**Военная история русской Смуты
начала XVII века**

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *Н. А. Шакиров*
Корректор *М. Г. Смирнова*
Верстка *Н. А. Шакиров*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 15.
Тираж 600. Заказ 4874.

Издательство «Квадрига»
kvadriga-izdat.ru

ISBN 978-5-91791-146-5

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Преодолев потрясение государственной и общественной жизни, Россия заложила фундамент на последующие три столетия до политических бурь XX в. Память о Смуте стала элементом идеологии и народного самосознания. На слуху остались имена князя Пожарского и Козьмы Минина, но почти стерлись князя Скопина-Шуйского или Прокопия Ляпунова, оборона Тихвина (1613) или Михайлова (1618).

Исследование Смутного времени – тема нескольких поколений ученых, однако почти отсутствуют военно-исторические работы. Свести воедино результаты наиболее значимых исследований последних 20 лет – задача книги, посвященной исключительно ее военной стороне. В научно-популярное изложение автор включил результаты собственных изысканий.

Работа построена по хронологически-тематическому принципу. Разделы снабжены хронологией и ссылками, что придает изданию справочный характер. Очерки о состоянии вооруженных сил, тактике и боевых приемах рассредоточены по тексту и служат комментариями.

ISBN 978-5-91791-146-5

9 785917 911465